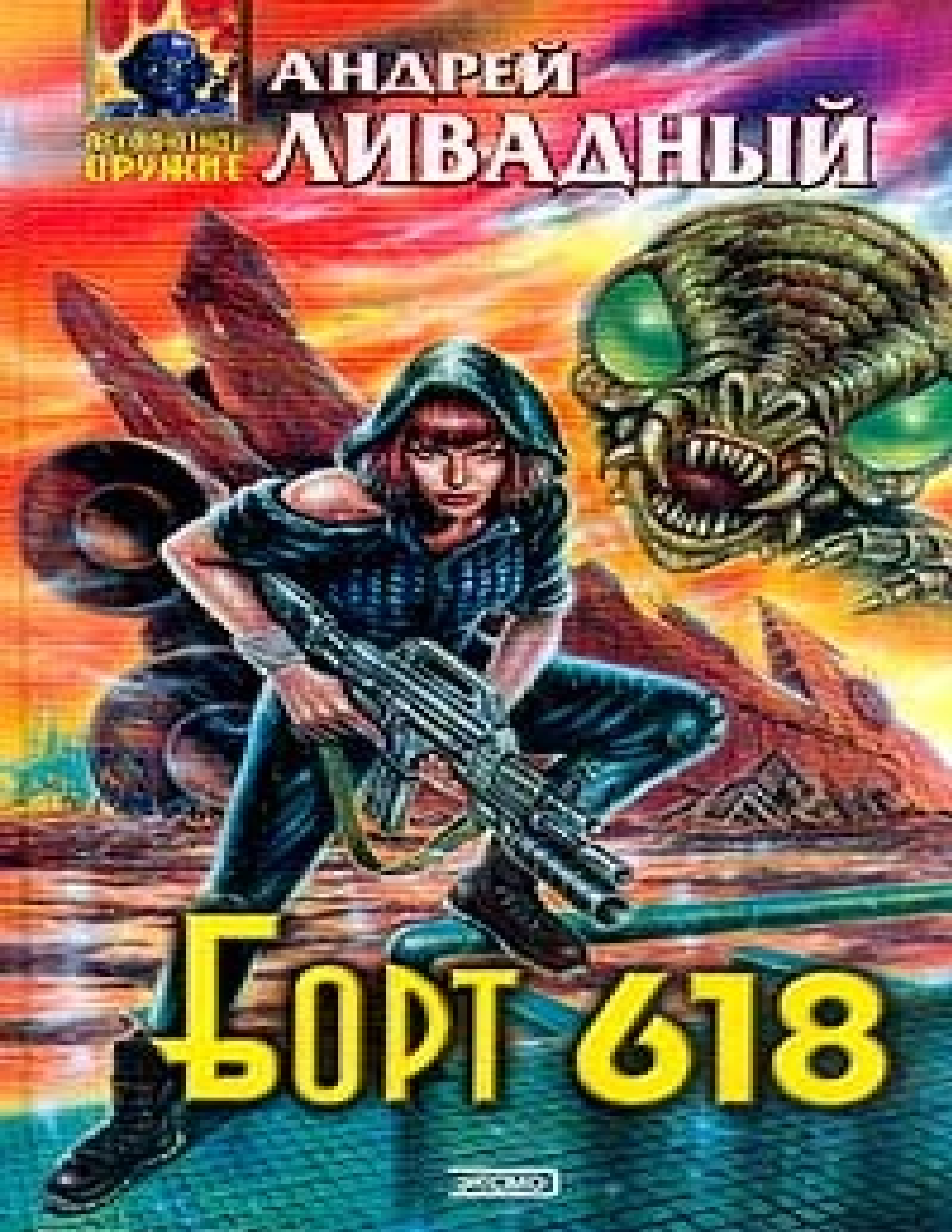

ОРУЖИЕ
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
БОРТ 618
ЭКСМО

Annotation

3801 год.

Неожиданный бой на далекой планете. Смертельное ранение. Последнее, что уловил угасающий взгляд лейтенанта Лизы Стриммер, была рука омерзительного существа, тянущегося к ее лицу. А дальше провал в памяти, длиною в два десятка лет. Она жива. Но кто воскресил ее? И почему вдруг этот неведомый «доброжелатель» начал на нее форменную охоту? Что за сила обосновалась на далеком Воргейзе, пытаясь вмешиваться в судьбы целых планет? На все эти вопросы придется отвечать именно ей.

* * *

Подсерия «Жизненное пространство» #1

Андрей Ливадный Борт 618 (Экспансия: История Галактики — 31) (Жизненной пространство — 1)

Пролог

— Борт 618, здесь «Орфей», доложите готовность!

Пилот десантно-штурмового модуля кинул беглый взгляд на приборы.

— «Орфей», на связи Борт 618, предстартовая процедура окончена. Прошу данные по обстановке.

— Борт, орбиты сближения свободны. Данные по точке высадки загружаются.

— Что там внизу? — Пилот машинально поправил дугу укрепленного у губ микрофона, одновременно считывая поступающие на навигационный экран данные.

— Сложно сказать, — ответил голос в коммуникаторе. — Густая низкая облачность, разрывов нет, похоже, что в зоне высадки гроза. По данным картографической разведки, там несколько брошенных поселений, связанных общей инфраструктурой дорог. Приспособленной площадки для посадки нет, сориентируетесь по обстановке.

— Понял вас. — Пилот кивнул своему навигатору. — Игорь, следи за рельефом. Настрой сканеры на низкую облачность. Придется идти по приборам.

Навигатор потянулся к приборным панелям. Пилот спускаемого модуля переключился на внутреннюю связь:

— Экипажу, начало стосекундного отсчета. В отсеках, приготовиться к старту. — Он опять коснулся сенсора. — «Орфей», начат стосекундный отсчет. Подтвердите разрешение на старт.

— Борт 618, старт разрешен. Катапульта заряжена, силовые поля убраны.

В ангаре разведывательного картографического крейсера «Орфей» в этот момент стихла вся суета подготовки, люди исчезли, фермы обслуживания втянулись в предназначенные для них укрытия. Огромный десантно-штурмовой модуль, подхваченный электромагнитами удержания, оторвался от стартовой плиты и медленно поплыл в сторону открытого затвора катапульты, будто действительно являл собой исполинский тупоносый снаряд длиной почти в сто метров.

— Борт, вы в стволе. Затвор герметизируется. На табло бортового хронометра цифры обратного отсчета продолжали свое стремительное движение к нулю.

Две разведенные в стороны половинки многотонного затвора стартовой электромагнитной катапульты начали возвратное движение, медленно смыкаясь.

— Затвор закрыт!

— Добро. Мы готовы.

Пилот спускаемого модуля посмотрел на экраны обзора. Вдоль внутренней поверхности ствола стартовой катапульты то и дело пробегали цепочки красных и синих огней, обозначая габариты пусковой шахты, а впереди, за раскрывающимися лепестками диафрагменного люка, уже обозначился черный провал космоса.

— Диафрагма открыта!

Цифры на бортовом хроно высветили нули. Плавное ускорение, рожденное электромагнитами стартовой катапульты, подхватило космический корабль, толкнуло его вперед по стволу, огни габаритов слились в сплошные полосы и…

Резкий толчок, вспышка гасящих вращение дюз коррекции, ощущение Бездны, расплескавшейся вокруг мириадами колючих, холодных точек…

«Орфей» огромной клиновидной массой уже скатывался на экраны заднего обзора, а впереди был виден ущербный шар серовато-зеленой планеты.

Пилот посмотрел назад, провожая взглядом удаляющуюся массу крейсера, по борту которого четкими флюоресцирующими буквами тянулась надпись:

«Миссия гуманитарного союза Совета Безопасности Миров. Поиск потерянных колоний».

— Борт 618, доложите обстановку.

— Старт успешный.

— Счастливо, парни. До встречи на высоких орбитах.

— Понял, спасибо. Конец связи. — Пилот спускаемого модуля коснулся сенсора, переключая свой коммуникатор на внутреннюю частоту.

Он сделал это спокойно, буднично, абсолютно не догадываясь о том, что слышит голос дежурного офицера крейсера в последний раз.

Впереди уже рос, распухая в размерах, серовато-голубой шар планеты.

Часть первая. Пятая колонна

Глава 1

Планета Кассия. Город Александрийск. Западный жилой массив, шесть часов вечера по локальному времени

Этот высотный дом стоял, на самом краю двадцать третьего жилого комплекса, возвышаясь пограничным уступом уровня «D». Если встать спиной к его входу, то чуть дальше и значительно ниже можно было увидеть бесконечные крыши — все вровень друг с другом, будто небоскребы нарочно подгоняли под одну высоту, а на них — высаженная в виде замысловатых геометрических фигур красовалась нежная, едва распустившаяся зелень весенних садов.

…Молодая женщина лет тридцати, идущая по пешеходной дорожке вдоль ограждения, отделяющего ее от пропасти перепада городских уровней, остановилась неподалеку от входа в здание. Оглядевшись по сторонам, она в нерешительности облокотилась о перила, будто ее мучили какие-то сомнения. Несколько раз она бросала мимолетный взгляд в сторону застекленного входа в жилой комплекс, словно мысленно решала — войти внутрь или нет?

Видимо, она так и не смогла прийти к однозначному ответу на свой вопрос, потому что отвернулась и принялась смотреть вдаль, на умытую недавним дождем свежую зелень садов.

За этим, нижестоящим уступом огромного города уже не увидишь следующей ступени жилых массивов: все сливается воедино, и очертания отдельных зданий теряются в дрожащей дымке городского смога.

Некоторое время она смотрела в туманную даль, а потом, должно быть, поборов сомнения, вдруг решительно направилась в сторону входа.

Внутри здания было светло и чисто. По периметру огромного фойе тянулись веселые, пестреющие товарами витрины минимаркетов. У дверей лифтовых шахт на своих постах сидели два охранника в форме МСБ, Муниципальной службы безопасности.

Женщина прошла мимо них, вызвала лифт и поднялась на девяносто пятый этаж.

Перед дверями квартиры с пятизначным номером она опять на несколько секунд застыла в нерешительности, но потом, поджав губы, коснулась подушечкой большого пальца правой руки крохотного пятнышка сканирующего устройства.

Дверь послушно скользнула в сторону, открывая сумрак прихожей.

Она вошла, поморщившись от коснувшихся ее обоняния флюидов.

— Сергей! — с порога позвала она. — Сережа!..

Тишина. Лишь в воздухе витает странный сладковатый запах. Дверь за спиной скользнула на место, сделав сумрак прихожей еще более густым.

Лиза тяжело вздохнула, нашаривая рукой выключатель.

Быть женой наркомана — удел безрадостный, и внутренняя отговорка о том, что наркотик на самом деле ненастоящий, очень скоро перестает действовать, по крайней мере как лекарство от душевного бессилия, от ощущения того, что тебя предали.

Сейчас, вернувшись домой после недельного отсутствия, Лиза почувствовала это особенно остро. Открыв дверь и перешагнув порог квартиры, которую они с Сергеем сняли несколько месяцев назад, сразу после свадьбы, она первым делом споткнулась о брошенную второпях обувь.

«Опять этот чертов бардак…» — мгновенно раздражаясь, подумала она.

Застойный запах сигаретного дыма, осевшего на занавесках и мягкой мебельной обивке, смешивался в гостиной с какой-то кислятиной, в воздухе витала настоящая вонь, и от всех добрых мыслей и надежд Лизы тут же не осталось и следа.

Уходя на время из дома, она давала тем самым Сергею шанс одуматься, прийти в себя, понять наконец, что рядом с ним находится еще один живой человек, но… По положению брошенной второпях обуви, скомканному плащу, который бесформенным комом валялся подле вешалки, и этой мерзкой, отвратительной вони Лиза поняла: все, это уже окончательно и бесповоротно.

Переступив порог гостиной, она еще более укрепилась в своем тягостном предчувствии. Ее прощальная записка так и осталась лежать на столе, прижатая тарелкой, на которой скорчились засохшие бутерброды. Вот так… Он даже не удосужился прочесть ее послание.

— Сергей? — опять позвала она, в растерянности остановившись у стола.

И вновь ей ответила тишина. Лишь в соседней комнате, где был установлен терминал компьютера, что-то тихо, назойливо попискивало.

Ну ясно… Опять погряз в своей виртуалке.

К горлу вдруг подкатила уже не злость, а горечь. Так погано, мерзко на душе ей было только в далеком детстве, когда разводились родители, а она, еще совершенно ничего не понимая в нюансах взаимоотношений взрослых людей, вдруг оказалась в центре их драмы. Тогда Лиза тоже

отказывалась что-либо воспринимать, — мать и отец в равной степени были дороги маленькой девочке, и ей казалось абсолютно непонятным, почему жизнь вдруг дала трещину и начала прямо на глазах разваливаться на куски, превращая любимых богов в жалких, озлобленных и приземленных людей.

Так и с Сережей…

Красивая сказка их знакомства, свадьба, медовый месяц — все исчезло так быстро, обернулось равнодушием любимого и сосущей пустотой одиночества, этой мерзкой вонью нестиранного белья, отвратительным запахом переполненной пепельницы и давно немытого тела…

Губы Лизы дрогнули от обиды. Он мог хотя бы сделать вид, что прочел записку. Сдвинул бы тарелку, отложил листок в сторону, может, и не терзала бы сейчас ее сердце такая дикая, безысходная тоска.

Зачем только она вернулась? Зачем лелеяла в душе эту глупую, наивную надежду, ведь все было ясно и так? Что заставило ее снова прийти сюда, в эти стены, где одним странным, серым утром окружающая ее сказка обернулась вдруг чем-то злым, нехорошим?

Лиза все еще растерянно стояла посреди комнаты, рядом со столом. В ее глазах блестели навернувшиеся слезы. В соседнем помещении, где по типовому проекту квартиры был установлен терминал Интерстаровского компьютера, по-прежнему назойливо пищал непонятный, тревожный сигнал.

Ей бы тихо уйти отсюда, покинуть навсегда это гиблое место, пропахшее флюидами ее почившей мечты о счастье, но вот что-то не давало, удерживало, и даже больше — толкало туда, в комнату.

«Слишком быстро это произошло…» — внезапно подумалось ей, и эта мысль как нельзя более четко расставила все на свои места, сделала понятным и причину возвращения, и боль в душе, и какую-то внутреннюю готовность прощать обиды: она просто не хотела верить в то, что уже свершилось. Лиза была достаточно рассудительна, чтобы понимать, — слишком явными и скорыми оказались перемены в их взаимоотношениях, жизни, во всем…

Господи, как горько… глупо все…

Не в силах сопротивляться внезапному порыву, она решительно шагнула к дверному проему, ведущему в соседнюю комнату и… застыла на пороге как вкопанная, смертельно побледнев.

В комнате с зашторенными окнами царил полумрак.

Терминал компьютерной системы таинственно мерцал тусклыми

точками индикационных сигналов. В глубинах полусферического стереомонитора сплетали неясный танец загадочные абстрактные тени так называемого «хранителя», но не это приковало к себе взгляд смертельно побледневшей женщины.

Сергей сидел в кресле, как-то странно, совершенно безвольно свесив голову набок, будто силы оставили его и он просто уснул в такой расслабленной, но неестественной для человека позе.

Длинный черный кабель оптико-волоконного соединения, оканчивающийся вставленным в височную область нейрошунтом, глянцевитой змеей обвился вокруг горла, одна рука Сергея обвисла как плеть, другая вцепилась в эту неживую змею, словно оптиковолокно вдруг ожило и пыталось задушить его…

— Сережа!.. — Лиза, омертвев от этой жуткой картины, все же инстинктивно рванулась к нему, схватила его голову в свои жаркие, мгновенно вспотевшие ладони и вдруг взвизгнула, отпрянув, когда ощутила под дрожащими пальцами мертвую, холодную плоть, которая на ощупь была будто резиновая.

Господи, как ей стало страшно и одновременно мерзко в этот миг. Лиза медленно пятилась назад, пока ее спина не коснулась стены. Взгляд словно примерз к мертвому лицу мужа, к его открытым, остекленевшим глазам, к высохшему следу от струйки слюны, что какое-то время стекала из уголка его рта…

Она не могла поручиться, дышала ли в этот миг, но когда ее страшное оцепенение наконец прорвал судорожный вдох, то вместе с ним до ее помутившегося сознания дошел весь букет той вони, которая витала в воздухе затемненного помещения, и ей тут же стало плохо.

Содрогаясь в конвульсиях, она медленно сползла на пол.

…Через несколько минут, когда спазмы пошли на убыль, она в полубредовом состоянии сумела не то выйти, не то выползти из комнаты. С трудом соображая, что и зачем делает, обламывая ногти, она открыла оставленную в гостиной сумочку и совершенно без сил рухнула в кресло.

Дрожащими пальцами набрав короткий, известный любому ребенку номер, Лиза выслушала долгий гудок, затем тональный сигнал подключения, и наконец в трубке раздался голос:

— Да? Дежурный МСБ слушает.

— Приезжайте… — дрожащими губами выговорила она, с трудом припоминая свой собственный адрес.

— Конечно, мэм. — Голос дежурного оставался таким же ровным и деловым:

— Я могу узнать, что случилось?

Боже, как тяжело, оказывается, выдавить из себя эту простую, короткую, но страшную по своей, смысловой окончательности фразу:

— Мой муж… Он умер…

Рука Лизы с трубкой мобильного телефона бессильно опустилась.

Несколько минут она сидела, не шелохнувшись, тупо и отстраненно глядя в пол перед собой, пока из глаз не хлынули наконец слезы.

Через некоторое время далеко внизу, в ущелье улицы, визгливо завыли сирены нескольких машин Муниципальной службы безопасности.

* * *

Офицер, которому Лиза открыла дверь, вел себя спокойно и корректно. Двое его подчиненных в сопровождении гражданского медика тут же прошли в комнату, где находился труп, а он мягко, но настойчиво подтолкнул Лизу в сторону приоткрытой двери, ведущей на кухню:

— Пойдемте. Нам с вами нужно поговорить. Лиза, которую не покидало напряжение, вдруг поняла, что сопротивляется, окаменев, будто офицер желал не поговорить с ней, а как минимум изнасиловать.

Осознав это, она опустила руки.

— Да, конечно… Вы правы.

На кухне, вопреки ее предчувствию, царил тот порядок, который она оставляла тут неделю назад, решив временно переехать в гостиницу.

— Присаживайтесь. — Она указала на пластиковый стул, материал которого искусно имитировал дерево… и болезненное воспоминание тут же кольнуло душу: они с Сергеем сами выбирали этот гарнитур накануне свадьбы.

Офицер, окинув, цепким, профессиональным взглядом обстановку помещения, втянул носом застойный пыльный воздух и сел, представившись:

— Меня зовут Дейвид. Лейтенант Дейвид Морган, отдел расследования убийств.

Лиза кивнула, молча достав из сумочки, которую все еще сжимала в руках, свое унифицированное удостоверение личности.

Лейтенант извлек из нагрудного кармана крохотный фонарик. Направив невидимый глазу поток лучей на серый прямоугольник, он прочитал проступившие на нем буквы, кивнул, возвращая удостоверение, и внезапно спросил:

— Могу я обращаться к вам по имени?

Лиза в первый момент не поняла вопроса: ее горестное оцепенение

усугублялось с каждой минутой, и внешний мир с такой же скоростью отдалялся от нее. Мрачные мысли мешали нормально воспринимать реальность.

Наконец, осознав, о чем он ее спрашивает, Лиза кивнула, соглашаясь. Какая разница?..

— Вы даже не сходили туда… — тихо упрекнула она лейтенанта.

Он не смутился и не обиделся.

— Там работают эксперты, — спокойно объяснил он. — Не стоит им мешать, они вызовут меня лишь в том случае, если обнаружат признаки насильственной смерти.

Лиза усмехнулась горько, понимающе. Этот молодой красивый офицер, сидевший напротив, вероятно, уже сто или даже тысячу раз удовлетворил естественное для любого человека брезгливое любопытство, и смерть перестала быть для него таинством, а ее созерцание превратилось в нудную, каждодневную работу.

Тихо хлопнула входная дверь, в коридоре неприятно звякнул металл. На кухню заглянул служащий в форме Муниципальной санитарной службы.

— Привет, Дейв. Мы за телом.

Морган жестом указал им в сторону комнаты.

Лиза подняла глаза, беспомощно озираясь вокруг. Для человека, на которого внезапно обрушилось глубокое личное горе, многие моменты повседневной жизни становятся вдруг дикими, непонятными, болезненными. Человеческое равнодушие вдруг стало осязаемым, словно окутав Лизу тяжким саваном: оно, это самое равнодушие, бродило по ее квартире, заглядывая во все доступные взгляду углы, грохало в коридоре носилками, смотрело на нее глазами лейтенанта Моргана…

«Совсем не так, как в кино…» — внезапно подумалось ей.

— Ну, лейтенант? — разбивая тягостную тишину, нервно, с вызовом в голосе, произнесла она. — Мы будем разговаривать? — Лиза попыталась на ощупь найти в сумочке сигареты, но дрожащие пальцы заблудились в мелких вещах, которые после утраты постоянного жилья приходилось таскать с собой, и она внезапно вытряхнула содержимое прямо на стол.

— Успокойтесь. — Морган с дежурной улыбкой наблюдал, как Лиза взяла сигареты и пытается вскрыть непочатую пачку. — Дайте помогу. — Он распечатал сигареты и вернул их ей. Их пальцы соприкоснулись на миг, и она вздрогнула, ощутив, что кожа лейтенанта холодная, словно у лягушки.

Наверное, он был таким в жизни: спокойный, доброжелательный,

рассудительный… в общем, никакой.

Лиза прикурила сигарету, и вдруг ее наконец проняло: слезы брызнули из глаз, струясь по щекам, в носу защипало, не то от сигаретного дыма, не то от прорвавшегося наконец горя.

Она думала, что Морган сейчас кинется утешать ее, но он остался сидеть на месте. На кухню вошел один из его помощников, наклонился к лейтенанту и что-то тихо сказал ему на ухо. Морган кивнул.

— Теперь мы можем поговорить, — произнес он, оборачиваясь к Лизе. — Вам следует успокоиться. Сейчас я включу аппаратуру протокольной записи и задам вам несколько вопросов…

Она кивнула, неловко вытирая слезы.

Процедура допроса, или, как было в данном случае — опроса свидетеля, значительно упростилась с, той далекой поры, когда была введена в практику на прародине человечества — Земле. Лейтенант Морган достал из внутреннего кармана служебный комп, очень похожий на толстую записную книжку, расположил его на столе перед собой, открыл «обложку», которая на поверку оказалась мини-дисплеем.

Лиза отрешенно смотрела на эти приготовления, пока в какой-то момент не осознала, что совершенно четко понимает смысл каждого совершенного лейтенантом действия. Откуда в ней вдруг появилась эта подсознательная уверенность, подспудное знание процедуры, оставалось только догадываться.

Вот Морган, взяв в руки световое стило, коснулся его кончиком нескольких точек на развернутом к себе экране, и Лиза машинально подумала:

«Включил инфракрасный порт… Устанавливает соединение с сетью…»

Действительно, на миниатюрной панели мини-компьютера судорожно заморгал индикатор беспроводной связи. Невидимые глазу, но свободно проникающие сквозь стены инфракрасные волны достигли приемника сетевого терминала, расположенного в соседней комнате, и включили его. Теперь Морган, введя специальный для таких случаев код доступа, мог получить всю доступную в Сети информацию относительно Сергея Шелгунова и его жены Лизы Стриммер. В категорию доступа включалась вся закрытая для обычного пользователя «подноготная», в том числе банковские счета и личная переписка, осуществленная через сервис Сети, и еще много интимных, обычно недоступных посторонним лицам сведений.

«Словно тебя прилюдно раздевают…» — неприязненно подумала Лиза и тут же откровенно удивилась этому непонятно как ожившему в ней

знанию, но Морган был занят чтением поступающих на экран данных и потому не обратил внимания на то, как вдруг остатки краски сбежали с ее лица, сделав бархатистую кожу пепельно-серой.

Морган закончил изучать данные и поднял взгляд на Лизу.

— Итак, я готов, выслушать вашу версию случившегося, — сухо произнес лейтенант. — Учтите, что с этой секунды аудиосистема будет вести протокольную запись. Предупреждаю, все, что будет сейчас сказано вами, может быть впоследствии использовано против вас, — добавил он стандартную, пережившую века формулировку.

— Да, я знаю, — негромко ответила Лиза. — Что именно вы хотите услышать от меня?

— Кем был ваш муж, Сергей Шелгунов?

— Журналистом. Он работал на частное информационное агентство Норригана.

— У него были неприятности на работе? Вам известны люди, о которых он писал?

— Нет. Муж не посвящал меня в свою профессиональную деятельность.

— У него имелись предпосылки для самоубийства?

Этот вопрос ошарашил Лизу. В первый момент она растерялась, неприятная волна жара обдала ее тело.

— Вы это серьезно, офицер?! Морган строго посмотрел на Лизу.

— Чем вам показался некорректным мой вопрос?

— Я думаю, что речь должна идти об убийстве, лейтенант, — справившись со своими чувствами, твердо ответила она, внутренне делая отчаянный шаг вперед, к этой преднамеренной резкости. — Я полагаю, вы будете искать тех, кто сначала отнял у меня мужа, а затем убил его.

— И кто, по-вашему, эти люди? — не скрывая своего недовольства, спросил Морган.

— Те, кто выпускает программы виртуальных миров, которые засасывают душу человека, действуя на разум, словно наркотик! — резко ответила Лиза.

Лейтенант покосился на экран мини-компьютера, где специальная программа производила анализ голосовых модуляций.

Нет, судя по показателям анализатора, эта женщина не играла. Она действительно находилась в состоянии аффекта и вполне серьезно полагала, что можно взвалить ответственность за смерть ее мужа на кого-то другого, кроме него самого.

— Что ж, буду вынужден не согласиться с вами, и даже готов

пояснить — почему, хотя это напрямую и не входит в сферу моих обязанностей, — немного помедлив, заявил Морган. — Вы, видимо, слабо знакомы с Сетью, если делаете подобные допущения. — Он откинулся на спинку стула и поучительно произнес: — Дело в том, что виртуальное пространство нашей общепланетной сети, так же как межзвездная сеть Интерстар, не может рассматриваться в контексте привычных для реального мира юридических взаимоотношений. Притягательность виртуальных миров, которые действительно зачастую намного краше реального жизненного окружения, нельзя рассматривать как преступление их создателей. Просто есть люди, которые предрасположены к психическим расстройствам и так называемой «виртуальной зависимости», а есть те, кто просто не замечает второго слоя нашего сознания, как теперь модно называть виртуалку. Вы понимаете меня?

Лиза была вынуждена кивнуть, хотя это простое движение далось ей с трудом.

— Поверьте, развитие инфраструктуры сетей и совершенствование связанных с ними виртуальных миров только добавило головной боли как нам, обычным стражам порядка, так и дипломированным юристам, занимающимся законотворчеством. Ваш муж, по всем признакам, умер не от нервного истощения, а от элементарного обезвоживания организма. Он не сошел с ума, а просто потерял сознание от голода и жажды. Его никто не убивал.

— Не верю, что в иллюзиях можно заблудиться настолько глубоко, чтобы потерять все ощущения, связанные с собственным телом и его физиологическими потребностями! — упрямо перебила лейтенанта Лиза.

— Увы, мэм. Такие случаи крайне редки, но прецеденты уже были. На тысячу человек, которые, по оценкам психологов, имеют ярко выраженную виртуальную зависимость, один рано или поздно погибает вот таким неприглядным образом.

— И эта статистика никого не убеждает в опасности виртуальных миров для человека?

Морган поморщился, словно от зубной боли.

— Сеть нельзя запретить, — ответил он. — Нравится это кому-то или нет, но она будет существовать, хотя бы потому, что без нее уже немыслимы ни экономика современного мира, ни технический прогресс, ни межзвездная связь. А что касается индустрии сетевых развлечений и связанных с нею проблем, то тут царят законы игорного шоу-бизнеса. Никто не затягивает клиентов в Сеть насильно. И, разбирая случаи глубокой зависимости, неважно, закончилась ли она летальным исходом,

мы приходим к удручающему выводу: большинство жертв виртуалки идут туда не просто по прихоти своего слабого, неадаптированного сознания. Они *хотят там жить*, потому что реальный мир по тем или иным причинам перестал быть для них привлекательным.

Лиза нахмурилась.

— Не думаю, что у моего мужа был комплекс неполноценности, — возразила она.

— Возможно, — согласился Морган, — но у него имелись проблемы иного толка. Лиза внутренне напряглась.

— Какие?

Лейтенант испытующе посмотрел на нее.

— Вы не в курсе его финансового положения? — наконец осведомился он.

Холод в груди стал резче, неприятнее.

— Нет… — созналась Лиза.

Морган несколько секунд продолжал в упор смотреть на нее, видимо, что-то просчитывая в уме, а потом произнес:

— Пожалуй, я могу сообщить вам некоторые подробности полученной мною конфиденциальной информации. — Он как-то нехорошо усмехнулся и тут же со вздохом добавил: — Тем более что вы так или иначе узнаете о ней буквально завтра.

— Почему? Что это за информация? — насторожилась Лиза.

— Отвечаю по порядку: пять месяцев назад ваш муж взял кредит в одном из банков, надо заметить, весьма внушительную сумму, под огромный процент, и завтра как раз наступает крайний срок выплаты денег. — Морган покосился на дисплей мини-компьютера и добавил: — Если учитывать, что он не платил по процентным ставкам, то сумма уже превысила здравый предел финансовых возможностей не только преуспевающего журналиста. Боюсь, что ваш муж пытался прокрутить какую-то финансовую аферу, но у него не получилось. Он мог оттянуть свое банкротство, осуществляя выплаты по процентам, но не сделал даже этого. Значит, ему нечем было платить по обязательствам, и потому его уход в виртуалку не кажется мне чем-то из ряда вон выходящим. Он был обречен и знал это, потому, вероятно, решил провести последние отпущенные ему недели там, где его сознание нашло свой рай, соответствующий его представлениям об Эдеме.

Эта новость обрушилась на Лизу так, словно огромная глыба камня весом в несколько тонн придавила, подмяла ее под себя.

— Могу я взглянуть на сумму долга? — наконец произнесла она.

— Пожалуйста. — Морган повернул к ней свой карманный компьютер.

От цифры, что высветилась на экране рядом с исходной суммой займа, ей не стало легче, наоборот, дыхание окончательно сперло в груди.

Вот черт… Это же прорва денег! За такую сумму можно купить небольшой космический корабль!.. Во что же ты вляпался, Сереженька?!

Несколько минут она не могла произнести ни слова.

Сломав сигарету, Лиза дрожащими пальцами достала другую, прикурила, даже не ощущая вкуса дыма. Морган тактично молчал, все это время продолжая изучать ее бледное, красивое лицо.

— Я буду вынужден наложить временный арест на ваш социальный статус, — наконец нарушил он затянувшуюся паузу в разговоре.

Лиза, погрузившаяся в свои мысли, не сразу уловила суть сказанного, а когда до нее наконец дошло, что именно собирается сделать Морган, то первой ее реакцией была беспомощная, недоверчивая полуулыбка.

— Почему? — безуспешно пытаясь справиться с предательской дрожью в голосе, спросила она. — Вы в чем-то подозреваете меня?!

Лейтенант выдержал взгляд ее расширенных глаз и ответил:

— Предварительно вам будет инкриминировано преступное бездействие, — ответил он, одновременно пряча в нагрудный карман унифицированную карточку Лизы. — Следствие покажет, присутствовал ли в данном случае злой умысел с вашей стороны. Если состав преступления не будет обнаружен, то через пару дней вас восстановят в правах, с соответствующей денежной компенсацией на ваш личный счет.

Господи… Это же сущий бред…

Лиза все же заставила себя поднять взгляд, оторвав его от декорированной под дерево пластиковой столешницы.

— Вы хотите сказать, что я… — Голос Лизы сорвался, и она добавила уже тише: — Мы просто поссорились, и я ушла из дома, понимаете? Я же не знала, что он умрет!..

Морган был сама невозмутимость. Становилось очевидно, что лейтенант видел на своем веку гораздо больше, чем это могло показаться, исходя из его возраста и звания. В данный момент он был похож на вежливую гранитную глыбу.

— Сожалею, но я не уполномочен делать какие-либо выводы, — непреклонно ответил он. — С этой минуты вы обязаны следовать установленной процедуре. — Он вытащил миниатюрный инъектор. — Вашу руку, пожалуйста.

Лиза повиновалась скорее машинально, чем сознательно.

«Сейчас всадит микропередатчик под кожу…» — неприязненно подумала она, и опять испугалась своему подсознательному видению процедуры. — «Откуда? Откуда я могу знать, что он должен сделать?!» — Мысль была панической, заполошной.

— Это абсолютно безболезненная, процедура, — словно угадав ее мысли, произнес Морган. — Сейчас я имплантирую вам микропередатчик, который работает от тепла человеческого тела. — Он прижал головку инъектора к ее запястью и мягко сдавил его. Лиза действительно ничего не почувствовала, только на том месте, куда пришелся укол, осталось крохотное розовое пятнышко.

— Процедура ограничения гражданских прав вам известна?

В душе у Лизы продолжала вспухать какая-то темная волна не то горечи, не то обыкновенной неприязни к этому вежливому, холодному, словно кусок космического льда, представителю Муниципальной службы безопасности. Она хотела надерзить ему, как строптивая школьница занудному учителю, но что-то удержало ее, словно кто-то невидимый, но смутно знакомый шепнул на ухо: — «Не связывайся с ним… Пусть говорит побыстрее и проваливает!..»

Странно было слышать внутри себя этот шепот, будто у законопослушной, ничем не примечательной по своей судьбе и воспитанию женщины за оболочкой внешних реакций оказалось спрятано нечто потаенное.

— Нет… — ответила она, спохватившись. Морган удовлетворенно кивнул.

— Я поясню, — произнес он. — Вы можете свободно перемещаться в пределах города, но обязаны всегда иметь при себе мобильный телефон. По первому вызову вы должны явиться в указанное учреждение для проведения следственных процедур. Вам выдается временная карточка с ограниченным кредитом. Не советую приближаться к космопорту, — предупредил он. — Передатчик, имплантированный вам под кожу, тут же поднимет тревогу и сообщит об этом на центральный пост. Если вы действительно просто поссорились с мужем, то все ваши неприятности завершатся в течение ближайших двух суток.

— Я поняла. — Лиза уже кое-как справилась с колотившей ее нервной дрожью, и теперь ей хотелось как можно скорее остаться одной. Ей было над чем подумать, переживания бродили в душе, будто заблудившиеся души в мифическом аду, и поэтому она действовала словно в полусне. Покорно выслушав еще несколько наставлений лейтенанта Моргана, она кивнула, едва понимая, о чем он говорит, а потом, когда он вышел, долго

сидела, прислушиваясь к голосам в соседних комнатах, и только когда в последний раз хлопнула входная дверь квартиры, она вдруг вновь горько и безудержно разрыдалась.

* * *

Выплакавшись, Лиза почувствовала некоторое облегчение.

На душе было пусто, словно оттуда разом вымели все человеческое. Смерть Сережи уже стала для нее свершившимся фактом, мысль об этом прижилась где-то в уголке опустевшей души и ранила, саднила словами Моргана: «Вам будет инкриминировано преступное бездействие».

Сидя на кухне, откуда почему-то не решалась выйти, она долго и болезненно перебирала в памяти скудные вехи их короткой совместной жизни.

До момента их случайного знакомства, состоявшегося несколько месяцев назад, Лиза совершенно не верила в любовь с первого взгляда, считая это понятие романтическим вздором, который более присущ литературным романам, чем реальным человеческим взаимоотношениям.

Действительно, с чего это вдруг ей столбенеть на улице, а затем очертя голову бросаться в сомнительную интрижку со случайным знакомым, когда жизнь вполне ясна и понятна, все планы разложены по своим полочкам, и каждый шаг вперед вполне обдуман, конкретен и…

А ведь все-таки это случилось.

Так бывает. Человек сам формирует свою теорию вероятностей и допущений, но выношенная в душе схема мирового устройства не всегда оказывается верна. Сколько людей оканчивали свою жизнь или, напротив, находили свое счастье с банальной мыслью, внутренним вскриком: нет, это не со мной… такого не должно было случиться!..

Случается. Выскакивает из-за поворота улицы потерявший управление флайер, с крыши срывается сосулька или кровельный лист… или, например, выходит из кафе напротив незнакомец, останавливается, прикуривает сигарету, поднимает взгляд, и вдруг что-то обрывается в твоей душе…

Воспоминания о том дне, ставшем уже далеким, потускневшим, больно задели воображение, заставили пальцы судорожно сжать мокрый от слез носовой платок, которым она пыталась унять то и дело срывающиеся с ресниц слезинки.

Да, они познакомились случайно. Сергей вышел из кафе, прикурил сигарету и остановился, напряженно глядя по сторонам, словно подсознательно ждал их встречи, и Лизе, которая стояла на

противоположной стороне улицы, пропуская поток машин, уже тогда все происходящее показалось странным, чуть ли не пугающим, будто ее внезапно повлекла к этому человеку неведомая сатанинская сила, а он нарочно задержался у входа в кафе, оглядываясь по сторонам, словно предчувствовал, ждал именно ее, и никого более…

Сейчас, вспоминая тот день, Лиза вдруг с убийственной ясностью поняла, что в тот памятный день Сергей абсолютно необъяснимо, без видимой на то причины внезапно стал для нее ВСЕМ, заполнил жизнь собой сразу, мгновенно, без каких-либо раздумий, допущений…

Будто именно его ждала всю жизнь, с самого детства, когда глупенькой девочкой завороженно глядела в сферу интервизора на гладко выбритого мужчину, сидящего у костра полуобернувшись, так, что ясно виден его профиль. Глаза задумчиво следят за пляской огня, а губы чуть кривит блуждающая улыбка. Это был ее идеальный образ, фантом, принесенный из детства и внезапно обернувшийся реальностью — Сережей, которого она впустила в свою душу, полюбила глубоко, безоговорочно, в один миг, будто и вправду сошла с ума…

Впрочем, полюбила ли?

Теперь ей оказалось сложно ответить на этот вопрос, учитывая все случившееся впоследствии.

…За окном постепенно начинали сгущаться сумерки. Время прокрадывалось мимо Лизы тихо, не приметно, не нарушая горестного оцепенения ее мыслей.

Была ли я на самом деле счастлива с Сергеем?

В душе опять не нашлось однозначного ответа на заданный самой себе вопрос. Лиза не могла отделаться от ощущения, что неделю тому назад, в какой-то момент с ее глаз вдруг упала пелена, и тот странный, извращенный сон сознания, в котором она пребывала последние несколько месяцев своей жизни, внезапно кончился, обернувшись незатейливой и совершенно неприглядной реальностью.

«Любовь и трезвомыслие плохо совместимы друг с другом…» — подумала она, заставив себя встать, чтобы согреть воды для кофе. От выкуренных сигарет во рту было сухо и противно. Гробовая тишина квартиры угнетала, напоминая о случившемся несчастье, сумерки все более сгущались, уже скрадывая детали меблировки.

Действительно, поначалу ее жизнь с Сергеем походила на сон.

Лиза вдруг поняла, что совершенно запуталась в собственном сознании, которое все более и более казалось ей чужим, ненормальным, каким-то декоративным, что ли? Ощущать это было неприятно.

Сказка их общения прервалась ровно неделю назад совершенно странным, необъяснимым образом, точно таким, наверное, как произошло само знакомство. Просто одним утром Лиза проснулась и… испугалась.

Это утро врезалось в память болезненным букетом внезапных ощущений. Так бывает, когда по молодости переберешь на вечеринке с друзьями и просыпаешься, не помня себя, вчерашнего вечера, прошедшей ночи…

То же самое испытала Лиза в то роковое для их взаимоотношений утро.

Проснувшись, она несколько минут лежала не шевелясь, прислушиваясь к самой себе и не находя в душе ничего понятного, знакомого, объяснимого.

Словно ее разум дал внезапный сбой.

Прошло без малого несколько минут, прежде чем сознание прояснилось и из него, будто из черного омута, начали всплывать обрывки воспоминаний, медленно складываясь в картину мироощущения;

Сергей…

Она приподняла край одеяла, и в нос ей ударил тот самый противный запах.

Она скривилась.

— Сережа!.. Милый!.. — Слова срывались с губ машинально, заученно, в то время как нос сморщился от противного, тяжелого духа немытого человеческого тела. Ощущения дежа вю, ирреального наложения двух картинок, двух методов восприятия, внезапно усилилось до состояния абсурда, будто внутри Лизы проснулась какая-то спящая половинка ее самой, и в то время как часть сознания пыталась умиляться, купаясь в каких-то эйфорических воспоминаниях, пронизанных неизменной нежностью по отношению к Сергею, другая половинка ее души содрогалась и корчилась от картин, которые наблюдал протрезвевший взгляд.

Белье, на котором она спала, оказалось очень сомнительной свежести, меблировка вокруг скудная, со следами пыли, вещи раскиданы в полнейшем беспорядке, в воздухе витают тошнотворные флюиды…

«Что за бардак?» — зло, неприязненно подумал вдруг кто-то чужой, незнакомый… или же прочно, наглухо забытый?..

Лиза встала, болезненно переживая свою внезапную раздвоенность.

Сергей сидел в соседней комнате, за терминалом сетевого компьютера. Мерцающий свет контрольного экрана скупо освещал его сгорбленную фигуру, кабель нейросенсорного шунта петлей лежал на плече

пальцы рук в специальных перчатках впились в подлокотники кресла и застыли в этом положении.

«Боже мой… Где я? Что со мной?»

Лиза застыла в дверях, ощущая неприятное прикосновение ночной рубашки к своему телу.

Ей вдруг захотелось кинуться прочь, сорвать с себя эту тонкую, несвежую одежку, вскочить под теплый душ.

Ощущение облепившей ее со всех сторон нечистоплотности буквально ворвалось в сознание, заставив содрогнуться, но… вместо того чтобы кинуться прочь, она подошла к Сергею, положила руки ему на плечи и склонилась, уколовшись щекой о безобразную щетину на его лице.

— Сереженька, милый, кушать пора, — нежно проворковали ее губы. — Утро уже.

«Дьявол!.. Меня сейчас вырвет… Что за…»

Этот внутренний вскрик родился и тут же угас. Пальцы сами нашли разъем нейросенсорного шунта и выдернули его из височной области.

Сергей вяло зашевелился, его пальцы судорожно сжались. Потом он открыл глаза и вперился в Лизу мутным взглядом, в котором поначалу не угадывалось ни единого проблеска сознания.

— Что? — наконец сумел выдавить он. — Что случилось?.. — Слова выходили из его горла в виде прерывистого шепота. — Что тебе нужно?..

Лиза, прищурясь, смотрела на него.

— Завтракать пора! — резко произнесла она. — Пойдем. Посмотри, на кого ты похож.

Слова срывались с ее губ тяжело, осознанно, и Сергей вздрогнул, приходя в себя. Видимо, подобное поведение Лизы поразило его.

— Ты… с ума сошла? — Его взгляд наконец прояснился, вероятно, из-за безмерного удивления, вызванного ее словами.

— Что тебя так задело? — Лиза ощущала себя в этот момент так, будто шла по грудь в. воде, против течения, сопротивляясь какому-то непонятному напору чуждой воли, которая пыталась смять, скомкать ее внезапно проснувшееся самосознание.

— Ты… Ты не можешь так разговаривать со мной!..

— Могу. И буду, — упрямо ответила она, встряхнув его за плечи. — Очнись, Сережа! — Лиза предприняла еще одну попытку ткнуть его носом в реальность. В ее душе, несмотря на непонятную абсурдность ситуации, жила уверенность, что этот человек ей действительно дорог, она на самом деле любила его, но… — Приведи себя в порядок, — попросила она, отвечая на немой, изумленный взгляд Сергея. — Нам нужно поговорить.

* * *

Разговора у них, естественно, не получилось.

К этому роковому дню Сергей уже прочно сидел на виртуалке, и восприятие реального мира давалось ему с трудом.

Лиза чувствовала себя не лучше: словно и она вместе с ним провела несколько месяцев собственной жизни в сладком мире романтических грез.

Память о их встрече с Сергеем, коротком, бурном, сумасшедшем знакомстве, свадьбе, случившейся спустя несколько дней, — странной свадьбе, на которой присутствовали всего двое постоянно ухмыляющихся, косящихся в ее сторону друзей Сергея, — память об этом никуда не делась, она жила в сознании Лизы, но все, абсолютно все предстало вдруг в ином, неприятном свете…

…Лиза сидела на кухне, за этим самым столом, болезненно переживая свое новое мироощущение, когда Сергей, пошатываясь после нескольких бессонных суток, вошел туда, ожег ее пустым, полубезумным взглядом и сел напротив совершенно обессиленный.

Его щетина уже начала курчавиться, напоминая, короткую, выросшую беспорядочными клоками бороду, глаза глубоко запали, под ними лежали черновато-синие тени.

Взяв стоявший на столе кувшин с водой, он принялся жадно пить, дергая кадыком. Лиза смотрела на него, и жалость в ее душе боролась в этот момент с отвращением. Ей вдруг показалось странным, ужасным то, что именно с этим человеком связаны все самые чистые, нежные воспоминания последних месяцев.

Или это был сон? Тяжкий бредовый сон?

Нет. Она не могла ответить, откуда в ней появилась такая неколебимая уверенность, но не было сомнений: они действительно жили, любили друг друга в этой реальности.

Значит, каверза, неправильность заключена в ее сознании?

— Сергей, объясни мне, что происходит? — Голос Лизы вдруг осип, лишился своей резкости, раздраженности, теперь в нем слышались испуг и растерянность.

Он поставил кувшин на стол, потянулся за сигаретой. Глубоко запавшие глаза Сергея на мгновение блеснули прежней живостью. Лиза вздрогнула. Да, это был его взгляд, проницательный, чуть насмешливый, ироничный.

— А что, собственно, происходит? — устало переспросил он. Искра во взгляде мелькнула и погасла, оставив перед ней совершенно другого

Сергея: опустив плечи, напротив сидел не человек, а наполовину высосанная, изможденная его оболочка.

— Почему тут все так… грязно, убого, зачем ты торчишь в виртуалке, что случилось с нами?! — Лизе было страшно, она поняла, что запуталась, заблудилась в своих ощущениях и уже, не может отличить правду от лжи. Истерика еще не началась, но уже подкатывала к горлу щемящими спазмами.

— Ну, насчет грязи, это ты спроси у себя… — отмахнулся от ее вопроса Сергей. — А что касается остального… — Он с трудом сфокусировал свой взгляд на Лизе, и в его глазах опять проскользнуло безмерное удивление. — Знаешь, разнообразие — это, конечно, здорово, но не надо перегибать, договорились? Я работаю, а ты, похоже, стала вдруг вольно трактовать свои обязанности, милая.

Лизу покоробило от этих слов и его грубого, пренебрежительного тона.

— А в чем заключаются мои обязанности? — резко осведомилась она.

Сергей лишь устало отмахнулся:

— Сама знаешь.

Несколько минут они напряженно молчали. Наконец Сергей не выдержал, встал и произнес:

— Хватит глючить. Мне надо работать. Закончу статью, тогда и будем жить по-старому. И не надо меня больше так выдергивать оттуда, ладно?

Не дождавшись ответа, он вышел.

Целый день Лиза со злым, отчаянным остервенением убирала квартиру, выскребая пыль и грязь, скопившуюся по углам. В ее сознании царил кромешный ад, она не могла поверить, что все, происходившее с ней до сих пор, — правда. Как могла она жить тут, не замечая происходящего вокруг, пребывая в каком-то ступоре грез?

К вечеру, выскоблив все до стерильного блеска, приготовив ужин, она еще раз попыталась достучаться до сознания Сергея, но безуспешно.

Оставался выбор: либо лечь в постель и уснуть, либо бежать отсюда очертя голову.

Подсознательно Лиза была уверена: бегство от проблем — это не ее стиль решения жизненных ситуаций, но, вспомнив свое пробуждение, она поняла что не ляжет в эту постель никогда, даже если белье трижды стерилизуют у нее на глазах.

Отвращение ко всему происходящему было подсознательно-стойким. В душе по-прежнему царил хаос, и нужно было прежде разобраться в себе, в своем, оказавшемся вдруг многоликим и непонятным «я», прежде чем

решать, что делать и как жить дальше.

Оставив Сергею, который все еще торчал за компьютерным терминалом, короткую записку, она прижала ее тарелкой с бутербродами и ушла.

Вернувшись сегодня, Лиза застала Сергея мертвым.

Глава 2

Александрийск. Район Спринг-Роуз. Этой же ночью.

За ту неделю, что Лиза отсутствовала дома, она мало что смогла выяснить о реальном положении дел. Пару раз она звонила матери, но не хотела беспокоить ее раньше времени своими переживаниями, связанными с мужем, поэтому разговоры оказывались бессодержательными: «Как дела? Что делаешь? Ладно, перезвоню позже…»

Мать Лиза помнила отлично, помнила дом, где жила до знакомства с Сергеем, отца, который ушел из семьи лет десять назад и улетел на другую планету, а вот относительно работы в ее памяти зиял подозрительный провал, больше похожий на частичную амнезию.

Этим вопросом, собственно, и был вызван ее второй звонок матери.

— Привет, мам! — придав своему голосу как можно больше жизнерадостности, произнесла она.

— Здравствуй, Лизонька! Как у тебя дела?

— Да все хорошо, мам, не беспокойся, — ответила Лиза, хотя на самом деле была напряжена в этот момент до предела. Она сидела в гостиничном номере, прижимая к уху трубку мобильника, а в пальцах мелко дрожала неприкуренная сигарета. — Слушай, мам, мне никто не звонил с прежней работы?

На том конце связи на мгновение повисла тишина, будто этот простой вопрос мог вызвать замешательство.

— Нет, милая, — наконец ответила мать. — А почему ты спрашиваешь об этом?

— Да так, встретила тут одного знакомого, — солгала Лиза. — Обещал перезвонить, а вот куда, не уточнил.

— Нет-нет… Никто не звонил. А как зовут этого знакомого? — тут же заинтересовалась мать.

Лиза не умела лгать. Конечно, в жизни никто не обходится без мелких уверток, уловок, но у нее никогда не было природного дара находить мгновенный выход из внезапно сложившейся в разговоре ситуации. Вполне естественно, что она запнулась, и теперь уже с ее стороны в разговоре наступила короткая пауза.

На выручку пришло все то же, внезапно очнувшееся подсознание, в котором Лиза, хоть тресни, не могла разобраться все эти дни, сколько ни пыталась.

Первое пришедшее на ум имя было мужским и звучало достаточно странно: Фьетч.

— Фьетч, мама, — машинально произнесла она и по инерции добавила: — Сержант Фьетч.

— Сержант Фьетч?! — мгновенно насторожилась мать. — Никогда не слышала о таком. Милая, у тебя все в порядке с Сергеем?

— Да, конечно… Я очень его люблю… — Слова сами собой срывались с похолодевших губ, а в голове гулко билось это, вырванное из жизненного контекста имя, которое, вкупе с воинским званием, родило какую-то вспышку, болезненное, глубоко запрятанное воспоминание, взорвавшееся в душе, словно осколочная граната, но не принесшее с собой ничего, кроме этой яркой, тугой вспышки внутренней боли.

Что-то саднило, подсказывало: «Да, ты знала его, но Фьетча больше нет. Он умер».

— Ладно, мам, извини, перезвоню позже…

Прежде чем мать смогла что-то ответить или возразить, Лиза уже захлопнула панельку номеронабирателя.

Этот разговор состоялся сегодня, незадолго до полудня, а ближе к вечеру, окончательно измучившись от сомнений и догадок, она пошла на квартиру к Сергею, чтобы выяснить наконец, что именно он привнес в ее жизнь и почему, ради всего святого, она не помнит собственного прошлого?..

* * *

Сумерки давно перешли в густой, бархатистый ночной мрак, в городе зажглись миллионы огней, по улицам текли, переливаясь, волны света, а над всем этим висело струящееся в неживом блеске реклам горячее марево стремящегося в заоблачную высь городского смога.

Лиза подошла к окну и долго смотрела с высоты девяносто пятого этажа на мишурное великолепие ночной суеты.

У каждого огонька внизу была своя жизнь, своя судьба, свои надежды, чаяния, амбиции… Ползли по улицам фары машин, зажигались и гасли окна бесчисленных квартир, мелькали в ночном небе яркие болиды флаеров, и лишь в ее окне застыл густой, осязаемый мрак.

Что она имела на сегодняшний день?

Мертвого мужа, забытую жизнь, обвинение в преступном бездействии и плюс ко всему этому поражение в социальных правах.

«Негусто…» — горько подумала она, продолжая глядеть вниз. Вспомнив про долг Сергея, выраженный в баснословной сумме, она

мысленно добавила и его к списку существующих проблем. Было ясно, что просто так от нее не отстанут, уж имущество опишут и пустят с молотка в любом случае.

«Плевать…» — подумала она. — «Переберусь к маме, а там посмотрим. Не я же в конце концов брала эти деньги».

Слезы у нее к этому часу уже кончились. После шока, вызванного событиями этого вечера, наступала депрессия, тяжкая, будто маленькая моральная смерть.

Все, что у нее было, разбито вдребезги, и жизнь показалась ей в этот момент абсолютно бессмысленной, пустой. Единственной надежной точкой опоры в этом омуте черных, подавленных мыслей оставался образ матери. Обычно они не очень-то ладили друг с другом, предпочитая соблюдать вежливую дистанцию, но сегодня все прошлые проблемы показались Лизе абсолютно надуманными, пустыми. Пришла настоящая беда, и мама осталась теперь ее последней надеждой, зацепкой за прошлое, которое она умудрилась частично потерять.

Первым порывом Лизы было позвонить ей, но это желание быстро исчезло, как только она взяла в руки трубку.

Нет наверное, лучше поехать к ней. Оставаться одной в этой квартире было жутко, и только сейчас Лиза по-настоящему заметила, что на дворе уже давно ночь.

Кредитной карточки, которую выдал ей Морган, вполне должно было хватить на мелкие нужды. Трубку мобильного телефона, номер которого записал лейтенант, она сунула в сумочку, потом взяла еще и початую пачку сигарет со стола, огляделась, но смотреть-то, собственно, было не на что.

С тяжелым сердцем Лиза вышла из квартиры, оставив гореть свет во всех комнатах. Почему-то ей было страшно ходить и выключать его. Наверное, так на нее подействовала смерть, поселившаяся в этих стенах. Спустившись вниз, она поймала такси и назвала адрес.

Водитель молча кивнул, указав взглядом на прорезь для кредитной карточки в спинке его сиденья. Лиза послушно вставила туда маленький пластиковый прямоугольник, водитель взглянул на табло бортового компьютера, удовлетворенно кивнул, и флаер, резко набирая ускорение, рванулся вверх из ущелья улицы в свободное пространство над городом.

Адрес, который указала Лиза, был знаком ей с самого детства. Откинувшись на мягкую спинку пассажирского сиденья, она рассеянно смотрела вниз, на проплывающие под брюхом машины ярко освещенные городские кварталы.

Минут через десять к ней понемногу начало возвращаться некоторое

душевное равновесие. На миг ей показалось, что в любом случае все должно разрешиться так или иначе.

Мысль о Сергее по-прежнему ранила сердце, но Лиза твердо пообещала себе, что обязательно разберется и уж тогда сможет понять степень своей вины перед ним. Слова лейтенанта Моргана о ее преступном бездействии оставались в душе, как заноза, которую нужно, обязательно нужно вытащить. О своих взаимоотношениях с мужем она сейчас старалась не думать: что толку перебирать в памяти не имеющие объяснения факты, когда голова пуста, а глаза опухли от слез?

Лиза очень надеялась, что разговор с мамой многое расставит на свои места. Просто она больше не будет лгать и задавать наводящие вопросы, а прямо так и скажет: мама, что за наваждение случилось со мной, как я попала в эти странные тенета и кто расставил их для меня?

Подсознательно Лиза была уверена, что мать расскажет ей все, что знает, ведь честный вопрос всегда требует честного ответа, тем более они не чужие друг другу.

Успокоив себя такими мыслями, она продолжала смотреть в окно, пока флаер не начал плавно снижаться над северной окраиной города. Лиза поняла, что это север по заметному голографическому знаку, который висел в воздухе над условной развязкой воздушных трасс, но, взглянув вниз, совершенно не узнала панорамы окрестностей.

— Эй, а почему мы летим сюда? — изумленно спросила она.

Водитель полуобернулся, вопросительно взглянув в зеркало заднего вида, чтобы увидеть лицо пассажирки.

— Вы назвали Спринг-Роуз, 125, верно? — спросил он, покосившись на миниатюрный дисплей компьютера.

— Да, — ответила Лиза.

— Ну так это почти под нами, — ответил он. — Или вы перепутали адрес?

— Нет… — растерянно произнесла Лиза, опять посмотрев вниз на панораму укрупняющихся зданий.

— Ну так что, мне снижаться или нет? — уже раздраженно переспросил водитель.

— Да, да, извините. Конечно, снижайтесь. Спринг-Роуз, 125, — на всякий случай еще раз уточнила она.

Через минуту флаер плавно опустился на плоскую крышу многоэтажного жилого дома.

* * *

Отпустив такси, Лиза осталась совершенно одна на пустой плоской крыше, которую заливал яркий свет установленных по периметру прожекторов. Вся площадь крыши была разделена на квадраты для парковки с жирными номерами, нанесенными белой флюоресцирующей краской, но лишь на некоторых местах стояли редкие машины, в основном старых, дешевых моделей.

Она вообще перестала что-либо понимать. На углу крыши действительно неподвижно висел в воздухе лазерный росчерк:

«Спринг-Роуз, 125».

Она не помнила этого места. Их дом был маленьким, всего в двенадцать этажей, и стоял он на самой окраине города, а сейчас здания тянулись еще на добрых пять-шесть километров, постепенно сбегая к окружающим город лесопосадкам циклопическими уступами своих крыш.

Отыскав глазами ближайший подъездный спуск, Лиза решительно направилась к нему.

Внутри дом оказался таким же неузнаваемым, как снаружи. Вместо опрятных, памятных ей подъездов, она вдруг обнаружила обшарпанную лестницу, на которой свет горел через этаж, а все стены были размалеваны чьими-то потугами на изобразительное искусство в стиле самого отвратительного андеграунда.

Восемьсот шестнадцатая квартира оказалась затерянной где-то посередине этого дурно пахнущего колодца с изукрашенными стенами.

С трудом попав на нужный этаж, Лиза с облегчением обнаружила, что тут по крайней мере горит свет. Остановившись напротив обычной, ничем не памятной, совершенно безликой и неузнаваемой двери, Лиза поняла, что ее опять трясет крупная нервная дрожь.

На долгий требовательный звонок никто не ответил.

Она позвонила еще и еще раз, прислушиваясь к переливчатым трелям сигнала и гулкой тишине за плотно запертой дверью, которая пугала ее своей гробовой невозмутимостью.

Трясущимися руками она достала из сумочку трубку мобильного телефона, набрала номер.

В квартире, прямо за дверью, прозвучала отчетливая, мелодичная трель коммуникационного устройства. Ответ пришел сразу же, после первого гудка вызова.

— Да? — Это был голос матери.

— Мама? — Лиза уже не дрожала — ее внезапно охватил жар.

— Лиза, это ты? — Из-за двери при этом не доносилось ни звука, там, после сигнала коммуникатора опять наступила гробовая тишина. — Лиза,

что случилось? Я беспокоюсь о тебе! Где ты?

Она не ответила, захлопнув панель.

Сердце бешено молотило в груди.

Минуту простояв в страшном потустороннем оцепенении, она опять набрала номер.

За тонкой пластиковой дверью опять отчетливо прозвучала трель, синхронно с гудком в ее трубке.

— Лиза, это ты? — Голос матери, такой знакомый, щемящий, родной, бился в крохотном динамике, заставляя ее тело покрываться под одеждой липким потом.

Слушать его дальше не было сил.

Она опять захлопнула панель, бессильно прислонилась к выступу обшарпанной стены.

Первой ее мыслью было острое сожаление, граничащее с абсурдным в данной ситуации чувством вины.

«Почему я за эти месяцы ни разу не навестила ее?»

* * *

Тонкая пластиковая дверь многоквартирного дома…

Лиза стояла перед ней, мысленно уже перебрав в уме все самые худшие варианты и понимая, что ни на йоту при этом не приблизилась к истине.

Отчаяние, страх и неопределенность буквально рвали на части ее душу.

Она должна попасть внутрь.

Оглядевшись по сторонам, Лиза увидела все тот же пустой коридор этажа с обшарпанными, разрисованными стенами и бурыми высохшими пятнами на полу.

Вокруг стояла звонкая тишина, лишь вдалеке, из-за двери одной квартиры то и дело доносились чьи-то злые, истеричные выкрики.

Три часа ночи… — вспомнила она цифры, которые автоматически высвечивались в. индикационном окошке мобильного телефона.

А что мне теперь терять?

Машинально закусив губу, она попыталась вспомнить, как это делали разные супермены в видеофильмах. Сцепив руки в замок, она повернулась к двери боком и вдруг, собравшись с духом, рванулась вперед, больно врезавшись плечом в район замка.

Саднящая, тупая боль заставила мгновенно онеметь ушибленные мышцы, дверь жалобно затрещала, но выдержала. В голове от

встряхнувшего тело удара застыл иссушающий звон. Наверное, со стороны она выглядела в этот момент под стать окружающей обстановке: бледная как смерть, растрепанная, с ушибленным плечом, бросающаяся на запертую дверь, — ни дать ни взять обкурилась девочка на вечеринке…

Тяжело дыша, морщась от боли, Лиза прислушалась.

Вокруг стояла все та же вязкая тишина. Похоже, никому не было дела до того, что творится в коридоре этажа.

Собравшись с духом, она предприняла еще одну попытку.

Дверь вылетела с внезапным, оглушительным треском, расколовшись в районе замка на длинные пластиковые щепы, одна из которых больно поранила ей руку своим острым краем. Не обращая внимания на боль, уже совершенно потеряв контроль над собой от страха и перевозбуждения, Лиза буквально ввалилась в квартиру.

Одна-единственная комната была абсолютно пуста, в ней не присутствовало даже элементарной Меблировки.

Стоило вдохнуть ее пыльную, затхлую атмосферу, чтобы понять: здесь уже давно никто не жил.

Застыв посреди этой комнаты, Лиза растерянно огляделась.

Мысли в голове путались, перескакивая с одного на другое.

«Господи, с кем же я тогда разговаривала все это время?»

Лизу внезапно охватила паника. Что, если это какая-то специально расставленная ловушка, и сейчас сюда придут?

Она опять прислушалась, но, кроме звуков вновь разгоревшегося в какой-то из квартир скандала, не было слышно ровным счетом ничего. Не успокоившись на этом, она вернулась в маленькую прихожую, кое-как притворила расщепленную пластиковую дверь, затем нашарила рукой выключатель на стене.

Яркий свет потолочных панелей залил собой пустую комнату, мгновенно растворив сумрак.

В помещении действительно не было ничего, кроме стандартного для всех квартир терминала сетевого компьютера.

Уже не зная, что думать, как действовать дальше, вконец измучившись своими страхами, она вновь вытащила из сумочки телефон и в который раз дрожащими пальцами набрала знакомый номер.

На компьютерном терминале трепетно заморгал огонек вызова.

Она буквально остолбенела.

После первого сигнала индикатор погас, но зато рядом в маленьком окошке вдруг вспух зеленоватый график, отражающий работу включившейся аудиосистемы терминала.

— Да? — раздался в трубке ровный, приветливый, до боли знакомый голос матери, и синусоиды на терминале взметнулись, графически отражая тембр ее голоса. — Лиза, это ты?

Бессилие липкой, одуряющей волной вдруг накатилось на нее.

Выключив телефон, Лиза подняла руки к лицу, чувствуя, что вот-вот разрыдается, и только в этот момент заметила, что весь рукав до самого локтя, пропитан кровью.

«Господи, еще и поранилась об эту чертову дверь…» — подумала она.

* * *

Бледный рассвет занимался над городом.

Серая полоска, предвещавшая скорое утро, уныло прорисовывалась над иззубренной стеной темных небоскребов…

…В первый момент Лиза не сумела даже испугаться вида собственной крови, хотя еще вчера зрелище окровавленного, распоротого наискось рукава блузки ввергло бы ее в шок.

Вчера… Это слово вдруг потеряло всякий смысл, стало горьким, ненужным. Компьютерный терминал высился на фоне окна темной уступчатой массой, зловеще подмигивая ей изумрудным индикатором резерва питания, а Лиза, машинально зажав рану, в немом оцепенении смотрела на него, словно тот действительно был живым, и ледяной ужас все ближе подкрадывался к сердцу, грыз его, низводил разум до состояния полной прострации. Ей все сильнее хотелось закричать, дико, безудержно, в голос… кинуться прочь, но ослабевшие ноги словно приросли к полу.

«Нет!..» — Эта мысль, отрицание, больше походила на истошный внутренний крик. — «У меня есть прошлое, есть детство, есть мама, Сережа, есть…»

Не было у нее ничего…

Сергей умер. Ее детство лежало в памяти тусклой чередой полустертых стоп-кадров, мать на поверку обернулась аудиосистемой компьютерного терминала…

Не было ни прошлого, ни будущего, ни настоящего.

Ей стоило огромных усилий сбалансировать в этот момент на грани сумасшествия, унять отвратительную внутреннюю дрожь.

Медленно, с опаской она приблизилась к терминалу сетевого компьютера, коснулась испачканным в крови пальцем сенсора активации, и матово-черный дисплей, в глубинах которого жило ее смутное отражение, внезапно просветлел, но вместо привычных виртуальных атрибутов сервисной оболочки операционной системы она увидела лишь фоновое

свечение да короткую, неприятно моргающую строку текстового сообщения:

«Извините, в доступе отказано. Данный терминал заблокирован для внешних пользователей».

Коротко и ясно.

Она присела на пустой, пыльный подоконник, глядя на сереющую внизу панораму окраинных городских кварталов.

Трудно описать ад, который воцарился сейчас в ее душе.

Гробовая тишина пустой, нежилой квартиры угнетающе давила, обволакивала Лизу будто саван, даже отдаленные звуки скандала, под аккомпанемент которых она взламывала дверь, почему-то утихли.

Мама…

Ее губы и подбородок предательски дрогнули.

Как много мы начинаем понимать, лишь окончательно потеряв… Значение скольких вещей кажется обыденным, само собой разумеющимся, пока они вдруг не исчезнут из жизни, однажды и навсегда, Безвозвратно.

Почему она никогда не навещала мать? Кому понадобилось это ее душевное равновесие, лжеуспокоенность, возникающая от неизменно приветливого голоса в трубке? Кто все это время играл на струнках ее души, внушая иллюзию полноценности? Что на самом деле стало с мамой? Где она сейчас? Почему ее подменили этим компьютерным терминалом?

«Протез… Это должно быть протез… Имплантированная память…» — отчаянно думала Лиза, цепляясь за спасительную мысль. — «Я, наверное, забыла что-то важное, значительное, быть может, я побывала в аварии, автокатастрофе?» — Она готова была думать о чем угодно, принять любые допущения, лишь бы избавиться от этой страшной, сдавливающей сердце, зловещей неопределенности.

…Пока она сидела на подоконнике, подавленная, растерянная, полная дурных предчувствий, страхов и противоречий, над городом уже вовсю разгорелся рассвет. Далеко у линии горизонта облака тронул утренний багрянец восходящего солнца, начинался новый день, и вскоре миллионы людей должны были пробудиться, выйти на улицы, а среди них и лейтенант Морган, который сегодня будет занят решением ее судьбы.

«Не буду я отвечать на его вопросы, пусть он сначала ответит на мои…» — с непонятной внутренней озлобленностью подумала Лиза о Моргане, покосившись при этом на терминал компьютера, который по-прежнему казался мертвее мертвого.

Ровный свет пустого монитора, никакого намека на обычную сервисную оболочку, ничего.

Его операционная система была кем-то сознательно заблокирована, и все же он начинал работать, оживал в том случае, если был набран соответственный телефонный номер.

Чтобы окончательно убедиться в этом, Лиза еще раз воспользовалась своим мобильным коммуникатором.

Ровный голос матери ответил ей, больно уколов сердце.

«Ладно…» — Ее вдруг охватила долгожданная, холодная злость. — «Я все равно узнаю правду… какой бы горькой для меня она ни оказалась».

* * *

В коридоре этажа навстречу Лизе шла пожилая, опрятно одетая женщина.

— Извините… — Лиза остановилась. Старушка, которая только что манила к себе тощего, облезлого кота, предлагая тому скромное угощение на одноразовой пластиковой тарелочке, разогнулась, внимательно, но без тени испуга посмотрев на Лизу.

— Ну, чего тебе? Чай, заблудилась?

Ее взгляд не казался враждебным, скорее наоборот, снисходительно-сочувственным, и Лиза решилась задать мучивший ее вопрос:

— Вы не подскажете… — Она запнулась, а потом выпалила сбивчивой скороговоркой: — Здесь был дом… Двенадцатиэтажный дом, на самой окраине, Спринг-Роуз, 125, серый такой, с беленькими вставками вокруг окон?.. — Все ее существо сжалось в похолодевший комок, — ожидая ответа.

— Был, — поразмыслив, согласно кивнула старушка. — Лет двадцать уже как снесли, построили вот эту многоквартирку. — Она хотела что-то добавить, но вдруг осеклась, заметив, как смертельно побледнела эта странная девушка.

— Спасибо… — выдавила Лиза, не ощущая под ногами твердого пола. — Спасибо… Извините…

Старушка так и простояла с тарелкой в руках, глядя ей вслед, пока двигавшаяся, словно сомнамбула, фигура не скрылась на лестничной площадке этажа.

— Ходят тут… — неодобрительно покачала головой женщина. — Себя не помнят, как напьются… Барсик, иди сюда, мой хороший…

…Лиза действительно не помнила себя. Несколько лестничных пролетов она прошла будто в полусне. Слова старушки окончательно вышибли ее из реальности, смели в душе все, на что минуту назад мог хоть как-то опереться ее разум.

Двадцать лет… Эта цифра не укладывалась в голове.

«Все началось с Сережи…» — думала она, машинально поднимаясь по загаженным лестницам. Мертвый муж, своего отношения к которому Лиза уже не бралась оценивать однозначно, вдруг оказался в ее сознании единственной зацепкой за этот мир, последним, неоспоренным фактом.

Но… разве спросишь что-то у мертвого?

Лиза остановилась на очередной лестничной площадке, даже не заметив того, как машинально вызвала лифт, и только когда его створки с шипением открылись, она вздрогнула, очнулась.

Войдя внутрь, она коснулась кнопки с символом «крыша».

Кабина с ощутимым ускорением рванула вверх.

* * *

Всю дорогу домой, сидя в автоматическом флаере, у которого, к счастью, не было водителя, Лиза лелеяла в своей душе одну-единственную мысль:

«Я была больна…»

Это был не бред, не сумасшествие, за этой мыслью существовала реальная почва, и даже голос матери, записанный в компьютере пустующей квартиры, находил свое объяснение в той схеме, на которую, как на последнюю надежду сохранить рассудок, уповало ее сознание.

Современное общество гуманно. Оно не убивает своих граждан и не бросает их в беде. Смертная казнь отменена на Кассии много веков назад, ни одного младенца с явными отклонениями от нормы не усыпили в роддоме, ни один калека не обойден заботой государства. Существует целая программа реабилитации. Если она попала в катастрофу, осталась калекой, потеряла память, то нужно позвонить Моргану, все рассказать, пусть он справится об этом и потом расскажет ей.

Несколько раз Лиза порывалась позвонить лейтенанту прямо сейчас, поведать о страшных ночных событиях, о том, что она обнаружила в квартире матери, но ее удержало даже не благоразумие, а элементарное незнание его распорядка дня. Было только начало шестого утра, и Дейвид Морган, наверное, спал.

Получив назад заметно обедневшую кредитную карточку, Лиза покинула флаер на крыше своего дома и в половине шестого утра отворила двери квартиры.

…Переступив порог, она почувствовала, как к ней внезапно вернулся неосознанный страх, но Лиза толком не успела ни испугаться, ни осмотреться в густых сумерках коридора — единственном помещении, где,

уходя, решилась выключить свет, — внезапно в ее сумочке приглушенной трелью прозвучал тональный сигнал вызова.

— Да?! — Ее пальцы вцепились в трубку мобильного телефона, будто она желала задушить ни в чем не повинный аппарат.

— Госпожа Стриммер? — раздался в коммуникаторе голос Моргана, вполне спокойный и ничуть не заспанный.

— Да, это я, лейтенант.

— Очень хорошо. Просто великолепно. Я рад, что вы правильно истолковали все мои предписания.

Лиза не нашлась, что ответить, лишь шумно дышала в трубку, не понимая причин его раннего звонка.

— Насколько я понимаю… — лейтенант на секунду замолчал, видимо, глядя в этот момент на экран монитора, — вы всю ночь находились там же, где и сейчас, у своей матери, проживающей на Спринг-Роуз, 125, квартира 816, верно?

— Да, — машинально согласилась с ним Лиза, с трудом соображая, почему он решил, что она там, на Спринг-Роуз, а не тут, на пороге собственной квартиры?

И вдруг ее осенило. Протянув руку, она включила свет, взглянула на раненое запястье и поняла, что распорола кожу об острую пластиковую щепу как раз в том месте, куда Морган имплантировал ей передатчик. Черт… Его же просто вымыло из раны вместе с кровью, и малюсенький шарик, валяется теперь где-то на полу пустой квартиры…

Она похолодела. Как теперь объяснить Моргану, что все это произошло не специально?

Господи, одни неприятности… Как назло…

Лиза открыла было рот, чтобы попытаться прояснить ситуацию, но лейтенант опередил ее.

— Отлично, — повторил в трубке голос Моргана, который, к счастью, не мог сейчас увидеть ее лица. — Оставайтесь на месте, госпожа Стриммер, минут через десять за вами подъедет машина. И не советую дергаться, я уже отдал приказ об оцеплении квартала.

Эти слова лейтенанта прозвучали словно гром среди ясного неба.

«Он что, решил меня арестовать?!»

Лиза стояла, не зная, что ей и думать. Несчастья вперемешку с дикими странностями обрушивались на нее одно за другим, будто кто-то невидимый намеренно бил в цель.

— Что значит «оцепление квартала»? — резко спросила она.

— Это значит, что у вас возникли определенные проблемы, госпожа

Стриммер, — раздраженно ответил лейтенант. — На моем столе лежит ордер на ваш арест, и будет лучше, если вы проявите благоразумие!

Он отключился так же внезапно, как позвонил, оставив Лизу стоять в прихожей.

Слова лейтенанта оглушили ее. Она ничего не понимала, лишь в сознании девушки все еще стыл отголосок его фразы: «На моем столе лежит ордер на ваш арест…»

Подбородок Лизы предательски дрогнул. За что? Почему? По какому праву?.. — Ни один из заданных самой себе вопросов не имел иного ответа, кроме дрожащей, растущей внутри обиды и ощущения полнейшей беспомощности.

Лиза посмотрела на трубку коммуникатора, зажатую во вспотевшей ладони, и поняла, что кисть руки мелко, противно дрожит.

Случайно или нет, но обстоятельства сыграли с ней дурную шутку… Она уже поняла, что не стоит ждать от управления муниципальной безопасности какого-то сочувствия или содействия, скорее наоборот. Сейчас они обнаружат расколотую дверь пустой квартиры на Спринг-Роуз, найдут в луже крови на полу случайно вымытый из пореза микропередатчик, и тогда ей уже будет сложно доказывать свою невиновность и лояльное отношение к власти. К тому же Морган должен был к этому моменту знать, кто она такая на самом деле, но ни в его тоне, ни в жестких, предупреждающих формулировках не прозвучало ни грамма сочувствия или сострадания.

Значит, ни о каких программах посттравматической реабилитации не могло быть и речи, иначе он бы общался с ней бережно, осторожно, не как с заведомой преступницей, а как с больным ребенком…

Мысли были злыми, практичными, холодными, будто в этот момент за Лизу думал кто-то другой.

«Боже, в чем меня можно обвинять? Разве что хотят повесить Сережины долги, страхуются, чтобы не сбежала?» — Это уже явно вопрошало ее собственное, не на шутку напуганное сознание.

Подобное раздвоение личности изматывало ее. Она начинала внутренне ненавидеть себя.

«Господи, ну почему я не сказала ему все, как было на самом деле?»

«Единожды солгавшей, кто тебе поверит?» — цинично усмехнулся в ответ на эту мысль ее распоясавшийся внутренний голос.

Лиза наконец переступила порог прихожей и без сил присела на краешек кресла в гостиной.

Откровенно говоря, она устала бояться. Она хотела знать, куда Сергей

потратил такую прорву денег, чем был вызван его уход в виртуальную реальность и почему все это происходило на фоне странного помутнения ее собственного сознания, провала в памяти, которую теперь приходилось собирать по осколкам?!

Естественно, что в камере, под замком, ей будет немыслимо трудно разобраться в происходящем. Лиза никак не могла отделаться от ощущения, что, начиная со вчерашнего вечера, ее кто-то гонит, преследует, что существует конкретный виновник ее несчастий, несущий ответственность за смерть Сережи и за голос матери, томящийся в программах квартирного терминала Сети.

Единственной зацепкой, источником информации в окружающем ее бардаке, был домашний компьютер Сергея.

«Как же я сразу не догадалась?!» — Лизу прошиб озноб от этой мысли. — «А вдруг они уже выпотрошили его?»

Вскочив, она кинулась в кабинет Сергея.

Компьютерный терминал стоял на месте, целый, нетронутый. Охваченная нехорошим предчувствием, она нагнулась к нему, коснулась сенсора активации и… он ожил!

Лизу охватило внезапное возбуждение. Она лихорадочно пролистала каталоги, убеждаясь, что файлы пользователя — какие-то Сережины заметки, черновики, наброски к статьям — все на месте.

Схватив хозяйственную сумку, Лиза торопливо нагнулась, заглянула в простенок за терминалом, желая выдернуть шнуры соединения и… остолбенела.

Кабели питания и оптико-волоконное соединение — все находилось на своих местах, но шнуры бессильно расползлись по полу, вынутые из соответствующих разъемов.

Терминал был отключен, как от компьютерной, так и от энергетической сети здания.

Она разогнулась, посмотрела на контрольный экран, убеждаясь, что машина работает, более того, — она якобы соединена с Сетью!

Секунды… Драгоценные секунды, потраченные на замешательство, утекали как вода в песок. Господи, сколько глупостей она уже наделала! Что же теперь? Как быть дальше?!

Она думала над этим, а руки уже срывали пломбы, наложенные вчера сотрудниками МСБ, отвинчивали крепления кожуха. Тот снялся легко, обнажая каркас со множеством вставленных в него схем.

Рискуя получить удар током, Лиза лихорадочно принялась выдергивать их из гнезд, складывая как попало в объемистую

хозяйственную сумку. Она лоботомировала терминал, бесцеремонно вырывая его компоненты, пока монитор не вспыхнул ровным полем пустого экрана.

Действуя как в полусне, Лиза схватила сумку и опрометью кинулась назад, на крышу дома.

Она еще не понимала, что за сатанинская сила проснулась у нее внутри, но чей-то до боли знакомый рассудительный шепот настойчиво подсказывал: «Морган не знал о твоем появлении дома, значит, крыша чиста в смысле наружного наблюдения. Пока эти лохи из МСБ очухаются, прокачают Спринг-Роуз, ты будешь далеко, вне их досягаемости».

Зачем ей быть далеко, почему нужно скрываться от властей, что за противостояние навязывает ей непонятная внутренняя воля, Лиза не знала, но с удивлением обнаружила, что это неповиновение не идет вразрез с ее действительным нежеланием подчиняться холодным приказам Моргана.

Глава 3

Клуб «Старое Железо», южная окраина Александрийска. Полдень

Лиза очень устала от своих ночных мытарств. Что бы там ни нашептывало подсознание, какие бы скверные подозрения относительно собственной сущности ни испытывала Лиза, но голод, жажду и потребность в сне она ощущала абсолютно однозначно, болезненно, так же, как любой нормальный человек.

В этот бар с сомнительным названием Лизу занесло случайно: опасаясь, что ее будут искать, она в своих блужданиях по городу постоянно озиралась по сторонам и, завидев броскую расцветку патрульной машины Муниципальной службы безопасности, тут же спешила укрыться в ближайшем магазине или любом открытом заведении, оказывавшемся поблизости.

А прятаться ей приходилось часто, чуть ли не на каждом шагу. Раньше Лиза и подумать не могла, что в их городе так много полицейских.

Пять минут назад она, бесцельно бредя по окраинной улице южного сектора, издали увидела проблесковые маячки очередной патрульной машины и поспешила нырнуть в гостеприимно распахнутую дверь, под первую попавшуюся вывеску.

Оказавшись в полутемном зале, она устало откинула упавшую на глаза прядь волос, затем, чтобы не маячить у входа, прошла в зал и села за один из столиков у дальней стены. Окон в полуподвальном помещении не оказалось, и Лиза испытала от этого внутреннее, подспудное беспокойство, хотя, убей бог, она не понимала — почему? Зачем ей машинально садиться лицом ко входу и ощущать резкий дискомфорт из-за отсутствия окна с видом на прилегающий к зданию тротуар?!

Непонятные ощущения. Чужие. Пугающие.

Продолжая озираться по сторонам, Лиза с усталым безразличием отметила, что это не бар, а клуб, о чем свидетельствовала броская надпись над подиумом, где в вечерние часы, вероятно, выступал оркестр или какая-нибудь рок-группа.

Пока она осматривала помещение, в глубинах полутемного зала возникло движение. Вскинув голову, она поняла, что к ней приближается дройд-официант..

Странное это оказалось создание, вполне под стать окружающему интерьеру. На человекоподобном роботе не присутствовало даже намека на

какую-либо дешевую пеноплоть, — наоборот, сияющий тусклым серебристым покрытием металл экзоскелета был демонстративно выставлен напоказ. Полые трубочки, в которых пульсировала, продвигаясь заметными точками маслянистая гидравлическая жидкость, казались издали кровеносными сосудами, сервоприводы тихо повизгивали при каждом движении дройда, и все это, вкупе с сумеречным освещением зала, создавало какую-то жутковатую, не сразу понятную эстетику, словно Лиза вдруг окунулась в иной мир, существующий параллельно привычному для нее окружению.

Через несколько секунд она поняла, что приближающийся к ней робот не официант, а официантка, и это открытие еще больше смутило ее.

Действительно, изготовители дройда постарались придать машине максимум черт женственности, и нужно сказать, что выполнено это было профессионально, на высоком уровне мастерства, вероятно, граничащего с искусством, потому что вид этого существа из металла и пластика не казался ни грубым, ни отталкивающим, скорее наоборот, он сразу приворожил Лизу той самой непонятной ее разуму, но задевшей струнки души эстетикой, которую она оказалась не в силах отвергнуть или проигнорировать.

В облике дройда не было ничего кричащего, вульгарного. Тонкие черты искусственного лица не выражали ни кукольной глупости, ни насмешки создателей над человеческим подобием, — у нее было свое лицо, лицо машины, но Лизе показалось потрясающим, как сочетание металлопластиковых линий может нести в себе столь серьезный отпечаток навек застывших эмоций: официантка казалась задумчивой, что-то понимающей, доброжелательной… и в то же время какой-то недосягаемой, потусторонней, вырванной из контекста непонятного мира механо-реалистических образов…

Этот миг потрясения, новых, неведомых ранее впечатлений затянулся ровно настолько, сколько потребовалось дройду, чтобы войти в круг света, конусом падающего от потолка к столику.

На расстоянии в несколько метров в глаза бросились уже иные детали, тут же разбившие, рассеявшие наваждение таинственности.

Металлопластиковые кожухи, призванные не скрывать под собой работающие сервоприводы, а скорее имитировать некую, приближенную к человеческому телу анатомию, были уже достаточно изношены, обшарпаны, во многих местах их покрывали царапины, а на том месте, которое у человека принято обозначать термином «зад», алел отпечаток чьих-то напомаженных губ, и тут же наискось шла надпись, выполненная

посредством той же губной помады:

«Я люблю тебя, детка».

Лиза, несмотря на усталость и подавленность, слабо улыбнулась, глядя на это достаточно фривольное выражение человеческих чувств.

Ей сразу стало понятно, что за публика наполняет в вечернее и ночное время зал клуба, но Лизу это не смутило, а, наоборот, несколько успокоило, — по крайней мере не будут приставать ни с какими дурацкими расспросами.

— Кофе, — произнесла она, вставляя в прорезь на груди дройда свою кредитную карточку.

Через секунду тонкий пластиковый прямоугольник со щелчком вылетел назад.

— Сожалею, но ваш кредит заблокирован, — вежливо произнесла официантка.

Лиза вздрогнула. Отчаяние вдруг вновь накатилось на нее волной бессилия.

«Черт… Это Морган. Я бы могла догадаться, что карточку не стоит теперь пускать в ход».

За то время, пока в ее голове промелькнули эти короткие, панические мысли, дройд-официантка успела внимательно посмотреть сначала на нее, затем на объемистую хозяйственную сумку и, тонко подвывая сервоприводами, удалилась.

Лиза страшно устала, ей хотелось есть, но теперь становилось понятно, что никаких шансов благополучно скрываться от официальных властей, чтобы разобраться в себе, в своем ненормальном, фрагментарном мироощущении, у нее, собственно, и не было. Система городского самоуправления действовала спокойно, методично и эффективно. Лиза поняла: ее ни за что не выпустят из города, и вопрос их встречи с лейтенантом Морганом — всего лишь дело времени…

…Пока она размышляла над создавшейся ситуацией, в зал из глубины служебных помещений вошел молодой парень. По тому, как он прямиком направился к ее столику, Лиза мгновенно поняла, что это кто-то из администрации клуба.

— Я уже ухожу, — торопливо произнесла она, когда тот приблизился настолько, чтобы расслышать ее слова. Меньше всего Лиза хотела влипнуть в очередные неприятности, но жест парня предупредил ее попытку отодвинуть пластиковый стул и встать.

— Уходить вовсе не обязательно. — Он доброжелательно улыбнулся.

Лиза настороженно, недоверчиво посмотрела на него.

На вид ему было лет двадцать пять, не больше. Бледное лицо молодого человека с характерно заостренными чертами, пронзительные, слегка покрасневшие глаза с припухшими веками и короткая стрижка ясно говорили о том, что большую часть жизни он проводит в замкнутых пространствах наедине с машинами компьютерной сети. Лизу на миг кольнуло предчувствие. «Может быть, попросить его о помощи?» — подумала она, но тут же мысленно отмела такой вариант. Простой виртуальщик вряд ли окажется полезен в ее дикой ситуации, а дорогой костюм и случайно блеснувший из-под манжета таугериновый сплав наручного коммуникатора заронили справедливое подозрение, что это не охранник и даже не администратор клубного зала, случайно оказавшийся здесь в неурочный для заведения час.

Нет, все-таки нужно уходить… — решила она, вновь попытавшись встать.

Однако события развивались явно не по ее сценарию.

— Меня зовут Сэм, — представился молодой человек, мягко, но настойчиво усаживая Лизу обратно. — Наш дройд сообщил, что у вас проблемы с кредитом?

Она старалась совладать с собой, но, видимо, получилось плохо, и в его глазах мелькнуло сочувствие.

— Чашку кофе могу предложить за счет заведения. — Он покосился на объемистую хозяйственную сумку из черного пластика, которую Лиза поставила рядом со стулом, и осторожно поинтересовался: — Принесла что-то на продажу, крошка?

Лиза не поняла его намека, но на всякий случай пожала плечами, ногой задвинув сумку под стол, с глаз подальше.

— У меня проблемы не только с кредитом, — тихо ответила Лиза, стараясь по возможности оставаться максимально честной, — Боюсь, мне нужно идти. Мою кредитную карточку наверняка отслеживают.

Сэм понимающе кивнул.

— Не нервничай, — ответил он. — По-моему, в нашем районе у всех рано или поздно возникают проблемы с властями. — Он почему-то усмехнулся, скорее всего в ответ каким-то своим мыслям, и, внимательно посмотрев на Лизу, добавил вслух: — Благополучные районы лежат на севере, верно?

Лиза пожала плечами, внутренне поразившись тому, что не помнит даже такой малости, как социальная планировка родного города. Неужели те двадцать лет, о которых говорила старушка на Спринг-Роуз, — чистая правда?!

Эмоции опять предательски отразились в мимике ее лица, и Сэм, который почему-то не сводил с нее глаз, истолковал это смятение по-своему.

— Нет повода волноваться относительно карточки, — заверил он Лизу. — Наши машины очень умные. Они никогда не дают информацию в Сеть, если что-то неладно со счетом. Копы сейчас мчатся как бешеные в универсальный магазин на другой конец города. Проверка счета осуществлялась оттуда.

— Здорово… Своеобразная забота о клиентах. — Лиза опять вымученно улыбнулась, а Сэм, наоборот, насторожился.

— Что-то я не совсем понимаю… — Он обернулся, сделав знак дройду, чтобы тот принес два кофе. Когда чашки оказались на столе, Сэм вновь покосился на задвинутую под стол сумку, потом перевел взгляд на Лизу и вопросительно приподнял бровь, видимо, считая, что проявил достаточно любезности для того, чтобы любопытствовать и дальше.

Лиза совершенно не понимала, чем вызван повышенный интерес к ее сумке, но она так устала и морально, и физически, что готова была смириться с этим. Пусть сидит и пялится куда угодно. Ей бы только немного прийти в себя, успокоиться.

Странный он какой-то… Она покосилась на Сэма, поймала его взгляд и вдруг смутилась. До Лизы вдруг дошла вся двойственность ситуации, особенно когда он потянулся за кофе и из-под манжета опять тускло блеснул коричневатый таугерин.

— Слушай, я вижу, у тебя проблемы, — произнес Сэм, словно прочитав ее мысли. — Давай так… — внезапно предложил он, — я посмотрю, и если там отыщется что-нибудь стоящее, то дам тебе нормальную цену прямо сейчас.

— А что здесь покупают? — безразлично спросила Лиза, отпивая глоток обжигающего кофе.

Сэм поперхнулся, подозрительно покосился на нее и удивленно произнес:

— Ты пришла в «Старое Железо», наш дройд просканировал твою сумку и доложил, что там компьютерные компоненты. И после этого ты начинаешь задавать такие вопросы…

Лиза лишь покачала головой в ответ на явное подозрение, промелькнувшее в его глазах.

— В этом нет ничего странного. Я забрела сюда случайно, — созналась она. — А эти части компьютера не продаются.

— Дороги как память? — расслабляясь, поинтересовался Сэм.

Лиза не была расположена поддерживать разговор в подобном ключе. У нее и так хватало проблем. Нужно было пытаться решить их, а не наживать себе новые. Неожиданно, порывисто встав из-за стола, она взяла сумку и сказала, посмотрев на Сэма, который поднялся синхронно с ней:

— Спасибо, что не засветили мою карточку. Быть может, я зайду позже.

Он усмехнулся, пожал плечами, словно хотел сказать: ладно, мне все равно.

Уже на пороге Лиза обернулась:

— Спасибо за кофе, Сэм.

Он проводил ее долгим взглядом и неожиданно сказал вслед:

— Приходи вечером. Может, передумаешь к тому времени. В любом случае тут весело, а проблему ужина я возьму на себя.

Лиза совершенно не ожидала подобного предложения. Ее сознание жило категориями абсолютно иных проблем, и она словно бы выпадала в своих мыслях из нормального измерения, поэтому смысл сказанных слов не сразу дошел до нее.

— Я подумаю… — ответила она, покидая клуб.

Господи, как все запуталось…

* * *

Никогда город не казался ей таким враждебным и неуютным.

Лиза поймала себя на мысли, что раньше она просто не замечала того количества людей, которые текли по его улицам нескончаемым потоком. Все они казались ей сейчас врагами, взгляд настороженно просеивал толпу, пытаясь выискать среди спешащих по своим делам горожан тех, кто вышел на улицу с единственной целью: найти и арестовать ее.

Через несколько часов бессмысленных, лишенных какой-либо логики и цели блужданий она окончательно выбилась из сил.

Она не понимала происходящего, не помнила себя, и в душе у нее стремительно заканчивались остатки той иррациональной решимости бороться, прилив которой она испытала ранним утром сегодняшнего дня.

Начинало вечереть.

Присев на скамейку в одном из многочисленных городских скверов, затерявшемся среди кварталов сверхвысотных домов, Лиза открыла сумочку и вытащила мобильный телефон, который был сознательно отключен ею еще утром.

Набрав номер, она сразу же услышала ответ. Морган, вероятно, целый день ждал ее звонка. Лейтенант хорошо понимал, что, лишенная средств к

существованию, связей, знакомств, она очень быстро пойдет ко дну, разочаруется в своем спонтанном решении бежать и сопротивляться.

— В чем меня обвиняют? — сухо спросила Лиза, не представившись и не сочтя нужным поздороваться.

— Это вы, госпожа Стриммер?

Молчание. Морган несколько секунд сопел в трубку, потом вздохнул:

— Я надеюсь вы еще не успели наделать глупостей?

— Нет, не успела, — в голосе Лизы звучала открытая неприязнь. — Я хочу знать, в чем меня обвиняют.

Несколько секунд опять прошло в молчании.

— В вашем деле обнаружилось слишком много странностей, — уклонился от прямого ответа лейтенант. — Я не могу объяснить, почему по адресу бывшей квартиры вашей матери оказался установлен компьютер с программами аудиосинтезатора и блоком псевдоинтеллекта.

— Для меня это тоже было неожиданным и страшным сюрпризом, — резко ответила Лиза. — Я надеялась, что вы объясните мне это. Разве у меня не было травмы? Я думала, что происходящее — следствие какой-то программы реабилитации…

— Буду вынужден разочаровать вас, мэм. Извините… Не обрывайте связь… — Он явно отвлекся на что-то, но «вернулся» уже через несколько секунд. — Давайте поговорим откровенно, — внезапно предложил он. — Я сразу подумал о программе посттравматической реабилитации и поднял все базы данных медицинских учреждений планеты за последние четверть века. Вы никогда не попадали в больницу, хотя действительно проживали вместе со своей матерью по адресу Спринг-Роуз, 125, в том доме, который снесли лет двадцать назад.

Лиза молча проглотила эту новость, а ее внутренний голос, который просыпался, когда ему заблагорассудится, вдруг начал подавать резкие, неприятные сигналы тревоги. Беспокойство, граничащее с паникой, вдруг жаркой водной прокатилось по телу.

Почему он так легко и спокойно разговаривает со Мной? Отчего выдает секретную с точки зрения следствия информацию с такой легкостью, будто беседует с приятелем о вчерашнем футбольном матче?!

Не отнимая трубку от уха, Лиза нервно огляделась по сторонам. Сквер был пуст — ни случайных прохожих, ни влюбленных парочек, никого.

Они засекли звонок с трубки, идиотка! Беги же!..

Лиза не вняла здравому совету своей непонятной второй половинки. Измучившись и морально, и физически, она действительно не понимала, зачем ей бежать? Ведь она ни в чем не виновата, и это рано или поздно

будет доказано. Нет, не нужно более бегать и прятаться: если у властей имеются подозрения относительно ее законопослушности, то Лиза тешила себя надеждой на то, что выставит встречный счет, составленный из многочисленных вопросов, которые накопились в ее сознании за последние сутки.

Где-то неподалеку приглушенно взвизгнули покрышки, и вновь наступила тишина, лишь в трубке продолжал сопеть Морган, да ленивый ветерок шевелил листву кустарника, окаймлявшего сквер живой стеной зелени.

Презумпция невиновности…

Лиза еще не понимала, как глупо рассчитывать на этот затасканный, уже миллион раз нарушенный самими законниками древний постулат юриспруденции.

Она не знала и тысячной доли того, что надлежало знать.

— Лейтенант, давайте договоримся так… — Она поморщилась от боли в порезанной руке, которая здорово опухла и беспокоила ее все это время. — Я сейчас пойду в ближайший полицейский участок, но прежде вы должны дать мне гарантию…

Морган согласился с ней слишком поспешно. Он вдруг заговорил нервной скороговоркой, которая с головой выдала то невероятное нервное напряжение, что скрывалось до этого за его спокойными, рассудительными фразами.

— Да, да!.. — торопливо оборвал он Лизу. — Вам будут даны любые гарантии безопасности в том случае, если вы принесете с собой компьютерные компоненты, которые исчезли из вашей квартиры на Медисон.

Лиза открыла рот, чтобы ответить, но именно в этот момент кусты, ограничивающие пространство сквера, внезапно разошлись сразу в нескольких местах, выпуская на веселенькую лужайку троих солдат в серой, раскрашенной под цвета асфальта, но мгновенно смимикрировавшей до грязно-зеленого оттенка экипировке спецподразделений.

Это был шок. Все произошло так внезапно, непредсказуемо, что сознание не успело отреагировать Должным образом, словно все происходило не с ней, а с кем-то другим…

Время внезапно замерло для Лизы, оно погибло, потеряло свой физический смысл в то роковое мгновение, когда алый зайчик лазерного прицела скользнул по ее груди, горлу и застыл на лбу кровавым пятнышком неминуемого выстрела.

Это был миг потустороннего откровения, секунда потрясения

истиной, дарованная по праву неизбежной смерти: Лиза успела взглянуть в глаза ближайшего к ней бойца, того самого, чей прицел уже лег на нее смертной отметиной, и эти спокойные, серые глаза со стальной поволокой легализованного государством профессионального убийцы сказали ей все…

Ее никто не собирался арестовывать.

У них не было приказа брать ее живой, напротив, они пришли сюда, чтобы убить, чтобы избавить кого-то от огромной опасности, возникшей в связи со странной кончиной Сережи…

Сознание Лизы вторично погибло в этот страшный миг.

— Госпожа Стриммер, почему вы замолчали?.. — резанул по нервам осипший голос лейтенанта Моргана, и — боже — ее тело, но никак не разум, отреагировало на плавное движение пальца целившегося ей в лоб бойца…

За десятую долю секунды до выстрела, ее колени вдруг подломились, и пуля, пущенная в лоб, разнесла вдребезги трубку сотового телефона.

Пластиковые осколки больно резанули по лицу, но Лиза продолжала падать, оседая на землю вялым, безвольным мешком…

Вторая пуля, адресованная в сердце, пробила плечо, пройдя навылет чуть ниже ключицы. Лиза не слышала приглушенного хлопка выстрела, но удар и чавкающий хруст рвущихся мышц были оглушающими, сознание вдруг начало угасать, но дикое, запредельное усилие воли вернуло его на место.

Земля встретила ее щеку колючей щетиной коротко стриженной газонной травы. Запах свежескошенного сена ударил в нос, смешиваясь с приторными флюидами крови.

Лиза не успела ни испугаться, ни удивиться, — ее разум оказался в плену у величайшего спокойствия, которое когда-либо было испытано ею в жизни. Она знала, что физическая боль, ненависть, страх — все это придет потом, а сейчас нужно лежать тихо, как и подобает трупу, у которого прострелено сердце и выбиты через затылок мозги…

Ее залитое кровью лицо, впечатавшееся в траву газона, оказалось повернуто так, что она сквозь полуприкрытые веки могла видеть ноги спецназовцев.

Двое направились к ней, третий остался на месте, страхуя товарищей.

Лиза смотрела, как медленно приближаются к ней две пары высоких ботинок, и не могла понять, чем вызвано подобное тактическое построение — привычкой действовать определенным образом или же страхом, опасением?..

Похоже, что они действительно опасались ее… мертвую, ничком лежащую на забрызганном кровью газоне.

Но это же был абсурд!.. Чем она могла так сильно испугать троих явно неробких парней?!

Первая пара ботинок остановилась подле ее лица.

Боль из района простреленного плеча понемногу начала проникать, просачиваться в сознание.

Один из бойцов подошел к ней вплотную, присел на корточки, положив на колени импульсный карабин «ИМ-200», и Лиза услышала его хрипловатый голос:

— Сэр, похоже, пуля не пробила ее череп… Нет, думаю, она мертва. — Он не спешил прикоснуться к окровавленному телу, перевернуть его, чтобы убедиться в справедливости только что сказанных слов. — Что нам делать с телом, сэр?

В коммуникаторе послышалось невнятное бормотание.

— Нет, капитан Блейхард остался в машине. Свяжитесь с ним, мы подождем, — опять прозвучал над ухом тот же хрипловатый голос.

Лиза лежала, не шелохнувшись.

Боль расползалась все дальше, плечо начало неметь, и это было скверно. Секунды казались тягучими, словно капли пролитого сиропа. Сознание Лизы будто раскололось на две половинки, — она отчетливо понимала, что в эти роковые мгновения ее телом владеет кто-то другой, умеющий терпеть боль, обладающий навыками, которые ей, обыкновенной домашней хозяйке, не могли пригрезиться в самом кошмарном, невероятном сне.

Та Лиза, которая ворковала над ухом одуревшего от виртуальной зависимости Сережи, стремительно уходила в прошлое, она погибала, а что приходило взамен? Пустота? Холодный отрешенный вакуум сознания, в котором едва приметными вехами плавали скудные обрывки воспоминаний другой женщины?..

— Да, сэр, я понял!..

Голос резко вышвырнул ее назад, в болезненную, окровавленную реальность, и Лиза почувствовала, как потянулась к ней рука…

Минуту назад этот человек хладнокровно сжал сенсор гашетки, целя ей в лоб, нимало не задумываясь над степенью ее вины… Лиза не знала, что за дьявол владеет ее разумом, но холодная внутренняя отрешенность, страшная уверенность в том, что она *сможет убить его*, внезапно резанула по нервам, заставив раньше времени вздрогнуть безвольное, как казалось, тело…

…

Сержант Говард достаточно повидал на своем веку, чтобы его руки не дрожали, переворачивая теплый еще труп.

«Красивая…» — подумал он, равнодушно скользнув взглядом по забрызганному кровью лицу, и в этот миг что-то укололо его мгновенным, парализующим предчувствием.

Мертвое тело вздрогнуло, как живое.

Ее глаза открылись. Они были огромными, бездонными, черными… В них жила пустота.

— О черт!.. — Говард заученным движением уже отшвыривал прочь от себя внезапно ожившее тело, но, видимо, потрясение оказалось слишком сильным, даже для его нервов, — он сделал это недостаточно проворно, и женщина, которая поднималась с земли, одним плавным, тягучим движением успела дотянуться до расстегнутой кобуры на его поясе.

Импульсная «гюрза» послушно вышла из захватов.

Последнее, что запечатлело сознание Говарда, было ее лицо — серое, будто пепел от сгоревшей бумаги… и глаза, в которых затаилась нечеловеческая боль, такая сильная, осязаемая, словно каждый выстрел отдавался в ее сознании, как собственная смерть.

…

Лиза начала стрелять, как только холодная рифленая рукоять автоматического пистолета оказалась в ее вспотевшей ладони.

Она действовала словно в полусне, и удивительно, что в таком состоянии разум продолжал контролировать движение рук.

Первый выстрел опрокинул ближайшего спецназовца, выбив из него сознание прямым попаданием в грудь. Учитывая бронежилет, он получил в худшем случае кровавый синяк и треснутые ребра, но удар пули вышиб весь воздух из его легких.

Он еще валился на коротко стриженный газон, рефлекторно согнувшись пополам, когда второй, еще не сообразив, что случилось, дико взвыл, ронял оружие, — пуля пробила ему ногу.

Фактор внезапности, сколь ошеломляющ он ни был, отработал свое и завершился, вслед за болезненными вскриками и падением двух тел.

Мама… Мамочка… — это был ее мысленный вскрик, порождение подсознательного ужаса от того, что она делает…

Третий боец застыл, замешкался ровно на секунду, и этого хватило, чтобы их глаза встретились.

Губы Лизы мелко дрожали. Она не закончила начатое движение и все еще полусидела на окропленной кровью траве, а он застыл метрах в

пятнадцати от нее. Парню с импульсным карабином в руках уже перевалило за тридцать, у него наверняка была семья, дети, целая Вселенная по имени жизнь, — это читалось в его выцветших от напряжения глазах, в том, как мелко, едва заметно подрагивал направленный на нее ствол электромагнитного оружия.

Лиза была уверена — он не боится. Но и ее внутреннее смятение никак не отражалось на твердости руки — «гюрза» лежала в ладонях как влитая, и она почему-то твердо знала: они выстрелят одновременно и обязательно убьют друг друга.

Он напряженно следил за ней, она за ним, и эта пауза затягивалась, превращаясь в вечность.

— Не надо… — тихо, едва слышно выдохнула она.

Он еще больше побледнел, но карабин в его руках по-прежнему был направлен в голову Лизе.

Ее мутило от резкой, обильной потери крови, простреленное плечо уже не ощущалось как часть тела, и неизвестно, что за сила помогала ей так твердо держать оружие.

Не сводя глаз с застывшего бойца, она медленно встала.

— Это ошибка… Чудовищная ошибка, понимаешь? — Она выпрямилась, сделала шаг в сторону, удерживая пистолет на вытянутых руках и целя ему в лоб. На самом деле Лиза не понимала, что мешает ей чуть сильнее сжать сенсор гашетки? Она ведь уже догадалась наконец, что вся ее сущность кем-то извращена, скомкана, перекроена, и от госпожи Стриммер — законопослушной домашней хозяйки — в душе ничего не осталось.

«Я слишком хорошо умею убивать…» — подумалось ей, и эта мысль обожгла. — «Ну, не останавливайся, давай, терять-то уже нечего…»

Это был страшный миг для ее изорванного в клочья сознания.

Она владела жизнью другого человека полно, безраздельно, в такой же мере, как собственной.

Это ощущение бросало в холодный пот, оно пугало и манило одновременно своей запредельной остротой, болью, солоноватым привкусом крови на губах…

Не отрекаются, любя…

Эта мысль, пришедшая, как казалось, ни к месту, невпопад — о какой любви могла идти речь в эту секунду?! — тем не менее сработала, и ее скрытый, подстрочный смысл лег в сознании как нечто твердое, обдуманное уже давно и принятое навсегда,

Нельзя отрекаться от самой себя… Нельзя быть сегодня честным, а

завтра лжецом… Нельзя предать то, во что когда-то верил. Нельзя стать зверем, а потом опять вернуться в человеческое обличье.

— Не надо… — твердо повторила она, делая шаг по направлению к нему. — Это будет бессмысленно…

Что-то дрогнуло, сломалось в его взгляде.

Ствол импульсного карабина не опустился, но Лиза каким-то шестым чувством поняла: боец поверил ее прерывистому шепоту. Он не станет стрелять, и она не выстрелит, потому что каждый из них сделал свой выбор, заглянул в миг адского напряжения в свою опустошенную, танцующую на краю пропасти душу и понял: они одинаковые — он и она. У них одно чувство справедливости, один, очень похожий взгляд на жизнь и смерть… на целесообразность последней и на ее удручающую окончательность.

…Сержант, сознание которого Лиза выключила первым выстрелом, вяло застонал, зашевелился.

Боец скосил глаза. Его командир был жив и сейчас мучительно приходил в себя после оглушительного удара в грудь, — он пытался вдохнуть, но не мог, и его рот беспомощно, некрасиво открывался.

Боец перевел взгляд на Лизу и по ее напряженной мимике понял: еще секунда — и тонкая струна натянутых нервов лопнет, и тогда с этой поляны уже не уйдет никто, ни она, ни их наряд, столкнувшийся с непонятным, но равным по хладнокровию и силе противником.

Видимо, его не устроила подобная ничья.

— Иди… — негромко проронил он, кивнув в сторону обрамлявшего сквер кустарника. — Там машина… Иди же!.. — повысил он голос.

Лиза не рискнула повернуться к нему спиной. Одной рукой подхватив оброненный пакет, она, пятясь, прошла сквозь кусты и только тогда резко обернулась.

Сознание уплывало. Казалось, что земля сейчас рванется ей навстречу, и она уже не в силах будет бороться с этим.

За приспущенным стеклом полицейской машины, небрежно припаркованной на тротуар, она увидела бледное, перекошенное лицо офицера, который, судя по движениям, судорожно пытался достать личное табельное оружие, по какой-то безалаберности засунутое в «бардачок».

— Вылезай… — без злобы, не повысив голос, произнесла она, чувствуя, что сейчас силы окончательно оставят ее.

Офицер, бледный как полотно, послушно выкатился из машины.

Лиза села за руль, включила зажигание и поняла, что реальность все же ускользает от нее. Сознание стремилось провалиться в черную,

бездонную пропасть. Кровь щекочущими струйками уже стекала по животу, капала на пол, пачкая белоснежный салон полицейского «внедорожника».

Страшась, что сейчас лишится чувств, она резко дала газ, и машину юзом вынесло на проезжую часть.

Выворачивая на оживленную улицу, которая шла параллельно скверу, Лиза заметила, как мягким зеленоватым светом замерцал дисплей бортового компьютера.

Одной рукой удерживая руль, она посмотрела на высветившуюся карту района и указала световым маркером единственную знакомую ей точку.

Благо, это было недалеко.

Глава 4

Александрийск. Клуб «Старое Железо». Шесть часов вечера

Лиза никогда не видела, как отдыхают киберпанки. Клуб уже работал, об этом можно было судить по двум дюжим вышибалам у гостеприимно распахнутых дверей.

Несколько минут Лиза наблюдала за их действиями. Фильтрация ранних посетителей, которые группами или поодиночке тянулись ко входу, производилась по совершенно непонятному принципу. Кого-то они пропускали сразу, без разговоров, кого-то останавливали, двоих парней даже отозвали в сторону для более детального досмотра.

Лиза остановила машину у самого края парковочной площадки. Ее лихорадило. Губы растрескались от внутреннего жара, хотя она временами ощущала самый настоящий озноб, который прокатывался по телу волнами бесконтрольной дрожи.

Очевидно, что большинство посетителей вышибалы знали в лицо. Это показалось ей скверным, но разве оставался у нее какой-нибудь альтернативный вариант? Она знала, что сил осталось немного, и если она не попадет внутрь, то скорее всего просто потеряет сознание где-нибудь поблизости и очнется уже в тюремной больнице…

Превозмогая слабость и боль, она с трудом выбралась из машины, вытащив вслед за собой черный пластиковый пакет с начинкой от Сережиного компьютера.

Терять было уже абсолютно нечего, и она пошла напрямик, ко входу, над которым ослепительным, режущим светом вспыхивали и гасли сочные буквы рекламной надписи:

«Вас приветствует клуб „Старое Железо“!»

Лиза старалась идти ровно, но едва ли со стороны ее неуклюжая попытка выглядела правдоподобно. Потеря крови была слишком большой, голова кружилась, твердый асфальт под ногами никак не хотел принимать вид плоскости, и она пошатывалась, как пьяная, от усилий, которые требовала ходьба…

До заветных распахнутых дверей оставалось не более нескольких метров, когда один из охранников пристально посмотрел на нее и поднял руку, преграждая путь.

— Привет, подруга… — произнес он, критически оглядывая Лизу с головы до ног. Заметил ли он дырку в блузке, под правым плечом, Лиза не могла судить, полумрак сгущавшихся сумерек и сочные красные блики мятущихся рекламных сполохов скрадывали ее внешность, но она все же постаралась выжать из себя хотя бы подобие улыбки.

— Я к Сэму… — она демонстративно выставила напоказ сумку, едва не закричав от боли в простреленном навылет плече.

— Да? Ну-ка, давай посмотрим, что у нас там? — Верзила подмигнул ей, заглядывая в пакет.

Он даже засунул руку внутрь, зачем-то вытащил одну из компьютерных схем, повертел ее и так и эдак, а потом вдруг спросил:

— Ты что, искупалась в кетчупе, да? Или это новая боевая раскраска? Что-то видок у тебя не для вечеринки… Блин, вы скоро будете приходить совсем голые, в одной краске… — поморщился он.

Лиза больше не хотела улыбаться.

Что-то надломилось у нее внутри, еще там, на поляне в маленьком скверике, и сейчас ей вдруг жутко захотелось врезать этому умнику между ног, чтобы он согнулся, полежал и подумал…

— Я была утром у Сэма. Он велел зайти к шести часам, — совладав с внезапной вспышкой иррациональной ярости, как можно спокойнее ответила она.

— Ладно… Честно говоря, ты еще ничего. Тут, бывает, таких заносит, что только держись, — он хохотнул и пояснил: — Не то плакать от них, не то смеяться, не то бежать за угол…

Очень остроумно… Фарамант хренов…

— Как мне найти Сэма? — Лиза чувствовала, что Последние силы покидают ее, еще минуту она продержится, а потом уже ей, вероятно, станет, все равно.

Охранник смерил ее взглядом.

— Ладно, проходи. — Он наконец посторонился, освобождая проход. — Сэма найдешь в кабинете за основным залом, он ужинает. Но смотри, если наврала, я тебя тогда отсюда подобру не выпущу, — предупредил он.

Лизе были безразличны его угрозы. Она боком протиснулась к дверям и, перешагнув порог, едва не оглохла.

Музыка, отголоски которой вырывались на улицу через двери, на самом деле оказалась сущей какофонией. Она неистово грохотала, отражаясь от стен, потолка, обрушивалась со всех сторон, смешивалась с блуждающими лучами и вспышками лазерных. спецэффектов. Все

помещение плавало в густом сигаретном дыму, лазеры резали его удушливые пласты, кромсали сизое кружево, чертили на нем, как на экране, какие-то мгновенно видоизменяющиеся символы, а среди этого содома извивалось в странном для Лизы танце около пятидесяти человек, — по крайней мере приблизительно такое количество фигур она смогла рассмотреть сквозь дым в стробоскопических вспышках светомузыкального сопровождения.

— Извините!.. — напрягая последние силы, прокричала она в самое ухо ближайшей девушки, с зелеными волосами и такими же зелеными полосами, которые змеились по практически обнаженному телу. Та не отреагировала, продолжая изгибаться в страстном упоительном прежде всего для нее самой танце, и Лиза попыталась схватить ее за руку, но пальцы прошли через пустоту, воздух: танцующая оказалась фантомом, топографической компьютерной моделью.

Черт возьми, но парень с огромной серьгой в ухе, который извивался рядом с ней, чувственно прикасаясь к фантомному телу, оказался самым натуральным, — выделывая очередное движение своего танца, которое, несомненно, должно было привести его как минимум к перелому позвоночника, он сильно задел Лизу за простреленное плечо.

Она вскрикнула, отшатнулась и этим наконец ненадолго привлекла внимание к себе.

Парень остановился, уставился на нее, словно это она была тут сумасшедшей.

— Ты чего?! — сквозь адский грохот музыки проорал он.

Лизе было больно кричать, но она все же нашла в себе силы, хотя чувствовала, как кровь запузырилась на губах. Этот кошмар, казалось, будет длиться вечно…

— Заблудилась! Сэм! Как найти Сэма?!

Парень пожал плечами, потом неопределенным жестом указал в глубины дымного сумрака.

— Там! Иди прямо, не собьешься!

В конце зала действительно находилось несколько дверей. Подле одной уже знакомая по утреннему визиту дройд пыталась унять отчаянно бившуюся в ее металлопластиковых руках молодую девчонку. Та что-то орала, бессильно молотя кулаками по голове и покатым плечам человекоподобного робота.

Сквозь застилающую сознание дымку Лиза разглядела символы уборных на двух крайних дверях и потому, пошатываясь, будто пьяная, вошла в среднюю, расположенную между ними.

Сумку из черного полиэтилена она уже не несла, а скорее волочила по полу. Если бы не прокуренный полумрак танцевального зала, то было бы заметно, что за Лизой остается частая дорожка кровавых пятен.

За средней дверью обнаружился чистенький, хорошо освещенный коридор.

Лиза, словно сомнамбула, пошла по нему. В голове звенело. Хлопнувшая за спиной дверь оказалась звукоизолированной, она мгновенно отсекла какофонию звуков, рвущихся из электронных глоток тысячеваттных аудиосистем танцевального зала, и ее опять окружила, окутала зловещая тишина, как было недавно в ложной квартире ее матери на Спринг-Роуз.

По обе стороны коридора тянулись две бесконечные вереницы дверей. Большинство из них были снабжены запирающими устройствами с прорезями не то для магнитных пропусков, не то для кредитных карточек. Лизе казалось, что этот чистый, увязший в гробовой тишине коридор тянется в бесконечность. Ни одного человека, никаких признаков охраны или обслуги, вероятно, тут все было предельно автоматизировано, и контраст между темным, задымленным, оглушительным танцевальным залом и этим местом казался не просто разительным — он был ошеломляющим…

Лиза прошла еще несколько метров и растерянно остановилась.

Кровь продолжала капать с ее изодранной одежды, собираясь у ног в маленькую лужицу.

Впервые в жизни ей хотелось не заплакать, а взвыть от безысходности.

* * *

В кабинете владельца «Старого Железа» Семена Крайнева заканчивался в этот момент деловой ужин.

Вместе с ним за столом сидели еще пять человек; двое из них были так же молоды, как Крайнев, а трое других представляли собой так называемое «старшее» поколение бизнеса.

— Мне нравятся твои успехи, Сэм, — произнес один из «старших», продолжая начатый задолго до этого разговор. Он лениво поковырял ножом в своей опустевшей тарелке и поднял взгляд на хозяина заведения. — Ты занял удачную нишу, сынок. Честно говоря, когда ты начинал, я не думал, что этот вид развлечений окажется востребован в такой степени. Дискотек и баров вокруг — пруд пруди, а народ все по большей части валит к тебе.

— Ничего удивительного, — пожал плечами Сэм. — Я знал проблему

изнутри, поэтому нетрудно было прогнозировать. Гораздо сложнее оказалось привлечь инвестиции, — не удержавшись, добавил он.

Все за столом понятливо заулыбались.

«Скалитесь, суки… — неприязненно подумал Семен, глядя на окружающие его лица. — Год назад и знать меня не хотели…»

— Что поделать… — картинно развел руками тучный, розовощекий джентльмен, сидевший напротив Сэма. — Ты же знаешь наш квартал — одни многоквартирки. Сложно кому-то доверять под честное слово, особенно молодым. — Он лениво выщелкнул сигарету из дорогого портсигара и со знанием дела пояснил: — Молодежь пошла злая, сбиваются в. стаи, будто звери, и все рыщут, рыщут по вечерам, ищут, кому бы проломить башку да вывернуть карманы… Трудно с ними… — философски добавил он, прикуривая.

Сэму оставалось только кивнуть, внешне соглашаясь с постулатом о злой, недоделанной и дурно воспитанной молодежи. В его ситуации приходилось играть по чужим правилам, но мысли-то никуда не денешь. Они живут сами по себе, вне зависимости от выражения лица… Пацаны на улице действительно подрастали злые, но разве не этот благообразный дяденька потчевал их родителей синтетической наркотой, по два кредита за грамм? Дешевле, кажется, смерть еще не продавалась ни разу… Да и молодой клиентурой этот ублюдок не брезговал.

Мысль Сэма внезапно прервал тонкий писк наручного коммуникатора.

— Извините, господа. — Он поднял руку, взглянул на крошечный монитор, расположенный рядом с циферблатом хронометра дорогих часов в тауриновом корпусе.

На мини-дисплее автоматической охранной системы высвечивался небольшой фрагмент коридора, по обе стороны которого располагались двери платных виртуальных кабинок. Все они были плотно закрыты, а передающая камера сфокусировалась на смутно знакомой ему молодой женщине с черным пластиковым пакетом в руках. Она стояла, странно согнувшись, черты ее лица были искажены неподдельным страданием, а на полу, у ее ног росла алая лужица.

Сэм не узнал утреннюю посетительницу.

«Черт, опять порезали кого-то в зале», — тревожно подумал он, вставая.

— Прошу меня простить. Я вынужден отлучиться на одну минуту. Симоне, — он обернулся к молодому человеку, сидевшему по правую руку от него, — расскажи пока господину Воронину о наших планах

относительно расширения проекта.

— Что, Сэм, проблемы? — Розовощекий толстяк, которого только что поименовали господином Ворониным, в упор посмотрел на Крайнева.

— Нет, беспокоиться не о чем, — заверил его Семен. — Просто я не успел предупредить одну особу о том, что буду занят именно в это время, — на ходу сымпровизировал он, не желая выставлять напоказ маленькие проблемки своего заведения. — Извините, господа. Я сейчас вернусь.

— Ну-ну… дело молодое, — похабно ухмыльнулся ему вслед Воронин, которого за глаза в квартале называли не иначе, как «стервятником». Под этой же кличкой он значился и в полицейском управлении округа.

* * *

Коридор действительно был длинный — ведь по обеим его сторонам располагалось без малого шесть десятков отдельных виртуальных кабин, — так что Крайнев едва различил в его противоположном конце скорчившуюся подле стены фигуру.

«Точно… Ножом, наверное, пырнули…» — с досадой подумал он, переходя с шага на бег.

— Охрана, мать вашу, где вы шляетесь? — раздраженно спросил он, на бегу подняв к губам коммуникатор, встроенный все в те же наручные часы. — Живо в коридор, и нашего врача туда же!

Подбежав к скорчившейся у стены фигуре, он увидел, что женщина, вопреки его ожиданию, не зажимает рукой никаких резаных ран, хотя изодранная одежда действительно была перепачкана уже подсохшими пятнами крови. Лицо женщины было бледным, землистым, сознание уже почти покинуло ее, и только глаза упорно пытались жить, непонятно каким усилием храня в своих глубинах искру боли, страха и безысходности…

— Сэм… — тихо прошептала она, и в этот момент Крайнев узнал в ней ту странную утреннюю посетительницу, которой он предложил поужинать в его клубе. — Прости… за… беспокойство… — слова выходили из нее тяжело, с хрипом, на губах выступила кровавая пена. — Больше… некуда… было… — Она попыталась шевельнуться и тут же начала валиться набок, оползая по стене. Семен едва успел поддержать ее обмякшее тело.

В этот момент наконец появилась охрана.

— Сюда, живо!

Они подбежали, подхватили Лизу, но клубный врач жестом приказал

уложить ее прямо здесь, на пол.

Семен с удивлением посмотрел на свои руки. Ладони были красными, липкими от крови.

Губы Лизы опять дрогнули, упорно пытаясь что-то произнести. Врач, склонившийся над ней, удивленно поднял голову:

— Она пытается что-то сказать про полицейскую машину, брошенную подле клуба.

Семен кивнул одному из охранников, плотному, ладно сбитому парню с коротким ежиком светлых волос, из-за цвета которых тот получил свое прозвище: Лайт.

— Лайт, проверь стоянку.

Тот молча кивнул, бегом бросившись исполнять распоряжение.

Врач опять склонился к Лизе. Осмотрев ее, он разогнулся.

— Очень плохо. Сквозное пулевое ранение, пробита верхушка правого легкого. Видимо, она потеряла половину крови. Срочно требуется переливание.

Семен привык соображать быстро. Кто она такая, его случайная знакомая, разбираться сейчас было некогда, но поскольку в дело Оказалась замешана полиция, то везти ее в больницу не было смысла: репутация его клуба еще, мягко говоря, «не устоялась» и нечего было давать копам лишний повод проявлять повышенное внимание к «Старому Железу». К тому же Семен не мог не признать, хотя бы в мыслях, что эта девушка как-то странно, по-особому, запала в душу, что называется сразу, с первого взгляда, иначе стал бы он поить ее кофе и приглашать на ужин?

— Несите ее ко мне, — решительно приказал он топтавшимся рядом охранникам. — Джордан, — он обернулся к врачу, — сделай все, что в твоих силах. Постарайся обойтись без официальной помощи, ладно? В общем, не мне тебя учить.

Лизу уже подняли и понесли.

Семен посмотрел ей вслед, удивляясь внезапно обрушившемуся на его голову негаданному приключению, и вдруг заметил, что она смотрит на него…

Смотрит благодарно, удерживая, несмотря ни на что, слабую искру сознания в своем взгляде.

«Удивительно…» — подумал он, указывая последнему оставшемуся подле охраннику на черный пластиковый пакет:

— Отнеси ко мне. И передай парням у входа, что я буду иметь с ними серьезный разговор после смены.

* * *

Закончить ужин и нормально проводить гостей Семену в этот вечер так и не дали.

Снова его потревожило коммуникационное устройство, но на этот раз не тревожной трелью охранной сигнализации, а обычным звонком.

— Да, слушаю. — Он едва заметным движением включил закрытый канал. Звонил доктор.

— Семен Андреевич, вам бы неплохо посмотреть. Я тут наткнулся на некоторую странность с нашей пациенткой.

— Джордан, это срочно? У меня гости.

— Боюсь, что да. Я не могу держать рану открытой, а вам следует взглянуть на это воочию.

— Хорошо, сейчас.

* * *

Лиза не понимала, куда и зачем ее несут.

Не пытаясь сопротивляться, она лежала на носилках и смотрела на капельницу, которую держал в поднятой руке широкоплечий молодой парень в безупречном деловом костюме. Он шагал рядом с изголовьем, и на его лице почему-то лежала печать каменного безразличия ко всему происходящему.

Лиза все время пыталась сфокусироваться на этом лице. Ей казалось, что ни в коем случае нельзя терять сознание, хотя физические страдания тела уже превысили всякий мыслимый предел, и сладкая, черная дымка небытия манила, звала, будто долгожданная награда за муки…

Наконец мерное, болезненное покачивание прекратилось.

Чьи-то руки приподняли ее, видимо перекладывая в постель. Лицо доктора бледным пятном вплыло в круг ее зрения, постепенно обретая резкость, а вместе с ней и морщинистые черты пожилого человека.

— Ну, милая, давай посмотрим, что за дырку в тебе сделали эти говнюки…

Бранное слово неприятно резануло ее слух. Оно казалось неуместным в устах такого благообразного, чуточку старомодного джентльмена со смешным кожаным саквояжем в руке…

Прохладные пальцы мягко, вкрадчиво прошлись по ее предплечью. Лиза остро ощущала границу онемения, особенно в те мгновения, когда прикосновения вдруг исчезали, переставали восприниматься ею. Пожилой доктор не задавал никаких вопросов, да она была бы и не в силах ответить,

поэтому просто лежала, мучительно скосив глаза на эти руки, и лишь крупные градины пота, выступившие на лбу, говорили о том, что Лиза остается в сознании.

Сбоку раздался щелчок открываемого замка, затем негромкое позвякивание каких-то инструментов, приглушенные голоса, вслед за которыми онемевшее плечо внезапно пронзила дикая боль…

— Спокойно… Все хорошо… Хорошо, милая, не выгибайся… Ох, какая ты упрямая, ну никак твое сознание не хочет теряться, — посетовал мягкий голос. — Давай теперь посмотрим, что у нас с рукой?

Он взял Лизу за запястье, ловким, бесцеремонным движением надрезал рукав, увидел неумело наложенную повязку и взрезал ее.

— А вот это скверно, моя дорогая… — пробормотал он. — Самолечение — это грех. — Джордан покачал головой, глядя на распухшее запястье и безобразный, глубокий порез, который тянулся извилистой, почерневшей полосой на фоне синевато-желтой, вздувшейся опухоли. — Придется вскрывать и чистить… — озабоченно пробормотал он, опять отвлекаясь куда-то в сторону.

Лиза ужасно боялась врачей, особенно хирургов…

Приглушенное позвякивание инструментов заставило ее похолодеть, сжаться. Силы уже окончательно покинули измученное тело, и сжиматься, трепетать могла лишь душа.

Боль в потревоженной руке внезапно прорвалась в притупленное сознание.

Невыносимая, острая, горячая…

Боль…

Багровые пятна поплыли перед глазами, и внезапно она со всей отчетливостью горячечного бреда поняла — это облака…

Низкие, багровые, клубящиеся, истекающие проливным дождем тучи, между которыми то и дело сверкали ослепительные разряды молний…

«Где я?! Что со мной?!»

— Быстро!.. Брызните ей на лицо. Да, вот из этого баллона!..

Дождь… Капли дождя упруго хлещут по расколотому забралу боевого скафандра… Ее окровавленная рука тянется к нему, и вырванные из обода осколки бронестекла окрашиваются в розовый цвет…

С кем это было? Когда? Где?..

Дождь… Господи, как больно… Воздух чужой планеты, горьковатый, влажный, полный дождевых брызг…

Лицо, склонившееся над ней. Дымный султан разрыва за спиной, поднятые в небо и медленно опадающие назад комья грязи…

Фьетч…

— Соломин! Ко мне!

Чья-то тень промелькнула совсем рядом.

— Быстро, сделай ей инъекцию! И вытащи ее из скафандра, видишь, сервоприводы заклинило!..

Дым…

Грохот, оранжево-черные вспышки, вой уносящихся на излет осколков и дождь… Горячий, проливной дождь, падающий с багряных небес…

…

— Какая странная девочка… — продолжал бормотать себе под нос Джордан, вскрывая лазерным скальпелем нарывающую опухоль на запястье Лизы.

Она напряглась, по серому лицу внезапно поползли пунцовые пятна.

Ее губы задрожали, Она бредила, выталкивая из пересохшего горла едва слышные слова:

— Соломин… Справа… Видишь ползет по склону… Это он нас накрыл…

Джордан не успел удивиться содержанию ее бреда.

Натянутая, опухшая кожа под лазерным скальпелем разошлась, раздавшись в стороны с влажным чавканьем, словно на запястье Лизы вдруг раскрылся кровоточащий рот, но Джордан, не обратив внимания на звук, с вполне естественной профессиональной заинтересованностью спокойно заглянул в глубь раскрывшегося надреза… и вдруг отшатнулся, смертельно побледнев.

Стоявший рядом с ним охранник, который по-прежнему держал на вытянутой руке мягкий резервуар капельницы, заметив, как отшатнулся от пациентки доктор, врачевавший на своем веку гораздо более худшие ранения, удивленно перевел свой взгляд с мертвенно-бледного лица клубного врача на вскрытое запястье Лизы, и его лишенное эмоций, каменно-спокойное лицо тоже внезапно исказилось гримасой крайнего, брезгливого удивления.

— Ни хрена себе… — выдавил он, едва не уронив капельницу.

Джордан дрожащими пальцами уже тыкал в сенсорные кнопки номеронабирателя на мобильном коммуникаторе.

— Семен Андреевич? У меня возникли сложности с пациенткой…

Клуб «Старое Железо». Несколько дней спустя

Видимо, ей ввели какой-то очень сильный препарат, потому что, очнувшись, Лиза долго не могла понять, где она, что случилось и как ее угораздило попасть в совершенно незнакомую комнату.

Постепенно, капля за каплей память возвращалась к ней, всплывая тусклыми, обрывочными воспоминаниями.

Сергей… Морган… Мать… — Все вернулось, болезненно, однозначно.

Вспомнив свои мытарства, Лиза бессильно прикрыла глаза. Как ей хотелось очнуться иначе, понять, что кошмар последних суток — это всего лишь сон, но нет… Это была явь. Реальность, где кто-то незримый, незнакомый заочно приговорил ее к смерти. За что? Почему?

Лиза вдруг подумала, что вряд ли ей удастся выяснить правду. Если уж Муниципальная служба безопасности вдруг начала плясать под чью-то дудку, без всяких предварительных пояснений отстреливая граждан за простое уклонение от допроса, то, значит, заказчик всего этого сидит либо на самой вершине иерархической лестницы планетного самоуправления, либо имеет в своем распоряжении огромные деньги. А может быть, и то и другое вместе взятое…

От горьких мыслей ее отвлек внезапный звук.

Кто-то находился рядом с ее постелью, в этой же комнате.

Ресницы Лизы дрогнули, глаза приоткрылись — чуть-чуть, только чтобы она смогла выглянуть в образовавшуюся меж трепещущих век щелочку.

Человек…

Он сидел спиной к ней, расположившись в кресле за терминалом компьютера. По обширному рабочему столу, который одновременно являлся подставкой для терминала, были разложены соединенные между собой временными интерфейсами компоненты сетевой машины, явно те самые, что находились в ее сумке. Логично было предположить, что человек, сидящий за столом, это Сэм.

Лиза смотрела на его коротко стриженный затылок, ссутуленные плечи и понимала, что должна испытывать чувство глубокой признательности к своему спасителю. В конце концов у него было слишком мало поводов помогать ей.

Что ж… Теперь, в обмен на любезность, он уж точно удовлетворит свое любопытство. Лизе была непонятна его заинтересованность в компьютерных схемах, которую он ясно продемонстрировал в момент их

первой случайной встречи. Кто он? Банальный скупщик краденого?

Некоторое время она продолжала исподволь наблюдать за ним. Нет, на мелкого мошенника Сэм не походил, это становилось ясно сразу. Хотя что ты знаешь о людях, подвизающихся в кварталах бедноты? — мысленно одернула себя Лиза.

Пока она раздумывала таким образом, человек закончил просмотр вызванного на экран документа. Протянув руку, он произвел несколько переключений на панели управления терминалом и откатился от стола вместе с креслом. Закинув руки за голову, устало потянулся, потом встал, подошел к стене и открыл створки скрытого под отделкой углубления.

Мелодичный звук подсказал Лизе, что это бар. Подтверждая ее догадку, тихо булькнула какая-то жидкость, и человек, которого она могла наблюдать только со спины, наконец обернулся.

Это действительно был Сэм.

Лиза смотрела, как он задумчиво потер подбородок, сделал маленький глоток из бокала, машинально хлопая себя свободной рукой по карманам в поисках сигарет. На нее он не смотрел. Достав сигарету, Сэм прикурил, отойдя в сторону от ее постели, туда, где в стене под потолком было зарешеченное отверстие вытяжной вентиляции. Выпустив дым, он снова отпил из бокала и надолго застыл в раздумье. Его покрасневшие глаза жили при этом своей жизнью, они то прищуривались, приобретая глубокомысленный вид, то снова становились нормальными, разве что слишком усталыми…

«Похоже, что он очень мало спит в последнее время», — подумала Лиза. Аромат сигаретного дыма, несмотря на вентиляцию, все же пополз по комнате, и у нее сладко закружилась голова.

«Не расслабляйся…» — упрекнула себя она. — «И не думай о нем, как о друге, ты совершенно не знаешь ни Сэма, ни мотива его поступков».

Справедливая мысль. Сэм по-прежнему оставался одной сплошной загадкой, впрочем, вероятно, как и она для него. Исправить ситуацию можно было лишь одним доступным способом.

— Можно и мне? — негромко спросила Лиза, садясь в постели. Это несложное движение далось ей с трудом.

Сэм вздрогнул. Резко обернувшись, он посмотрел на Лизу, а затем, когда секунду спустя до него дошло, что она уже не лежит, а сидит в постели, его губы вдруг тронула совершенно неподдельная улыбка.

— Я ждал, что ты вот-вот придешь в себя, — сказал он, делая шаг к кровати, которая, как теперь поняла Лиза, оказалась диваном. Вся остальная обстановка помещения сразу же наводила на мысль о рабочем

кабинете.

Взяв офисное кресло на колесиках, которое сиротливо стояло посреди комнаты, Сэм придвинул его к дивану, сел, отщелкнув крышечку встроенной в подлокотник пепельницы.; и протянул ей сигареты.

— Ну, как ты себя чувствуешь?

Лиза пожала плечами.

— Голова кружится, — созналась она. — Я долго отсутствовала?

— Десять суток, — спокойно ответил Сэм, протягивая ей зажигалку.

Пальцы Лизы слегка дрогнули.

Десять суток…

— Ранение было серьезным, — заметив ее растерянность, пояснил Сэм. — Мой врач, мистер Джордан, сознательно продержал тебя все это время на снотворных препаратах. Он классный специалист, и его рекомендациям можно доверять.

Лиза слабо кивнула.

Подняв глаза, она поймала взгляд Сэма и тихо произнесла:

— Спасибо. Я понимаю, что не имела особых прав вламываться к тебе…

— Брось. — Сэм все еще держал в руке зажигалку, и Лиза наклонилась, чтобы прикурить. Сладковатый вкус сигареты на миг одурманил ее.

— Что значит «брось»? — спросила она. — Не думаю, что вытаскивать с того света незнакомых раненых девушек — это твое хобби. К тому же хозяин клуба, наверное…

— Хозяин клуба я, — мягко перебил ее Сэм, и при этом в его взгляде мелькнули и погасли озорные, насмешливые искорки. Наверное, он радовался тому удивлению, что невольно отразилось на ее бледном лице. — Да, ты не ослышалась. Я хозяин «Старого Железа». — Он откинулся на спинку кресла и произнес, предупреждая ее вопрос: — Ты можешь чувствовать себя в абсолютной безопасности.

— Да? — Лиза вытянула руку, стряхивая пепел с кончика сигареты и одновременно продолжая смотреть ему в глаза. — Сэм, я полагаю, что за все на свете нужно платить, ведь так?

Он не отвел свой взгляд. Кивнув, он тоже продолжал смотреть на нее, и в его серых зрачках по-прежнему прятался веселый, чуть насмешливый чертик.

«А вот мне не до смеха…» — подумала Лиза. Все складывалось слишком странным, прямо-таки сказочным образом, а в сказки она уже давно не верила.

— Если ты будешь так хмуриться, у тебя на лице скоро появятся морщины, — предупредил ее Сэм и тут же добавил уже серьезно: — Конечно, ты права. За все нужно платить. — Он вдруг усмехнулся. — Человечность больше не котируется в этом мире, согласись? Если ты занимаешься бизнесом, значит, бандит и отморозок, если помог девушке, попавшей в беду, значит, имеешь за душой кучу злых, далеко идущих намерений, верно?

Она смутилась от такой прямой трактовки ее полуосознанных мыслей, но более ее поразил тот вызов, который внезапно прорвался в нотках его голоса.

— Извини, Сэм, я не хотела тебя обидеть… Он грустно улыбнулся.

— Нет, Лиза, ты права. Мы живем в мире реального… — с непонятной горечью в голосе произнес он. — Наше бытие, которое по древней формуле определяет сознание, на поверку именно таково: либо ты используешь кого-то, либо этот кто-то поимеет тебя. Мой интерес к тебе кроется очень глубоко, — внезапно признался он. — Мне трудно обрисовать его несколькими фразами… да ты и вряд ли его поймешь, пока не узнаешь многих сопутствующих обстоятельств. Поэтому я предлагаю тебе своего рода сделку. — Он посмотрел ей в глаза. — Ты расскажешь мне свою историю, а я обещаю, что не выдам тебя никому; У меня свои счеты и с МСБ, и со всеми остальными представителями так называемой власти, и это будет достаточно весомой причиной нашей дружбы. Тебе придется всего лишь немного потерпеть, поверив мне на слово.

Лиза чувствовала себя в этот момент не совсем уютно. Что значит немного потерпеть?

— Раз уж ты очнулась и чувствуешь себя хорошо, то никто не помешает нам поужинать вместе, — произнес Сэм, угадав ее настороженность и смятение чувств. — Я немного расскажу о себе, и тогда ты, вероятно, сможешь сама ответить на некоторые собственные вопросы.

Лиза почувствовала, как ее нервы стягиваются в комок.

— А что будет дальше? — спросила она.

Сэм пожал плечами.

— Там разберемся, — ответил он. — В «Старом Железе» тебе ничего не грозит. У меня отличная «крыша», надеюсь, что непробиваемая ни для копов, ни для спецов из МСБ. Ты сама решишь, что тебе делать.

— Вольному воля?..

— А спасенному — рай… — с улыбкой завершил ее фразу Сэм.

Лиза смотрела на него и не могла понять: бредит она или все действительно происходит наяву?

За те сутки, что болезненным шрамом навсегда легли в ее память, она, вероятно, успела напрочь потерять веру в людей.

«Не верится, что, попросив помощь, ты получила ее?» — мысленно упрекнула себя Лиза, а вслух спросила:

— Что именно тебя интересует?

Сэм не стал настаивать на чем-то конкретном и тем самым еще больше смутил Лизу.

— Ты можешь рассказать то, что сочтешь нужным, — ответил он. Его покрасневшие глаза смотрели на нее спокойно, серьезно, без вызова и недоверия. Он действительно казался ей нереальным.

Лиза откинулась на подушки. Ей вдруг нестерпимо захотелось, чтобы этот миг длился как можно дольше, может быть, вечность. Она не знала Сэма, он не знал ее, им было не за что любить или недолюбливать друг друга…

— Ну, хорошо… — наконец решилась она, понимая, что так или иначе должна хоть кому-то рассказать о своих злоключениях. Носить в себе весь этот груз уже было невозможно.

Заметив, что она готова тут же начать, Сэм покачал головой:

— С моей стороны это было бы свинством. Давай так: я закажу ужин, а ты пока попробуй встать. Джордан разрешил тебе вставать, когда очнешься. Вот эта дверь ведет в ванную комнату. — Он вдруг смутился. — Черт…

— Что такое? — Она мгновенно напряглась. Сэм виновато посмотрел на Лизу.

— Забыл заказать тебе одежду, — сознался он. — От твоей, сама понимаешь, пришлось избавиться.

Лиза мысленно оценила ситуацию, и легкая улыбка наконец тронула ее губы.

— Надеюсь, халат у тебя отыщется?

* * *

Было уже начало восьмого, когда молчаливый официант накрыл специально принесенный в кабинет Сэма стол.

Лиза была очень слаба, но принятый душ помог ей немного взбодриться. Она не стала комплексовать: снявши голову, по волосам не плачут… Сэм казался ей странным, но в конце концов это еще не повод, чтобы кидаться в крайности.

Выйдя из ванной в мужском халате, который она сама освободила от герметичной вакуумной упаковки, Лиза с удивлением обнаружила, что Сэм

уже тут. Он сидел на низкой банкетке подле непонятного прямоугольного провала, который располагался в одной из стен его кабинета. Лиза еще полчаса назад обратила внимание на эту нишу в стене, а теперь, глядя, как Сэм укладывает в нее куски настоящего, резко пахнущего хвоей дерева, она и вовсе оторопела.

— Что это? — не удержалась она от закономерного в такой ситуации вопроса.

— Камин, — ответил Сэм, продолжая складывать внутрь поленья, которые брал со специальной подставки. Заметив ее недоумение, он попытался объяснить ей смысл термина, но мало преуспел в этом.

Чиркнув зажигалкой, он поднес огонек к сложенным кускам древесины, и те внезапно вспыхнули.

Лиза непроизвольно отшатнулась, инстинктивно прикрыв глаза рукой.

— Ты что? — вырвалось у нее. — Будет пожар!

— Не волнуйся. — Сэм выпрямился. — Эх, цивилизация… — насмешливо вздохнул он. — Это очаг, понимаешь? Так отапливали свои жилища наши далекие предки.

Лиза с опаской покосилась на гудящее пламя, которое уже объяло поленья, бросая по стенам комнаты желто-оранжевые блики.

От камина потянуло сухим теплом. Его прикосновение показалось ей приятным. Мгновенный испуг прошел, и она вдруг вспомнила, что читала о чем-то подобном в далеком детстве. Тусклое, обрывочное воспоминание кольнуло в самое сердце.

Сэм тем временем приглушил свет и зажег две свечи в кованом подсвечнике.

Таинственные тени тут же наполнили комнату. В кабинете не было окон, и обстановка складывалась таинственная и какая-то чарующая одновременно.

Лиза пожала плечами. Она устала. Смертельно устала бояться. Хотелось чего-то нормального, человеческого, а некоторая эксцентричность Сэма, по здравом размышлении, оказывалась не худшим из тех зол, что пришлось испытать ей за последние дни…

В конце концов она сама пришла сюда, попросив его о помощи.

— Есть хочется… — внезапно призналась она, глядя на колеблющееся пламя свечей.

* * *

Время летело быстро и незаметно.

Сэм оказался терпеливым, и его ненавязчивость постепенно сняла

напряжение, которое испытывала Лиза.

— Зачем тебе камин? — спросила она, когда хозяин кабинета встал из-за стола, чтобы подкинуть ненасытному огню очередную порцию пищи. — Дерево ведь стоит бешеных денег, да и эконадзор, наверное, не дремлет?

— Он настоящий… — Сэм кивнул в сторону языков пламени. — Чувствуешь, насколько своеобразно это сухое тепло?.. — Вернувшись к столу, он наполнил бокалы и добавил: — Я всю свою жизнь учусь любить настоящее…

Лиза не совсем поняла смысл скрытого во фразе откровения. Контекст стал понятен ей много позже, а сейчас она лишь кивнула в ответ и, вспомнив про их уговор, негромко произнесла, отодвигая опустевшую тарелку:

— Я готова к разговору, Сэм.

Он прикурил сигарету и откинулся на мягкую спинку стула.

— Все началось с того, что полтора месяца назад я вышла замуж за человека, которого случайно встретила на улице… — произнесла Лиза, невольно погружаясь в пучину недавно пережитых событий…

* * *

Ее рассказ занял не так уж много времени. Она старалась излагать подробно, но вышло так, что минут через пятнадцать Лиза вдруг поняла, что больше ей говорить не о чем, и посмотрела на Сэма, который все это время, не перебивая, слушал ее и только курил сигарету за сигаретой.

— Н-да… — произнес он, когда Лиза нервно потянулась за бокалом. — Выходит, что Морган натравил на тебя спецподразделение МСБ?..

Она кивнула. Лиза больше ничего не могла добавить к уже сказанному.

Две свечи успели сгорели на треть, медленно оплывая потеками полупрозрачных слез. В комнате пахло лесом.

— С Морганом мы разберемся… — внезапно пообещал Сэм, вставая. — А вот вернуть тебе гражданский статус под прежней фамилией будет сложнее…

— Почему? — мгновенно встрепенулась Лиза, у которой рассказ вновь взбаламутил в душе всю горечь пережитого отчаяния.

— Общаясь с властями, я предпочитаю иметь на руках неопровержимые доказательства и факты, — ответил он, подсаживаясь к камину. — А их у нас пока что нет. Есть лишь определенные догадки,

которые необходимо тщательно проверять.

Он взглянул на Лизу и признался:

— Я все эти дни провел за изучением схем, которые ты принесла в сумке.

— Ты что-то нашел?

Он откровенно пожал плечами:

— И да, и нет. В них есть очень необычный компонент, но я еще далек от полного понимания его структуры. Нужно работать. А тебе нужно набираться сил после ранения.

— Я в порядке, — нахмурилась в ответ Лиза.

Сэм отрицательно покачал головой.

— Джордан так не думает. К сожалению, его вызвали на острова, но завтра к вечеру он вернется и обязательно придет навестить тебя. Ты можешь мне пообещать, что до этого времени просто забудешь о своих неприятностях?

Она промолчала.

«Как я могу забыть? Он что, не понимает, каково мне?..»

— Сэм, почему ты мне помогаешь?

Ей хотелось сказать, что социальный статус — это полбеды, что хочется вернуть не его, а свою утраченную, порванную на частички память… Ей были непонятны мотивы поведения Сэма, и чем больше Лиза думала об этом, тем тревожнее, неуютнее становилось у нее на душе.

— Я сам несколько раз оказывался в твоей ситуации… — негромко ответил он, шевеля наполовину сгоревшие дрова в камине длинным витым прутом. — В «Старом Железе» я стараюсь помочь всем, кто нуждается в этом, но твой случай особый… — Он обернулся и посмотрел на нее. — Лиза, ты можешь потерпеть один-два дня?

Она не выдержала его взгляда и отвернулась.

— Я буду вынуждена это сделать, ведь так?

Он кивнул, вставая.

— Это лучше, чем болтаться по городу и прятаться от полиции. Если ты опасаешься, что я стану навязывать тебе свое общество, то…

— Нет, Сэм, извини… Прости… — Она обернулась. Подбородок Лизы предательски дрогнул. — Не уходи.

Он остановился.

— Сэм, пойми, я не могу ждать… Ведь это была моя жизнь… Мой муж умер, меня пытались обвинить в его смерти, а потом и убить… Расскажи мне про эти чертовы компоненты. Ты сказал, что нашел в них что-то необычное?..

Он ответил не сразу. Некоторое время Сэм молча смотрел на нее, будто взвешивал в душе какие-то «за» и «против», а потом, подойдя к своему рабочему столу, просто указал на одну из нескольких кристаллических схем.

— Подойди сюда… — позвал он Лизу. — Видишь этот серый непрозрачный кристалл?

— Да… — ответила она.

— Он лишний. — Сэм взял в руки схему, отключил от нее временные соединения и откинул крышку стоявшего на столе прибора. — Признаться честно, я сломал об него зубы. — Пальцы Сэма легко извлекли кристалл из гнезда и поместили его внутрь прибора. — Смотри… — Он закрыл крышку и посторонился, чтобы она могла взглянуть на экран, куда поступало увеличенное в тысячи раз изображение кристалла. Он казался пронизанным миллионами тончайших прожилок, сплетающихся в неподдающийся описанию и осмыслению узор.

— Что это?

— Боюсь, что этот кристалл не просто блок питания или носитель информации. Его структура слишком сложна и необычна. Она не похожа ни на что, виденное мной ранее, но все же я могу предположить следующее: перед нами не просто компонент прибора, это целый компьютер, заключенный в одном кристалле.

— Вот даже как? — Лиза не могла скрыть изумления. — Но откуда могла взяться подобная штуковина?

Сэм пожал плечами.

— Я задал себе тот же самый вопрос, — ответил он. — Чем больше я думал над ним, тем очевиднее становилась ненужность всего остального барахла. Значит, терминал в твоей квартире служил лишь ширмой для этого малюсенького кристалла, который сам по себе машина, причем в тысячи раз более мощная, чем все известные мне существующие на сегодняшний день аналоги.

— Сэм, ты так запросто говоришь мне все это… — Лиза непроизвольно сделала шаг назад, — несмотря на то, что это…

— Целое состояние? — насмешливо спросил он.

— Да.

Сэм покачал головой.

— Не волнуйся, это нельзя ни продать, ни использовать, — успокоил он Лизу. — По крайней мере сейчас.

— Почему? — недоверчиво спросила она.

— Я показал запись структуры кристалла нескольким очень опытным

специалистам. Они скрупулезно исследовали предоставленный им материал и независимо друг от друга пришли к выводу, что ни воспроизвести, ни использовать, ни тем более грамотно объяснить принцип действия этой диковинки не сможет ни один программист или технолог. Это могут сделать лишь те, кто создал кристалл.

— Не понимаю… Откуда в таком случае он взялся?

Сэм нахмурился. Он ломал голову над тем же самым и потому ответил достаточно уверенно:

— Кто-то вставил его в терминал с определенной целью. Вероятно, ответ на твой вопрос — откуда он взялся — напрямую связан со смертью Сергея. Тот, кто установил кристалл, и есть его убийца.

По спине Лизы пробежал холодок.

— Пока ты была без сознания, я побывал в агентстве Норригана, где работал твой муж, — продолжил Сэм. — Там мне удалось узнать, что он не появлялся в редакции больше месяца. Его бывшие сослуживцы намекнули, что, прежде чем исчезнуть, Сергей начал цикл статей о виртуальной реальности. Он намекал на какую-то сенсацию, но дальше разговоров и смутных намеков дело не продвинулось. В агентстве все очень злы на него. Сергей назанимал денег, достаточно внушительные суммы…

— Ты вычислил его через носители информации? — спросила Лиза, кивнув на несколько кристаллодисков.

— Да. Ваш квартирный терминал был зарегистрирован на его имя, а по данным социального статуса, как ты понимаешь, совсем нетрудно выяснить, кем был твой муж и чем он занимался.

— А статьи? Ты нашел их черновики?

— Нет, — покачал головой Сэм. — Десять дней — не такой уж большой срок. Я занимался этим кристаллом, до остального попросту не дошли руки. Теперь, конечно, следует просмотреть файлы пользователя, потому что твой рассказ многое меняет… Мне, например, начинает казаться, что ваша встреча с Сергеем не была такой уж случайной…

— Мне тоже… — тихо произнесла Лиза.

Сэм вытащил кристалл из анализатора, вставил его назад в схему и вновь подключил к ней временные соединения.

— Теперь ты понимаешь, что в твоей истории все гораздо запутаннее, чем может показаться на первый взгляд?

Лиза кивнула. Да, она понимала это. Теперь становилось ясно, что их встреча с Сергеем и ее внезапное умопомрачение было кем-то срежиссировано… Но тогда где гарантия, что «Старое Железо» и Сэм не являются звеньями той же цепи?! Лизу окатило жаром от этой неприятной

мысли. Чтобы опровергнуть ее, нужно было всего лишь допустить, что во многомиллионном городе она в буквальном смысле слова попала «пальцем в небо» — зашла именно в этот клуб, случайно познакомилась с Сэмом…

Господи, как хотелось ей верить, что, кроме чьей-то злой воли и слепого случая, в мире существует еще и Провидение…

* * *

Чтобы прогнать ощущение внезапно вернувшейся тревоги, она отошла от стола, и ее взгляд упал на старое издание в потертом переплете, которое лежало на широкой каминной полке.

Машинально протянув руку, Лиза взяла его, все еще пребывая в плену своего настроения.

Нет, так не пойдет… Сэм прав, нужно менять тему разговора. Так и свихнуться недолго… — мысленно упрекнула себя она.

Не хотелось, чтобы этот вечер, который начался, словно сказка, вдруг обернулся взаимной настороженностью и недоверием.

— Ты читаешь старые книги? — спросила Лиза, осознав наконец, что держит в руках настоящее издание, выполненное еще допотопным, полиграфическим способом. Ее пальцы перевернули несколько страниц, которые казались очень хрупкими, пожелтевшими и, вероятно, рассыпались бы в прах, если б не прозрачная пластиковая пленка, покрывавшая их едва заметным глазу, но осязаемым на ощупь слоем.

— Да, — ответил Сэм. — А что тут удивительного?

Лиза посмотрела на год издания книги.

— Двадцать первый век… — Ее взгляд скользнул по названию. — Проблемы виртуальной зависимости в подростковой среде, — вслух прочитала она. Название вдруг кольнуло ее своей созвучностью с той проблемой, которую пытался, по словам Сэма, разработать Сергей. Лиза вздрогнула. — Интересно, зачем тебе это все?

Сэм взял несколько поленьев, подбросил их в угасающий очаг и, не поворачивая головы, ответил:

— Ты хочешь знать, кто я такой? — Его глаза блеснули в багряном полумраке комнаты.

Лиза смутилась, но тут же вспомнила, что он обещал ей рассказать о себе.

— Конечно, хочу, — произнесла она, поднимая взгляд, чтобы увидеть сидящего у огня Сэма.

Глядя на него, Лиза внезапно испытала острое, двоякое чувство. С одной стороны, ей действительно хотелось что-то узнать о своем спасителе,

а с другой — она поняла, что подсознательно боится каких-либо откровений с его стороны.

Сэм был для нее загадкой… Лиза остро ощущала, что ее душа вдруг начинает трепетать при мысли о нем, и любое откровение могло пойти в разрез с уже сложившимся внутренним образом, разрушить его грубыми коррекциями безжалостной реальности. Он мог оказаться кем угодно…

Лиза ждала его ответа, невольно прислушиваясь к себе самой, к тем переменам, что происходили в ее душе буквально в эти самые мгновения.

Сколь ни страшно было все, что случилось с ней, но в результате Лиза обрела больше, чем потеряла, — в этом стоило признаться хотя бы самой себе. У нее появилось настоящее. Она больше не ощущала никакого давления со стороны, не было ни непонятного раздвоения личности, ни пугающей черной неопределенности. Ее разум зафиксировал некий момент времени и уже оттолкнул его назад, превратив в прошлое.

Сейчас заново родившаяся душа Лизы плавилась в непонятном для нее, новом, чарующем горниле чувств, словно ранение освободило наконец ее разум… и она замирала, когда внутри все сжималось от ощущения внезапной и безграничной моральной свободы.

Она опять украдкой посмотрела на Сэма и вдруг подумала, что лучше бы ему оставаться таким: таинственным, непонятным, притягательным, потому что, сблизившись, поняв, кто он такой, ей будет тяжело.

Однако Сэм на сей раз не смог угадать ее мыслей.

Он встал, прошел по комнате, открыл створки встроенного в стену бара и достал из холодильного отделения запотевшую бутылку. Открыв ее, он наполнил бокалы и протянул один из них Лизе.

— С тех пор как я открыл «Старое Железо», у меня редко выпадают спокойные, свободные вечера, — сознался он.

Лиза взяла бокал и опустилась в глубокое, мягко обнявшее ее кресло подле камина.

Она внезапно с запоздалым испугом поняла, что ей не хочется более сопротивляться судьбе. «Пусть все будет так, как угодно Провидению…» — внезапно подумалось ей. Содержимое бокала искрилось, ловя отсветы пламени, в воздухе комнаты витало неповторимое, никогда не ощущавшееся ею ранее живое тепло очага.

— Расскажи мне о себе… — словно делая роковой шаг в пропасть, произнесла она, отпивая ледяное, резко контрастирующее с теплым, уютным воздухом вино, от которого внезапно заломило зубы.

Сэм тоже сделал глоток, облокотился о каминную полку, искоса посмотрел на Лизу и внезапно сказал:

— Я совершенно не тот, кем мог показаться тебе. — Он отвел взгляд и продолжил, медленно и тщательно подбирая слова: — Я вышел с самого низа, чудом выкарабкался со дна этого города, из его реальных я виртуальных глубин. Ты знаешь, сколько жителей вмещают в себя дома южного района?

— Нет, — отрицательно покачала головой Лиза.

— Семь миллионов, — произнес он. — В среднем это два с половиной миллиона семей, в каждой из которых есть дети. Почти все обитатели многоквартирок работают вахтовым методом, либо на сельскохозяйственных угодьях западного материка, либо на орбитальных промышленных комплексах. Большинство — семьи послевоенных эмигрантов, появившихся на Кассии после окончания Второй Галактической, когда все окрестные колонии еще лежали в руинах. Кассия тогда была одной из наиболее сохранившихся богатых планет, но сельскохозяйственный уклон экономики сыграл в последующем злую шутку с ее обитателями: послевоенный голод кончился, вокруг быстро расцвели разоренные войной миры, и в области сельского хозяйства наступил самый настоящий кризис перепроизводства.

Сэм излагал свои мысли относительно исторических путей развития Кассии так непринужденно, что становилось очевидным — он глубоко владел этим вопросом, интересовался им, и такое отношение к истории действительно ломало уже сложившийся в душе Лизы стереотип…

— Наша дешевая еда более не ценилась на галактическом рынке, не шла нарасхват, как в первые послевоенные годы. Те «сливки», что удалось снять в период голода, быстро иссякли, и Кассия вдруг оказалась перед реальной перспективой стать обыкновенным заштатным мирком.

Сэм отпил глоток вина и сел в кресло напротив Лизы. Протянув руку, он долил бокалы и продолжил, заметив, что она внимательно и напряженно ждет.

— Почти тысячу лет Кассия действительно пребывала в забвении. Все это время длился так называемый орбитальный долгострой: в околопланетном пространстве с переменным успехом и почти вековыми остановками шло строительство внеатмосферных заводов-спутников. Кассии была жизненно необходима собственная промышленность, и в конце концов заводы были построены. На планету вновь хлынул поток рабочих-эмигрантов с других, более загрязненных или менее благополучных миров. Среди людей, прилетевших сюда в начале нынешнего века, оказались и мои родители, которые эмигрировали со Стеллара, безвоздушного спутника планеты Рори, который быстро пришел

в упадок после развала Конфедерации Солнц. Существовавшая на нем многие века база космофлота, принадлежавшая Патрулю Совета Безопасности Миров, закрылась, и миллионы людей потеряли тогда работу. Мне исполнился год, когда родители эмигрировали со Стеллара, а сестра родилась уже тут, на Кассии… — Произнося слово «сестра», Сэм на миг запнулся, но спустя секунду задумчиво продолжил: — Вся моя сознательная жизнь связана исключительно с Александрийском, его окрестностями… Стеллар я совершенно не помню, — признался он, — поэтому и считаю Кассию своей настоящей, единственной родиной, хотя, если заглянуть в мою статкарточку, там будет написано, что я уроженец милитаризированного спутника Рори.

Лиза при этих словах Сэма непроизвольно вздрогнула.

Помнила ли она свою родину?

После всех событий и потрясений ей было сложно найти ответ. Она уже поняла, что полагаться на свое прошлое мироощущение нельзя, и осознание этого тяготило.

Оставалось слушать Сэма и надеяться, что вскоре и она сможет так же убежденно и однозначно говорить о своих жизненных привязанностях.

— Ты был связан с виртуальными мирами Сети? — спросила Лиза, желая повернуть разговор в русло проблем, которые ее волновали.

Сэм нахмурился, помрачнел.

— Все мы так или иначе связаны с Сетью. Она — часть нашей жизни, — ответил он.

Лиза чувствовала, что ему и больно, и необходимо поговорить о виртуальной изнанке реальности. Что-то присутствовало в его жизни такое, о чем не говорят на людях, а хранят в душе, но иногда это сокровенное необходимо высказать, иначе мысли начинают сжигать тебя изнутри, превращаясь уже не в память, а в душевную опухоль, нарыв, который может лопнуть самым непредсказуемым образом.

— Да, я был очень тесно связан с Сетью, — немного помолчав, произнес он, не замечая, что его бокал давно опустел. Лиза едва пригубила свое вино и смотрела, как по зеленоватому стеклу бутылки сбегают капельки сконденсировавшейся влаги.

— Сэм, я ведь не настаиваю на том, чтобы ты рассказывал, — неожиданно для самой себя произнесла Лиза. — Ты и так достаточно сделал для меня.

— Пустое… — он махнул рукой, потянувшись за сигаретами. — Мне не с кем отвести душу, Лиза, — признался он. — Сейчас все, кто меня окружает, либо зависимы от Семена Крайнева, либо стоят над ним. — Он

слабо улыбнулся такой трактовке самого себя, и краешки его губ при этом опустились, придавая мелькнувшей улыбке явный оттенок горечи, недосказанности… — Приходится контролировать каждое свое слово, — пояснил он, — а это тяжело, поверь. Когда из отношений с людьми уходит искренность, то взамен внутри поселяется лишь пустота…

Лиза кивнула, соглашаясь. От некоторых слов Сэма ей становилось не по себе — настолько точно они отражали и ее собственное состояние.

— Да, мне знакомо это чувство… — проронила она.

Сэм внимательно посмотрел на Лизу, утонувшую в мягких объятиях комфортабельного кресла… посмотрел так, словно и не пытался увидеть ее фигуру или лицо… и важна ему была вовсе не оболочка, а таящиеся под ней чувства, мысли, словно он знал о сидящей напротив молодой женщине нечто очень важное, ведомое пока только ему, и сейчас пытался соизмерить ее речь, реакции с этим потаенным знанием, с тем, что ожидал услышать от нее и не услышал пока…

Что-то ломалось в эти секунды в настороженном, полном поначалу льдистого недоверия взгляде Крайнева, будто он убеждал сам себя: с ней можно быть искренним.

Лиза чувствовала его скрытое напряжение и не понимала, чем вызвана ломкая натянутость некоторых его слов. Чем больше Сэм говорил, тем загадочнее он становился для Лизы.

— Мои родители работали вахтовым методом на одном из орбитальных заводов… — внезапно услышала она глуховатый голос Сэма и поняла, что он продолжает прерванную мысль. — Думаю, это не их вина, что мы с сестрой большую часть времени — три недели в каждом месяце — были предоставлены самим себе. Наши кварталы всегда являлись чертогами бедноты. Они строились не так давно, во времена некоторого экономического подъема Кассии, и правительство планеты в тот период как могло позаботилось о своих приемных гражданах, конечно, не без выгоды для себя, — тут же усмехнулся он. — Каждая квартира в кварталах для иммигрантов была снабжена автоматической системой доставки, компьютерным терминалом, встроенной бытовой техникой. Цивилизация, если можно так сказать, осенила своим техногенным крылом новые микрорайоны.

— А что вы делали, когда родители трудились на орбите? — осторожно осведомилась Лиза.

— Торчали в виртуалке… — сознался Сэм.

— А школа? Учителя? Друзья?

Он немного помолчал, теребя в пальцах пустой бокал, и глухо

ответил:

— Не было ничего этого. Вернее, было, но… не настоящее. Я понимаю, что это крайность, перегиб, вывих, но прозрение пришло ко мне много позже и далось слишком дорогой ценой. Те, кто проектировал новые микрорайоны, конечно, руководствовались благими намерениями, но жизнь не всегда протекает именно в тех рамках, которые изначально запланированы свыше. Ты ведь понимаешь, о чем я говорю?

— Вы стали зависимы от Сети? — мысленно содрогнувшись, предположила она.

— Это трудно назвать зависимостью, — ответил ей Сэм. — Ты можешь представить себе, какой сформируется психика ребенка, если он с младенчества знаком с машинами и имеет прямой, неограниченный доступ к киберпространству?

Лиза задумалась, прежде чем ответить.

— Наверное, реальный мир станет для него скучен и неинтересен? — наконец предположила она.

— Слишком мягкие термины… — с горечью в голосе ответил Сэм. — Реальный мир становится наказанием, карой, понимаешь?..

Он несколько раз впустую чиркнул зажигалкой, едва ли осознавая, что делает. Робкий огонек на срезе позолоченной пластины то появлялся, то исчезал, словно безделушка в руках Сэма показывала всем свой голубой язычок.

— Те дни, когда родители возвращались с орбитальной вахты, становились для нас с Даной сущим кошмаром. Их ласки казались неуклюжими, подарки — дешевыми и блеклыми, развлечения — скучными. От них пахло чем-то невыносимым — теперь я понимаю, что это был нормальный запах человеческих тел. Однажды они повели нас в национальный зоопарк Кассии, и я, наверное, никогда не смогу забыть, как меня рвало на асфальт рядом с вольером, в котором содержались элианские жабоклювы. Мир живого казался нам гадким, грязным, ненормальным. Наша психика уже сформировалась там, в чистом, волшебном мире ирреальных образов, и мы никоим образом не подозревали, что на самом деле извращены мы сами. Ведь наши понятия о жизни и смерти, человеческих взаимоотношениях, о красоте, Природе, искусстве — все было смещено в иную плоскость. Мы выпадали в реальность из сказочного бессмертия, — вновь горько усмехнулся он, — и бренный мир, который казался нам таким грязным и скучным, в конце концов сумел жестоко отплатить за оказанное ему пренебрежение.

Лиза остро представила то, о чем говорил Сэм, и зябко поежилась,

будто в жарко натопленной комнате, по стенам которой плясали отсветы мечущихся в камине языков пламени, могло и в самом деле быть холодно.

Теперь ей стала понятна неодолимая тяга Сэма ко всему натуральному, его стойкое отвращение к эрзацу, подделкам. Поленья, которые даже на зеленой Кассии стоили немалых денег, в его сознании никак не могли быть заменены электрическим камином. Суть этого человека, оказывается, крылась намного глубже, чем можно было предположить на первый взгляд.

Что за страшные, порочные тайны скрывала под пологом насильственного забвения его память? Какие вывихи подсознания он был вынужден постоянно носить в себе, старательно подавляя их, не давая вырваться на волю своей истинной сущности?

— И все же, Сэм, как вы жили в отсутствие родителей? — Лиза задала этот вопрос, болезненно припомнив иссохшее тело Сергея, струйку высохшей слюны в уголке его рта и черный кабель оптико-волоконного соединения, змеей обвивший горло мертвого мужа.

— Ты спрашиваешь, почему мы не умерли?

— Да… — сглотнув вставший в горле комок, ответила она.

— Ну, для этого существует, вернее существовала, служба виртуального контроля, — пояснил Сэм. — Дело в том, что мы посещали виртуальную школу, где нам преподавали учителя-фантомы. Для района бедноты это намного выгоднее, чем реальное посещение занятий, ты ведь должна понимать, что в таком случае сразу исчезает множество проблем, присущих обычным учебным заведениям. — Сэм в эту минуту казался задумчивым, даже грустным. — Так как большинство родителей наших сверстников тоже трудились далеко на орбите, то в Сети для нас существовал своеобразный интернат. Невозможно было войти в киберпространство, не подключив, помимо шунта нейросенсорного контакта, еще и положенные датчики жизнеобеспечения. Нас обязывали есть три раза в день и посещать занятия. И все это не бесплатно, — обслуживание и обучение оставшихся на Кассии детей стоили нашим родителям серьезных вычетов из зарплаты. Это не являлось формой государственного рэкета, отнюдь. Скорее глобальный эксперимент горе-социологов, проведенный в масштабе целого района с многомиллионным населением, но тогда никто не задумывался над последствиями. Нас действительно старались растить умными, образованными, культурными… а получились, — он невесело вздохнул, — получились маленькие виртуальные зомби, подверженные ломке при возвращении в обычный мир.

— Эксперимент? — ужаснулась Лиза.

— Ну да… — Сэм поднял голову и удивленно посмотрел на нее. — А как я могу назвать это по-другому? Власти Кассии, запуская в эксплуатацию орбитальные заводы-спутники, предполагали вахтовый метод работы на них, а как известно, у большинства рабочих бывают дети… Тогда кому-то в голову и пришла эта идея: вырастить вместо злобной уличной шпаны интеллигентных мальчиков и девочек — целое поколение гениев из трущоб. Золотой генофонд обновленной Кассии. Снабдить каждую квартиру виртуальным комплексом намного дешевле и проще, чем возвести настоящие школы и развлекательные центры… Проблема детской преступности снимается сама собой: эти умники понимали, что ребенок, вкусивший виртуалки, не пойдет в подворотню — там ему будет неинтересно.

— Эта история имеет конец? — напряженно спросила Лиза, когда Сэм замолчал, глядя на рассыпавшиеся угольями дрова. Они тлели, неровно переливаясь багряными оттенками.

— Любая история имеет свой конец, — ответил он, с трудом оторвав взгляд от камина. — В один прекрасный день какая-то сволочь запустила в Сеть Александрийска новый тип вируса, который не смогли вовремя обнаружить существующие на тот момент программы безопасности Сети.

Сэм вдруг протянул руку, взял с металлической подставки несколько сиротливо лежащих на ней поленьев и кинул их в очаг. Вверх взметнулся сноп красно-желтых искр, и уже через секунду жаркий огонь, объял брошенную ему подачку, вспыхнув с новой силой.

— Этот вирус уничтожал не программы, он необратимо портил «железо», — с глухой яростью в голосе произнес Сэм. — Неужели ты ничего не помнишь об этом? — Он вскинул голову, пристально посмотрев в глаза Лизы.

— Нет… — покачала она головой. — Нет, Сэм, не помню…

— Одна-единственная программа, запущенная в Сеть, едва не стерла с лица земли целый город. Кто бы мог подумать, что несколько сот тысяч его маленьких граждан окажутся внезапно и болезненно выброшенными вон, в столь нелюбимую ими реальность?.. — Он говорил тихо, с придыхом, а его глаза все более и более сужались. Сэм смотрел в огонь и, наверное, видел в нем призраки прошлого. — Это случилось десять лет назад. Мне было пятнадцать, сестре одиннадцать. Родители только улетели на орбиту, и до их возвращения оставалось еще две недели… Две недели кромешного ада. — Он протянул руку, взял сигареты и откинулся в кресле, выпустив струйку сизого дыма. — Сначала мы не испугались. Когда нас внезапно вышибло из киберпространства Сети, мы, помнится, еще пытались

дурачиться, шутить. Разве могли мы подумать, что для нас грянул пресловутый апокалипсис, и наша «Вселенная» уже погибла? Конечно же, нет… Сбои в ее работе случались и прежде, поэтому мы решили, что все образуется само собой. Мы так привыкли к времяпрепровождению там, что исчезновение фантомных миров казалось нам совершенно невероятным. Сеть была для нас чем-то незыблемым, вечным, но оказалось, что она еще более хрупка и уязвима, чем весь остальной мир.

Он замолчал. Зубы Сэма были плотно стиснуты, он даже не заметил, что на фильтре его сигареты остался глубокий отпечаток. Казалось, он тонул в пучине внезапно нахлынувших на него образов.

— Потом наступило прозрение, — справившись с собой, продолжил он. — Нас ломало… Кто бы знал, как жутко это переживать. Словно спал и очнулся. Вокруг — серые стены, за ними — серый мир, лишенный красок, скудный, однообразный мир устоявшихся физических законов, в котором нет места элементарному чуду. Мир, где все уже давно оценено и в силу этого — все покупается и продается. Мир, где, шагнув в стену, обязательно расшибешь себе лоб. Но мы-то не знали этого. Вернее, знали, но не могли до конца поверить… — поправился он. — Нас воспитала виртуалка, создатели которой хотя и стремились к физическому правдоподобию царящих там законов, но все равно не могли хоть чуть-чуть не погрешить против истины, ведь истина, особенно незыблемая, это всегда скучно и плоско… — Он поднял взгляд и спросил: — Ты можешь себе представить, что творилось на улицах спустя сутки после разрушения городской Сети, когда стало ясно, что киберпространство погибло?!

Лиза поежилась.

— Нет… — не в силах справиться с внутренним ознобом ответила она.

— На улицах воцарился ад… — ответил за нее Сэм. — Скажи, чего можно было ждать от нас, детей, проживших не один десяток жизней там, в выдуманных мирах, среди головокружительных приключений? Ты ведь должна понимать, что подавляющая часть виртуальных развлечений построена отнюдь не на человеколюбии… Только потом, много лет спустя, я смог хоть как-то оценить все эти «ходилки», «стрелялки», игры в Первую и Вторую Галактические войны… Наша психика оказалась изувеченной, и детям, вышедшим на улицу, на самом деле было невдомек, что в настоящей жизни уже нельзя будет заново перегрузиться с того уровня, где тебя в очередной раз замочил более удачливый игровой соперник… а кусок стальной арматуры, валяющийся на асфальте реального мира, вовсе не несет в себе никаких хит-пойнтов, и удар им по голове оппонента чаще

всего приводит к смерти последнего…

Лиза, напряженно слушавшая его рассказ, побледнела.

— Как выяснилось, мы совсем не умели жить… — Голос Сэма дрогнул. Вспомнив наконец про пустые бокалы, он взял бутылку и наполнил их.

Лиза протянула руку. Сэм передал ей бокал, и их пальцы случайно встретились.

Пальцы Лизы были холодными, они едва заметно дрожали, и эта дрожь, словно ток, передалась Сэму… Он удивленно вскинул взгляд на нее, и теперь встретились их глаза.

Лиза не смогла выдержать молчаливого соприкосновения душ.

Озноб, едва ли ощутимый до этой секунды, внезапно объял ее тело, и она… она растерялась.

Ее бледные щеки вспыхнули, отражая царящее в душе смятение, она не понимала, что происходит. Время, как и тогда, на злополучной поляне в городском сквере, внезапно застыло, словно сама Вселенная давала им обоим шанс еще острее почувствовать друг друга…

Первой этого внезапного испытания не выдержала Лиза.

Она просто испугалась, что сейчас вообще перестанет владеть собой, и потому невольным движением потянула бокал к себе, пока ее пальцы не выскользнули из его руки…

— Поэтому… Поэтому ты и помог мне, Сэм?..

Ее голос был прерывистым, вопрос, вероятно, был задан в этот миг совсем не к месту, но разум уже не играл той роли, что секунду назад. Чувство, полыхнувшее в душе, оттеснило рассудок на задний план.

— У меня свой взгляд на справедливость, — ответил ей Сэм, наконец расслабившись. — Я не привык доверять тому, что на Кассии именуется термином «закон». К тому же, — добавил он, делая маленький глоток и глядя на Лизу поверх искрящегося хрусталя, — в тебе есть одна странность, проигнорировать которую я не мог.

— Какая? — мгновенно напряглась Лиза. Сэм вдруг отрицательно качнул головой.

— Я не хотел бы говорить об этом сегодня. Я еще не разобрался во всех обстоятельствах твоего дела. Можно мы обсудим это завтра?

Лиза не понимала, о чем он говорит, и тревога вдруг вернулась, с новой силой охватывая ее…

Заметив замешательство Лизы, Сэм истолковал его по-своему.

— Здесь тебе ничего не грозит, — спокойно заверил он. — Муниципальная служба безопасности не знает о твоем местонахождении.

Машину, на которой ты приехала, Лайт отогнал на другой конец города и стер все данные из ее бортового компьютера. Датчиков на тебе нет, в этом можешь не сомневаться, а остальное не стоит сейчас того, чтобы говорить об этом. Ты в полной безопасности, поверь.

Лиза заставила себя согласно кивнуть, хотя тревога от этого не улеглась, наоборот, она стала острее, болезненнее. Смена чувств оказалась внезапной, стремительной и неприятной. Если рассуждать здраво, то у нее не было причин для недоверия, ведь долгие десять дней она находилась во власти сидящего напротив человека, и Сэм мог уже тысячу раз воспользоваться своим преимущественным положением, однако она по-прежнему здесь, ее никто не передал полиции, наоборот, о ней заботились, ее укрывали, лечили… Означает ли это, что Сэм имеет на нее какие-то виды? Или его интерес ограничен лишь обыкновенными человеческими чувствами?

Лиза не могла не задать себе эти вопросы, но тут же внутренне смутилась. Подозревать всех и вся в злом умысле, даже тех, кто искренне пытался тебе помочь, — это уже было ненормально и смахивало на паранойю…

— Извини, Сэм… — произнесла она, обуздав наконец бурю противоречивых чувств. — Расскажи мне еще о себе, пожалуйста.

Его лицо, в этот момент просто задумчивое, помрачнело.

— Да что рассказывать… — попытался он уйти от болезненной темы, но Лиза настаивала:

— О себе. Что было дальше с тобой, с твоей сестрой?

— Сестру убили… — скупо ответил он. — А я выжил, как видишь.

— Убили?! — вздрогнула она.

— Да. После обвала виртуальной Сети на улицах нашего района то и дело вспыхивали драки. Молодежь, которая до этого по большей части сидела дома, вдруг разом повалила на улицы. Мы пытались понять, что произошло, нам хотелось вернуться назад, но компьютерные терминалы в наших квартирах оставались по-прежнему мертвы. Те из нас, кто оказался послабее, просто обезумел. Ломало, конечно, всех: одно дело вынужденно покидать виртуалку в период родительских выходных, а другое — осознать, что твой мир погиб навсегда и к нему уже нет возврата… Мной в те дни владело такое же черное, безысходное отчаяние, как всеми остальными. Мы не умели тогда облекать свои чувства в правильные формулировки, но нас на самом деле ломало… корежило. Надежда на возвращение прежней жизни угасала с каждым днем. Становилось ясно, что погибли сами компьютеры, — сбой произошел не только у нас,

глобальная катастрофа уже отразилась на сетевых терминалах всего города.

Сэм поворошил подернутые пеплом уголья.

— Наша беда заключалась в том, что в богатых, фешенебельных районах города спустя неделю уже полным ходом шли срочные восстановительные работы, — пояснил он, — а у нас, в кварталах бедноты, никто и не чесался по этому поводу. Старые городские власти, которым как раз принадлежала идея массовой виртуализации обучения и досуга, давно уже сменились иными чиновниками, которые не спешили вкладывать миллионы кредитов из городского бюджета в восстановление компьютерной Сети бедных кварталов, потому что наши дома уже давно превратились из объектов образцовой показухи в самые натуральные трущобы…

Сэм оставил в покое горячую золу и залпом допил содержимое своего бокала.

— Все это закончилось массовыми беспорядками молодежи, которые потом пресса окрестила виртуальным бунтом. Нас, тех, кто выжил после двух дней безумных побоищ, распихали по исправительным учреждениям и психушкам, а о проблеме предпочли забыть, похоронить ее под гладкими, обкатанными формулировками.

Лиза слушала его, едва веря своим ушам. Разве мог этот теплый, приветливый мир быть таким жестоким к родившимся в нем детям?

Что-то внутри подсказывало — мог.

— Ты сбежал? Или тебя выпустили? — тихо спросила она.

— Выпустили, — ответил Сэм. — Два года назад, в связи с окончанием курса реабилитации. — Он поднял на Лизу внимательный взгляд и добавил: — Думаешь, я ненавижу тех, кто упек меня в психушку?

Не дождавшись ответа, он вновь заговорил, уже более спокойно:

— Нет, я благодарен тем, кто меня вылечил, пусть методы их исцеления и были болезненны. Они научили меня жить, заставили полюбить мир реального, вернули душу в оболочку тела.

— А «Старое Железо»? — спросила Лиза. Ей казалось, что Сэм не просто так начал этот разговор. Он страстно хочет быть понятым, и она не могла отказать ему в этом.

— Не всем повезло так, как мне… Многие были просто не замечены властями, они тихо пережили свою душевную боль и остались жить… Но никто… — в его голосе внезапно проскользнула отчетливая ярость, — никто не вернул им прежнего равновесия, они остались калеками, моральными уродами, которым не нужна эта жизнь, потому что виртуалка была намного красочнее, легче, привлекательнее… Они до сих пор тоскуют

по ней. Кто-то сошел с ума, пополнив списки самоубийц, кто-то забылся в наркотиках… — Он безнадежно махнул рукой. — Сеть в наших кварталах так и не восстановили, а люди остались…

— И ты решил вернуть им утраченную Вселенную?

— Ну это слишком широко… Я не в состоянии вернуть прошлое десяткам тысяч своих сверстников из того злосчастного поколения, тем, кто глубже остальных подсел на виртуалку. Я лишь пытаюсь дать им глоток воздуха. Теперь понимаешь, почему в нашем клубе скупают краденые железки?

— Ну да… — Лиза кивнула, виновато улыбнувшись.

— Проблемы, конечно, остаются. И их много. Мне дали деньги на развитие дела, но эти деньги грязные, они получены с оборота наркотиков, и таким образом их хозяева пытаются их отмыть. С этим ничего не поделаешь, иных источников у меня не нашлось, и сейчас приходится балансировать на грани фола: с одной стороны, на меня косится Муниципальная служба безопасности, а с другой — давят эти чертовы спонсоры, пытаясь внедрить в мой клуб торговцев наркотой.

— Да, не очень-то весело тебе живется… — Лиза не порывалась ему сочувствовать, Сэм в ее представлении не нуждался в подобной поддержке. Похоже, что пережив смерть собственной «Вселенной», он обрел внутри некий стержень, который и помог ему в конце концов не потерять рассудок. Он смог заставить себя смотреть на проблему со стороны, а для этого требовались изрядное мужество и трезвомыслие.

— Выходит, что Сеть — это зло? — задала Лиза внезапно оформившийся вопрос. — Она воздействует на нас негативным образом, возможно, что она мыслит, и тогда виртуалка — это не что иное, как следствие злых намерений глобального искусственного разума?

— Нет, — спокойно ответил Сэм. — Не нужно приписывать Сети больше свойств, чем есть у нее на самом деле. Сеть — это единение мертвых машин, а оживляют данную среду мысленного обитания лишь те программы псевдореальности, которые поместят люди на бездушные, *мертвые* носители информации. Сеть не может быть доброй или злой, она инертна по своей изначальной природе. Она просто есть.

— Но она же влияет на нас!

— Естественно. Так же, как любая пагубная привычка, например — страсть к курению, как проезжающий мимо автомобиль, как дымящая неподалеку труба промышленного комплекса, как сток отравленных вод в реку… Сеть мертва. Она не несет понятий добра и зла в отношении людей. Она просто существует параллельно нам, а мы уже не можем существовать

без нее.

— А как тогда быть со случаями, подобными твоему?

— Нужно вводить возрастной ценз, — ответил Сэм. — Нужно растить детей в реальном мире и позволять первое использование нейросенсорного шунта лишь в день совершеннолетия. Работать с компьютерами, учиться, пользоваться благами цивилизации, в том числе и визуальной информацией из Сети — пожалуйста, но непосредственно входить в нее — только когда рассудок уже сформирован. — Он внезапно замолчал, глядя, как огненно-алые блики мечутся по раскаленным угольям.

Некоторое время каждый из них думал о своем.

— Ты не должен так сильно переживать из-за прошлого, Сэм, — наконец произнесла Лиза. — Все мы в той или иной ситуации оказываемся заложниками обстоятельств.

Она искренне хотела ободрить его, но, видно, Крайнов слишком глубоко копнул собственную память.

— Не я этот мир создал, значит, не мне его судить? — тихо спросил он, искоса посмотрев на Лизу. — Нет… — Он покачал головой. — Этот мир принадлежит в том числе и мне. Потому я и создал «Старое Железо». Здесь, в этих стенах, царит немного иная справедливость…

Лиза встала. Две свечи на столе уже почти догорели, превратившись в два сюрреалистических сталагмита, на вершинах которых все еще трепетали робкие, мятущиеся огоньки.

«Как наши души…» — внезапно подумалось Лизе. Взяв со стола полупустую бутылку она вернулась к камину, села рядом с Сэмом.

Ей вдруг стало страшно и несказанно хорошо. Страшно было от захлестнувшего ее чувства, похожего на омут, в который запросто нырнуть, но выплывешь ли — вот вопрос. Душа в этот момент походила на черно-белый калейдоскоп: раз повернешь — черно и страшно, другой оборот — и светло, чисто, спокойно… вот только ползет вдоль позвоночника крадущаяся дрожь, от которой вдруг холодеют кончики пальцев, да горят две оплывшие свечи, роняя прозрачные слезы на подсвечник…

Она не знала, что испытывал в эти мгновения Сэм, но, когда он протянул руку с пустым бокалом и их пальцы снова встретились, Лиза, заглянув в его глаза, вдруг увидела в них такой же бездонный омут безумного порыва, подсознательного страха и…

Их пальцы медленно сжались.

Бокал выскользнул, но ни он, ни она не заметили этого.

Они тонули в собственном безумстве, и никто на свете уже не смог бы разобрать, где его душа, а где ее…

Глава 5

Клуб «Старое Железо». Утро следующего дня

Лиза проснулась оттого, что в ее сознание, пробившись сквозь сладкую дрему, проник посторонний звук.

Это тихо прошипела пневматическим приводом входная дверь.

Лиза приоткрыла глаза. В комнате, в отсутствие окон, горел мягкий, приглушенный свет. Матовые панели потолка едва светились, оставляя полумрак гнездиться по углам. Угли в камине уже давно погасли, подернувшись серым пеплом, но воздух помещения все еще хранил неповторимое, сухое тепло очага.

Вспомнив события вечера и ночи, она слабо улыбнулась.

Давно, очень давно ей не приходилось просыпаться вот так, с ощущением внутреннего покоя, тихого, затаившегося у сердца счастья, которое, может быть, и иллюзорно, непрочно… Но как приятно было лежать, свернувшись в комочек, отодвинув все проблемы дня вчерашнего… В последний раз такое чувство при пробуждении она испытывала лишь в далеком, уже покрытом поволокой забвения детстве.

Не шелохнувшись, она лежала в ожидании, что Сэм сейчас подойдет к постели, чтобы разбудить ее, однако осторожные шаги в сопровождении слабого позвякивания удалились в противоположную от кровати часть кабинета.

Лиза чуть шире приоткрыла глаза и сквозь трепещущие ресницы увидела не Сэма, а незнакомого молодого мужчину, который уже поставил на стол поднос и повернулся, чтобы уходить.

Лиза непроизвольно прислушалась к себе, но не почувствовала никакой опасности. Все ее существо сейчас расслабилось, она больше не ощущала себя как воспаленный комок натянутых нервов и потому тихо окликнула его:

— Э-эй…

Он остановился, повернул голову. Его волосы были светлыми, подстриженными коротким ежиком. Взгляд цепких, внимательных глаз в сочетании с кошачьей грацией движений мгновенно сообщал о том, что он не так уж прост и безобиден, как это могло показаться с первого взгляда. Незнакомец обернулся на голос; его строгий, безукоризненно выглаженный пиджак на миг распахнулся, и наплечная кобура, из которой торчала рукоять импульсного пистолета, завершила мгновенный портрет

последним, окончательным штрихом к его облику.

— Привет. — Он вопросительно посмотрел на Лизу и представился: — Меня зовут Андрей, но для тебя я Лайт.

— Привет, Лайт… — Лиза продолжала улыбаться краешком губ. — А где Сэм?

— Он уехал с полчаса назад. Я принес тебе завтрак.

— Ты его друг, да?

Лайт пожал плечами.

— Теперь я твой телохранитель, — серьезно сообщил он.

Лиза потянулась под одеялом. Ей по-прежнему было хорошо, спокойно и уютно. Присутствие Лайта нисколько не смущало и не настораживало ее. Окружающее продолжало казаться сказкой, счастливым продолжением хорошего сна.

— А скоро вернется Сэм?

Лайт пожал плечами.

— Не знаю. Но он тут оставил для тебя кое-что, просил передать, когда ты проснешься. — Лайт выложил на стол несколько пластиковых прямоугольников.

— Что это? — спросила Лиза, невольно вытягивая шею.

— Кредитная карточка и удостоверение личности. Все «чистое», изменены лишь несколько букв в написании фамилии, но этого достаточно, чтобы автоматические системы: не вставали в боевую стойку при идентификации, — заверил он.

— И как я теперь звучу? — Лизе хотелось, чтобы эти мгновения длились вечно.

— Лиза Страймер. В Александрийске у тебя три сотни полных однофамилиц.

— Спасибо, Лайт. — Лиза не удержалась и тут же спросила: — Скажи, а у Сэма есть подруга?

Лайт молча покачал головой. Казалось, что он вообще не задумался над ответом.

— Нет необходимости недоговаривать, Лайт, — попыталась мягко надавить на него Лиза.

Ее телохранитель опять отрицательно покачал головой.

— Я с Сэмом уже пять лет. Он всегда слишком занят и слишком погружен в себя. Мне казалось… — он запнулся, — мне казалось, что Сэма вовсе не интересуют реальные женщины.

Лиза кивнула. Она понимала, что подразумевал Лайт.

Виртуалка. Там осталась душа Сэма, и что бы он ни говорил теперь,

вечернее откровение уже не могло быть проигнорировано, сброшено со счетов. Лиза внезапно с полной ясностью ощутила, что если не поняла его, то стоит очень близко к тому моменту, когда Крайнев станет понятнее, а значит, и ближе.

Сущность Сэма, его мировоззрение, психология — все это лежало в иной плоскости, словно его душа оказалась перевертышем, зеркальным отражением души «нормального» человека.

Он по-прежнему жил там, а сюда, в мир реального, его душа и разум приходили в гости, на работу, по необходимости…

Каким холодным, жестоким и равнодушным должно быть общество, которое выносило Сэма…

Заметив, что Лайт по-прежнему стоит в ожидании, Лиза спохватилась:

— Извини, задумалась.

— Да ничего. Что-нибудь нужно? — доброжелательно спросил он. В его тоне Лиза не услышала натянутых ноток отчужденности, словно они знали друг друга уже очень давно.

«Как будто я действительно очнулась в ином мире…» — подумалось ей. — «Удивительно, что за этими невзрачными стенами лежит тот самый город, который едва не растоптал меня».

— Нет, пока ничего не нужно, спасибо, — произнесла она, садясь в постели и кутаясь в одеяло. — Скажи, Лайт, а эти карточки… Они подразумевают, что я свободна?

— В каком смысле? — не понял он.

— В прямом.

Лайт недоуменно пожал плечами.

— Думаю, да. Сэм велел мне сопровождать тебя, если надумаешь прошвырнуться по магазинам или еще куда съездить.

— А МСБ? — тут же насторожилась Лиза.

— Забудь, — махнул рукой Лайт.

У Лизы озноб пробежал по спине.

— Что значит «забудь»?! Они же пытались меня убить!

Лайт кивнул. Терпеливо присев на краешек кресла, он спросил, без тени смущения глядя на Лизу:

— Тебе ведь знаком лейтенант Морган, который пытался дирижировать твоим устранением?

— Да. — Лиза напряглась, сжавшись в комок под одеялом. Несмотря на теплый воздух помещения, ей внезапно стало холодно. — Я сама вчера рассказала о нем.

— Сэм прокачал его по нашим каналам. В общем, твое дело пока

заглохло, но в нем целая гора неясностей. Очевидно лишь одно — Морган обыкновенный продажный коп. Кто-то вышел на него и заплатил за твое «законное» устранение, не раскрывая истинных причин своего интереса к твоей персоне. Сейчас лейтенант находится не в лучшем положении и, вероятно, сам не рад, что влип в эту грязную работенку. Мы скинули кое-какую информацию о нем в управление, и теперь Морган крутится, как на горячей сковородке.

Лайт встал, спокойно, доброжелательно посмотрел на Лизу и добавил:

— Забудь о нем. Завтрак на столе. Я рядом. Если понадоблюсь, — он кивнул на мобильный коммуникатор, который лежал рядом с подносом, — просто включи его, и я буду на связи.

* * *

Он ушел, а Лиза еще некоторое время сидела, зябко кутаясь в одеяло.

Все складывалось хорошо… Слишком хорошо, чтобы обернуться правдой. Проклятая тревога, вернувшись, уже не хотела уходить, и обрывочные воспоминания непрошеными гостями стучались в двери рассудка, наперебой предлагая фрагменты ее недавних злоключений.

В конце концов она не выдержала и, встав с постели, прошла в крохотную винную комнату, пристроенную прямо к кабинету Сэма.

Включив душ, она влезла под горячую воду, одновременно придирчиво разглядывая свое отражение в зеркале, которое занимало всю стену напротив складывающейся пластиковой двери.

В глаза бросилась бледность кожи и странная худоба, слишком сильная даже для недельного пребывания в беспамятстве. Конечно, внутривенные инъекции весьма условный заменитель нормальной пищи, но исхудала она гораздо сильнее, чем это можно было предполагать.

«Хорошо, что Сэм не мог видеть меня ночью…» — подумалось Лизе.

Поворачиваясь под струями воды, прежде чем зеркало на стене окончательно запотело, она сумела разглядеть два свежих розовых шрама — один в районе правого предплечья, а другой на запястье левой руки. Кожа около них натянулась, и при движении под ней то и дело пробегали непонятные бугорки, словно там что-то двигалось…

«Много обращаешь внимания на себя, подруга…» — упрекнула Лиза свою настороженную сущность. — «Так можно додуматься черт-те до чего…»

И все равно тревога не отпускала.

Приняв душ, она вышла из ванной комнаты, закутанная во влажное полотенце. Только сейчас, вспомнив про свою одежду, Лиза остановилась,

обеспокоенно озираясь, но, оказывается, Сэм… или Лайт уже позаботились об этом. В кресле, где она сидела накануне вечером, лежал герметично закупоренный пакет. Лиза вскрыла его, убеждаясь в справедливости своей догадки. Там оказалась точная копия одежды, в которой она появилась в клубе «Старое Железо»…

В какой-то миг ненавязчивая забота Сэма тронула ее настолько, что Лиза испугалась. Застыв посреди комнаты, по-прежнему укутанная в полотенце, с влажными, растрепанными волосами, она прижала к груди пакет с одеждой, внезапно осознав причину своей тревоги: Крайнев стремительно занимал в ее душе определенное место, и после истории с Сергеем она отчаянно боялась, что эта внезапно возникшая и стремительно развивающаяся привязанность опять окажется чем-то ненатуральным, подделанным…

Естественно, что такие мысли никак не могли вернуть ей душевное равновесие.

Одевшись, Лиза присела за стол и сняла колпак, которым был покрыт поднос с завтраком.

Пахло вкусно.

Она взяла вилку, нож, и ее взгляд опять нечаянно зацепился за розовый шрам на сильно похудевшем запястье. При движении под ним, вздувая кожу, то и дело пробегал неприятный бугорок.

* * *

Позавтракав, Лиза пересела в кресло за рабочим столом Сэма.

Принесенные ею компьютерные компоненты по-прежнему лежали на пластиковой столешнице. Временные провода соединяли их, змеясь по столу и исчезая в утробе мощного многоярусного компьютерного терминала.

Серый кристалл на одной из схем действительно казался чужеродным вкраплением. Лиза хотела дотронуться до него, но внезапно передумала, отдернув руку. Вместо этого она коснулась сенсора активации, и вмонтированная в стол полусфера объемного монитора тут же просветлела, показав знакомые трехмерные контуры многоуровневой сервисной оболочки,

Немного поэкспериментировав с системой, Лиза поняла, что принесенные ею компьютерные компоненты действительно подключены к основному терминалу. Содержимое кристаллодисков Сережиного компьютера оказалось выведено в отдельный каталог для работы с ним.

Лиза не видела в своих действиях ничего предосудительного. Она

даже и не думала касаться информационных массивов, принадлежавших Сэму, да те наверняка были заблокированы целой системой охранных паролей. Она собиралась работать только со своей информацией, добытой ценой крови.

Пролистывая каталоги, созданные Сергеем, она поняла, что Сэм едва ли успел серьезно поработать с ними: лишь некоторые из файлов имели пометку недавнего просмотра, остальные лежали нетронутыми — эдакая невспаханная информационная целина…

«Очень странно…» — подумалось ей. — «Что же тогда интересовало Сэма?»

Вызвав на экран программу электронного менеджера, она проследила пути недавних посещений и поняла, что по аналогии с древним, уже утратившим свой первоначальный смысл высказыванием все дороги тут вели, конечно, не в Рим, но к тому самому серому чужеродному кристаллу. Что удивительно, он оказался абсолютно открыт для посещений — никаких защитных систем или ограничений доступа к нему она не обнаружила.

Единственное, что требовалось посетителю, — это войти в нейросенсорный контакт с системой.

Рука Лизы машинально потянулась к обвисшему сбоку от кресла шунту прямого соединения.

Кожа на виске разошлась под привычным движением пальцев, и конец шунта мягко вошел в имплантированный разъем.

Вспышка…

Лиза вздрогнула, но реальное движение тела уже не воспринималось разумом.

Она стояла на твердом полу, по которому то и дело пробегали мягкие, зеленоватые волны таинственного мерцания. Вокруг нее возносились вверх покрытые сполохами статического электричества четырехгранные колонны, образующие симметричную архитектуру информационных баз данных.

Дорожки-улицы между колоннами освещались стремительными вспышками нереального, холодного огня. Зеленоватое мерцание продолжало омывать ноги, преобладая в фантомном пространстве.

Задрав голову, Лиза посмотрела вверх.

Колонны информационных носителей казались бесконечными, они тянулись ввысь, постепенно смыкаясь в искаженной зрением перспективе, словно над ней действительно нависал некий мрачный и таинственный свод.

Во всем этом угнетающем великолепии не было ничего живого, что

выпадало бы из жутковатой гармонии равнодушных информационных потоков.

Некоторое время Лиза стояла не шелохнувшись, не зная, зачем пришла сюда, что ищет и в какую сторону ей следует идти.

Внезапно острое чувство отчаяния, безысходности овладело ей. Гармония мертвой архитектуры угнетающе действовала на разум, хотелось чего-то живого, настоящего, но вокруг, куда ни глянь, высились мерцающие колонны да перекатывались волны зеленоватого света…

Не вынимая шунта нейросенсорного контакта, Лиза, не сумев понять открывшегося ей сумеречного ре, привычным усилием воли выскользнула назад, в пространство сервисной оболочки терминала. Поиск тут задавался мысленным приказом, и она могла просматривать множество документов со скоростью, недоступной при привычном чтении с экрана.

Готовых статей она не нашла, но ей попались несколько файлов с черновыми набросками мыслей порою не связанных друг с другом и не оформленных в текст.

Документов и просто записей было множество, но Лиза со стоическим упорством продолжала прогонять информационные массивы через свой разум, скрупулезно выискивая зерна истины среди не относящихся к делу плевел.

В конце концов она нашла некоторый след.

Если бы она знала в тот миг, к какому страшному, чудовищному открытию приведет ее первая обнаруженная среди прочих материалов запись!..

Сергей действительно работал над проблемами виртуальной зависимости людей. Но акцент его поиска имел странное, прямо-таки зловещее смещение:

«Получил на завтра разовую аккредитацию на прием к президенту, — так начиналась одна из обрывочных записей. — Есть информация, что он увлекается женщинами и среди его подруг есть серийный киборг. Отвратительно, но нужно проверить…»

Далее шли ничего не значащие записи, наброски статей, и вновь среди них мелькнуло поразившее Лизу зерно информации:

«Был на приеме. Присматривался. Нюхал… Кажется — нашел. У нее типичное лицо, думаю, что видел его на рекламных проспектах корпорации „Киборгсистемз“».

Опять ворох пустой, не относящейся к делу информации, и снова запись:

«Удалось вторично попасть в президентский дворец. Разговаривал с ней. Взял с собой невинный детектор, реагирующий на металл. Вне сомнения — она киборг. Но мне кажется, что никто из окружающих не замечает этого. Поразительно, но, разговаривая с ней, я понял, что у этой машины есть все, присущее человеку — даже прошлое! Она вспоминает детство, смеется и огорчается, рассказывает такие: детали, ни разу не сбившись на перекрестных вопросах, что невольно задумаешься — можно ли так тонко запрограммировать машину?»

Лиза читала документы, понимая, что наткнулась на что-то очень важное. Возможно, перед ней открывалась разгадка роковых событий, и потому она с лихорадочным нетерпением ускорила поиск.

Ее усилия вознаграждались вновь и вновь, но чем дальше она углублялась в записи, тем холоднее становилось у нее на душе.

Просматривая обрывочные, бессистемные заметки, она поняла, что в какой-то момент времени все мысли Сергея как журналиста и человека оказались направлены в одну сторону: он начал серьезно подозревать, что матрицы личностей, инсталлированных в обнаруженных им киборгов, когда-то принадлежали людям. Все эти модели находились в собственности тех или иных высокопоставленных и далеко не безупречных в моральном плане чиновников правительства и были в разное время приобретены ими в одном и том же месте: в региональном представительстве известной на Кассии корпорации «Киборгсистемз».

Сергей, видимо, чувствовал, что он прикоснулся к истине, но у него не было способа доказать это. Он ходил вокруг да около, не в силах ни бросить начатое дело, ни довести его до логического конца.

Тогда-то он и решился на отчаянный шаг, о чем свидетельствовала короткая запись без даты:

«Решено, завтра иду в банк, а затем к ним. Иначе вся эта мышиная возня не имеет смысла».

Следующие три записи Лиза прочитала, едва не лишившись рассудка от их содержания:

«Купил. Она прекрасна. Файл LP207.

…

Это похоже на бред. Она такая же живая, как я сам. Мне кажется, я сойду с ума от этой двойственности. Не могу забыть жутковатую усмешку того типа, который показывал мне ее еще замороженную, под колпаком криогенной камеры. Казалось, что он предрекает мне что-то зловещее и знает об этом. Может быть, они читали мою серию предварительных статей?

…

Я все более начинаю терять грань между реальностью и бредом. Она любит меня! Черт, не могу свыкнуться с мыслью, что она — всего лишь сервоприводная кукла во плоти. Сегодня она возилась с терминалом, думала, что я не вижу. Как выяснилось — вставила туда какой-то кристалл. Интересно будет посмотреть, что это такое?»

…

Голова Лизы онемела. Она уже все поняла, но ее взгляд по инерции продолжал читать скупые строки, написанные Сергеем незадолго до смерти:

«Я едва соображаю… Весь мир, как в тумане… Этот проклятый кристалл… Вот откуда они берут личности… Он слой за слоем выпивает мое сознание, списывая его внутрь себя. Я уже не могу вырваться отсюда… Здесь я еще мыслю, но там, наверху, от меня, наверное, осталась лишь умирающая лоботомированная оболочка… Она ушла… Адово отродье… Она убила меня и ушла… Уже ничего нельзя сделать, они ведь знали, что я копаю под них… Знали… Господи, как мне хорошо здесь… Я слишком поздно понял, что на самом деле происходит с моей сущностью… Сука… Она, наверное, не осознает, кто такая на самом деле… Мог бы выбраться — полоснул бы ей по венам и показал… вряд ли она умрет от такой операции… Оборотень… Проклятый оборотень…»

* * *

Лиза не помнила, каким усилием ей удалось оборвать связь, вырвав шунт нейросенсорного контакта из своего виска.

Ледяной пот градом струился по ее телу, одежда впитывала его, прилипая к коже.

Она словно бы спала наяву. Ее руки дрожали, пальцы не слушались, не желая попадать в нужные кнопки, в голове разлился иссушающий звон, там бились в нервном ритме пульса злые, емкие слова фантома:

«Оборотень… Сервоприводная кукла…»

Файл с кодом LP207 действительно присутствовал на жестком носителе информации.

Открыв его, Лиза пробежала омертвевшим взглядом по ровным строкам электронной копии договора купли-продажи, и все ее существо сжалось в ледяной комок.

«Нет… Это не со мной… Этого не может быть…»

Последнюю точку поставил снимок, приложенный к договору.

Это была она. Замороженная. Спящая ледяным сном.

Словно пьяная, она встала, с трудом воспринимая реальность. Ее трясло. Тело не желало слушаться разума, да и осталась ли у нее внутри хотя бы частица контролируемой воли, здравого смысла?

Нет…

Все утратило свое значение, потеряло смысл, умерло…

Едва ли понимая, что делает, Лиза вошла в ванную комнату. Посмотрев на свои руки, она поняла, что сжимает в пальцах нож из столового прибора.

Господи, как ей было страшно в этот момент.

До боли закусив губу, она опять сжалась в комок и вдруг резким движением полоснула ножом по собственному запястью, в том месте, где, вспучивая свежий розовый шрам, бегал туда-сюда проклятый бугорок…

Столовый нож был тупым, но удар оказался неожиданно сильным, и розовая, недавно регенерированная кожа лопнула с отвратительным хрустом; секунду спустя фонтанчиком брызнула горячая, липкая кровь…

Лиза инстинктивно отшатнулась, ей стало дурно, нож вывернулся из ослабевших пальцев и со звоном упал в пластиковый душевой поддон.

Больно не было… Было горячо и очень страшно, но не больно…

Несколько секунд она стояла, тяжело, прерывисто дыша, не в силах справиться с дрожью, охватившей все ее тело. Боль наконец пробила себе дорогу в оцепеневшее сознание и теперь отчетливо пульсировала в разрезанном запястье; кровь с глухим, влажным звуком капала в душевой поддон…

Нужно было повернуть голову или хотя бы скосить глаза, взглянув на рану, но оцепенелый ужас не позволял ей сделать это последнее, роковое движение.

И все же она решилась.

Зрачки Лизы расширились от усилия, которое она прилагала, чтобы скользнуть взглядом по вытянутой руке. Нервная дрожь внезапно перешла в крупный озноб, ее тело сотрясалось, на лбу выступили мелкие капельки пота, перед глазами все плыло и двоилось, но все же неимоверным усилием

она смогла сконцентрировать взгляд на ране…

Сдавленный стон вырвался из ее пересохшего горла.

Под распоротой кожей, в кровавом разрезе судорожно дергались, тоненькие тросики сервоприводов, реагируя на бессознательное напряжение ее мышц, они, бесшумно сокращаясь, ворочались в ране, влажно отблескивая алым…

Их вид подавлял, завораживал: не было сил отвести взгляд…

…В двери комнаты осторожно постучали.

Этот негромкий, но настойчивый звук вышиб ее сознание из ступора, выкинул его назад в реальность.

Господи… Это, наверное, Сэм…

Кровь из распоротого запястья капала на пол, растекаясь по пластику душевого поддона. Лизу мутило. В ушах стоял непонятный гул, будто рядом продувал турбины орбитальный челнок.

Стук в дверь повторился.

Она в панике огляделась вокруг, потом резко ударила ладонью по регулятору смесителя.

Горячие струи воды ударили сверху, мгновенно растворяя тягучую, вишневую лужу крови. Розовая жидкость на секунду наполнила поддон, а затем с шумным всхлипом ушла в канализационное отверстие.

— Да? — едва сдерживая себя, чтобы не разрыдаться, громко произнесла Лиза.

Сквозь приоткрытую дверь ванной она видела, как в комнату вошел Лайт. Лиза отпрянула к стене, инстинктивно зажимая левой рукой порезанное запястье правой.

— Чего тебе?! — крикнула она.

Телохранитель, услышав ее оклик, повернулся. Шум падающей воды заставил его смутиться.

— Я зашел сказать, что звонил Сэм, он задерживается, — громко произнес Лайт, демонстративно отвернувшись от приоткрытой двери ванной комнаты. — Я собираюсь пойти в зал, перекусить.

— Хорошо! — Лиза старалась говорить спокойно, но если бы не шум бьющих в пластиковый поддон струй, то ей вряд ли удалось бы скрыть дрожь в своём голосе.

Лайт кинул беглый взгляд по сторонам, потом шагнул к столу. Сердце Лизы ударило гулко и неровно, но он не обратил никакого внимания на активированный терминал и нейросенсорный шунт, болтавшийся в воздухе подле подлокотника кресла. Казалось, что его это ничуть не трогает. Молча составив на пустой поднос оставшуюся после завтрака посуду, он накрыл

его колпаком и вышел.

Дверь комнаты, прошипев пневматикой, встала на место.

Лиза без сил сползла по стене.

Упругие струи горячей воды били ее по голове, плечам, но она не ощущала их напора: машинально зажимая рану, она плакала, горько и безудержно.

Ее мир окончательно погиб.

* * *

Надежда всегда умирает последней. Человек обронивший эту злую фразу в далекой древности, наверное, не мог предположить, сколько страшных доказательств его правоты будет раз за разом предлагать жизнь.

Лиза вела себя так, как свойственно неизлечимо больному человеку, который случайно узнал правду о себе. Стоит признать это за факт, поддаться отчаянию, безысходности — и ты труп.

Биологический робот… — это определение самб по себе возникло в голове, вывернувшись из непознанных глубин подсознания.

Холод в груди уже стал невыносим.

Лиза мало сталкивалась в своей жизни с человекоподобными машинами, а уж с одушевленными — тем более. Можно понять ее ужас, отвращение, неприятие — ведь ей предлагалось поверить в свою нечеловеческую природу, осознать себя. Кем? Пылесосом? Кухонным комбайном, которому кто-то ради забавы или злой шутки присобачил мыслящий блок?

Не было сил поверить в это, потому что осознание факта своей искусственности, принадлежности к миру бытовых агрегатов перечеркивало все. Всю жизнь, начиная от детства и заканчивая последними, страшными по содержанию произошедших событий сутками.

Нужно что-то делать…

Эта мысль гулким набатом отдавалась в голове.

Прошло немало времени, прежде чем она смогла заставить себя встать и перекрыть воду. Машинально включив режим воздушного полотенца, Лиза ощутила поток теплого воздуха, бьющего из отверстий в стенах душевой кабинки.

Ей бы сейчас сойти с ума или, на худой конец, просто отключиться, как, впрочем, и подобает машине, но…

Лиза не могла сделать ни первого, ни второго. У нее не было власти над собой. Ее сознание, загнанное в тупик, припечатанное к стене, почему-то не желало сдаваться.

Постепенно, секунда за секундой, до нее начала доходить вся дикость возникшей ситуации.

«Если Сережины записи не лгут… Если я и вправду кукла, созданная для удовлетворения сексуальных потребностей купившего меня человека, то почему… по чему я стою тут и плачу?» — лихорадочно думала она.

Мысль казалась шокирующей.

Лиза не ощущала себя машиной. Ничто в ее сознании не соответствовало тому стереотипу, который, в понимании рядового обывателя, описывает поведение запрограммированного механизма.

Ее тело могло быть создано искусственным путем, но разум, сознание были настоящими.

Эта мысль не принесла должного облегчения, скорее наоборот: ей стало еще больнее, горше, к горлу вновь подкатил удушливый комок рыданий, но тем сильнее она смогла почувствовать свою двойственность.

Выйдя из ванной комнаты, она без сил опустилась в кресло.

Если Сергей не лгал в своих записях… А ведь он не лгал — это уже становилось очевидным… Но тогда ситуация резко менялась, с нее словно бы сорвали дымчатую вуаль недосказанности, обнажая угловатый каркас настоящих событий.

Он расследовал похищение личностей через Сеть… Сергей подозревал, что настоящие, человеческие сознания внедряются в искусственные оболочки, и потому купил меня… Значит, я… мое сознание также было украдено!..

От этой догадки она вдруг испытала такое невероятное облегчение, что едва не вскочила.

«Господи, ну конечно… Я… Я живая… Я живая, я мыслю, я чувствую… Надо мной не довлеют какие-либо рамки. Я… Я сейчас буду бежать в ту сторону, куда захочу, и ничья воля не сможет остановить меня…»

Мысли были путаными, обрывочными, но правильными.

Из любого тупика всегда есть выход, — внезапно пришли на ум чьи-то слова. — Хотя бы тот, которым ты зашла в этот тупик…

Правильно… Правильно…

Не в силах усидеть на месте, Лиза вскочила на ноги.

Комната была слишком тесной. Она металась по ней от стены к стене, сбитая с толку, вся взбудораженная, мокрая, заплаканная, утыкаясь без цели то в шкаф с одеждой, то в рабочий стол Сэма, то присаживаясь на край разобранной постели и снова вскакивая.

«Нужно успокоиться…» — уговаривала себя Лиза. — «Нужно

примириться с этим знанием, хотя бы ненадолго. Надо действовать, что-то делать…»

Немного поостыв, она поняла, что не знает, каким образом сможет выпутаться из сложившейся ситуации.

Первым ее порывом была мысль о Сэме, но стоило подумать о нем, как душу наполнила язвительная горечь.

Еще один мужчина, который не побрезговал воспользоваться ею по прямому предназначению — как покорной, безропотной куклой…

В этот миг Лиза не задумывалась над тем, зачем ему при этом было рассказывать о себе, ухаживать за нею, напрягаться, — сейчас она понимала и помнила лишь одно: он знал о том, что она киборг. Он просто не мог не знать этого. Врач, который пользовал ее раны, должен был обязательно поставить его в известность о том, что пациентка оказалась не совсем обычной в плане анатомического строения тела. Значит, Сэм оказался таким же бездушным, надменным и жестоким, как те, кто исковеркал ее сознание, убил ее настоящее тело, сделал из нее послушную чужой воле рабу.

В душе Лизы вдруг начало подниматься что-то темное, горячее, как та кровь, что капала некоторое время назад из ее распоротого запястья.

Кто-то боялся ее. Кто-то добивался ее устранения, не брезгуя при этом ни подкупом лейтенанта Моргана из МСБ, ни собственным инкогнито, значит, ставки оказались чрезвычайно высоки. А если так, то охота не закончена, просто ее след на время потерян…

Лиза не знала, каким образом ситуация смогла зайти столь далеко. Сейчас, делая сбивчивые выводы из известных фактов, она могла по большому счету только догадываться об истинных причинах происходящего.

Вероятнее всего, она просто вышла из-под контроля наложенных на плененный разум ограничений и в какой-то миг вновь стала самой собой: стоило вспомнить, как внезапно, одним серым тусклым утром, пелена непонятной эйфории упала с ее глаз…

Значит, существовали люди, которые знают, кем она была на самом деле, те, кто сделал ее куклой…

Мысли, горячие и беспокойные, метались в голове.

«Сэм меня предал. Сергей умер. Остальные люди остаются равнодушны, но лишь до тех пор, пока скрыта правда о том, кто я есть на самом деле».

«А насколько я киборг?»

Лиза с трудом заставила себя отнять руку от раны. Кровь уже

запеклась по краям уродливого пореза, обрамляя его черной каймой подсохшей корки, но сервоприводы в глубине раны влажно отсвечивали алым.

«Насколько я не человек?» — эта мысль все сильнее овладевала ею.

Ответить на данный вопрос можно было лишь при помощи специального оборудования, и уж точно не в этих стенах. Сейчас, когда первый шок понемногу начал отпускать ее разум из своих железных тисков, Лиза внезапно ощутила, как к ней начало возвращаться спокойствие. Ее не покидала внутренняя уверенность в том, что она справится… вернее, справлялась в прошлом с ситуациями гораздо более горькими, худшими по своей эмоциональной напряженности.

Нужно вспомнить, кем я была, но прежде бежать отсюда…

Обретение свободы, пусть даже и мнимой, внезапно показалось ей обязательнейшим условием.

Виной тому, без сомнения, был Сэм. Если к Сергею Лиза могла испытывать чувства далеко не однозначные, но более или менее притупленные, равнодушные, то с Крайневым все обстояло иначе. С Сэмом она сблизилась, уже пребывая в собственном, если так можно выразиться, сознании. Даже сейчас, испытывая внутреннюю боль при мысли о нем, Лиза не могла солгать себе, признать, что он ей безразличен.

Как известно, от любви до ненависти один шаг, и иногда он становится незаметным, особенно в моменты, когда нервы натянуты, а чувства обострены.

Осмотревшись по сторонам, Лиза наконец заметила аптечку. Она была встроена в стену подле входа.

Бежать… — эта мысль главенствовала над всем остальным, превращаясь в навязчивую идею.

* * *

Лайта она нашла в главном помещении клуба.

Ее телохранитель сидел за столиком у стены, заканчивая свой завтрак. Заметив Лизу, которая вышла из коридора с большой черной сумкой в руках, он торопливо вытер рот салфеткой и встал.

— Я хочу проехаться по магазинам, — коротко известила его Лиза.

Лайт покосился на объемистый пакет в ее руках.

— А это зачем? — нахмурился он. — И что случилось с вашей рукой? — Он кивнул на ленту пенопластыря, покрывавшую ее запястье.

Лиза была сама невозмутимость. Все, что могло гореть, уже сгорело в ее душе.

— Слушай, Сэм не говорил мне, что я должна буду отчитываться о каждом своем шаге! — резко ответила она.

— Что с рукой? — настойчиво переспросил Лайт.

Лиза была рада, что он отключил свое внимание от сумки.

— Шов немного разошелся, — ответила она. — Вода в душе была слишком горячая. — Лиза бесцеремонно взяла Лайта под руку. — Мы едем или нет?

— Может, позвонить доку?

Лиза сама удивилась собственному хладнокровию. Взяв в пораненную руку сумку, она демонстративно приподняла ее.

— Видишь, не болит. А в сумке каталоги, Сэм получил их для меня по пневмопочте. Это для сведения любопытных, — съязвила она.

— Ладно… — Лайт немного расслабился. — Пара часов у нас есть, — сказал он, взглянув на свой наручный коммуникатор. — Поехали.

* * *

Паркинг перед зданием клуба в этот час практически пустовал.

— Что предпочитаешь, флаер или машину? — спросил Лайт.

Лиза пожала плечами.

— Тебе вести, сам и решай, — безразличным тоном ответила она.

Лиза вполне справедливо сочла, что он выберет тот вид транспорта, который наиболее подходит к городским условиям.

Ни слова не говоря, Лайт направился к одинокому флаеру, застывшему черной каплей на самом краю площадки.

Лиза безропотно последовала за ним.

Бесшумно открылись две боковые дверцы машины, показав мягкие контуры самонастраивающихся кресел. Обивка салона казалась мягкой, комфортабельной. Панели управления таинственно мерцали индикаторами, стекла машины были поляризованы так, что ничей взгляд не мог проникнуть через них внутрь.

Лиза села на место пассажира, и дверка мягко опустилась за ней, отсекая запахи и звуки улицы.

Лайт активировал машину простым прикосновением к сенсору.

— А что, тут нет никаких суперсистем опознавания? — невинно поинтересовалась Лиза.

— Нет, — покачал головой Лайт. — Чем проще, тем безопаснее, — скупо пояснил он. — Лишние навороты ведут только к лишним проблемам.

— Ты не забыл, за мной охотились.

Лайт повернул голову.

— Ну и что? — насмешливо спросил он. — Я же сказал тебе — забудь.

— А все же? — не унималась Лиза. — Если нас прижмут?

Лайт отнял палец от сенсора зажигания, вздохнул с обреченным видом попавшего в плен гордого воина.

«Хотел бы я указать тебе на грань дозволенного, да не могу, ты ведь теперь новая подруга босса…» — вот что говорил его осуждающий взгляд.

Вслух он не произнес ни звука, просто коснулся едва приметного пятнышка на обшивке двери.

Накладная панель внезапно скользнула в сторону, обнажая тайник, в котором закрепленная в специальных захватах покоилась крупнокалиберная импульсная винтовка «ИМ-217» с оптико-электронным прицелом.

— Ты в безопасности.

Лиза кивнула, выдавив глупую улыбку. Лайт закрыл панель, еще раз вздохнул, достал из внутреннего кармана детектор, провел им вдоль панели, убеждаясь, что система электромагнитной маскировки работает как должно и тайник, спрятанный в двери, не может быть обнаружен обычными полицейскими средствами..

— Ну, мы летим?

— Да.

Часть вторая. Зона контакта

Глава 6

Александрийск. Центр. Незадолго до полудня

— Лайт, мы с тобой можем приземлиться вон на ту крышу?

— Это еще зачем?

— Ну мне так хочется. Давно не любовалась на город сверху.

— А отсюда нельзя? Я могу убрать поляризацию стекол кабины, если тебе плохо видно.

— А сесть тяжело, да? — попыталась покапризничать Лиза.

Лайт только сокрушенно покачал головой, но все же вывел флаер из плотного транспортного потока, направив его к указанной площадке на пустынной крыше одного из высотных зданий.

— Так мы с тобой будем долго добираться до магазина, — проворчал он.

— Ничего. Ты ведь сказал, что Сэм вернется не скоро?

Телохранитель угрюмо кивнул в ответ, сосредоточившись на управлении. Резко снизившись над крышей, флаер на секунду завис, а затем плавно опустился в самый центр размеченного белой краской парковочного круга.

Бесшумно поднялись обе дверцы.

Лиза вылезла из машины, подошла к высокому поребрику, ограждавшему весь периметр крыши, и взглянула вниз, на город.

Здания казались игрушечными, улицы сужались, далеко, на их дне, крохотные люди казались точками, насекомыми, снующими по ажурным переходам между зданиями.

— Посмотри, как красиво, Лайт!

Он кивнул, скорее из вежливости:

— Угу.

— Да нет, ты посмотри сюда, прямо вниз. — Лиза взяла его под руку, подводя к самому ограждению. — Вот куда мне действительно хотелось бы попасть… — произнесла она, вытягивая шею.

Лайт, пытаясь проследить за ее взглядом, повернул голову, и в этот миг Лиза с силой ударила его в висок.

На этот раз она не испугалась и не ужаснулась тому, что сделала. Чувства не то чтобы умерли, скорее — оледенели. В душе царила мерзкая пустота. Машинально подхватив обмякшее тело, Лиза несколько секунд удерживала его в объятиях, выглядывая поверх плеча Лайта, — не видел ли

кто ее удара, но крыша по-прежнему оставалась пустой.

Позволив телохранителю мешком сползти на теплый бетон, Лиза придала ему сидячую позу, потом вытащила из его внутреннего кармана ключи, документы, а из наплечной кобуры — импульсную «гюрзу». Проверив счетчик зарядов, она расстегнула безупречно скроенный пиджак Лайта, сняла надетый поверх рубашки ремень наплечной кобуры, приладила его к себе, накинула пиджак на свои плечи, затем шагнула к флаеру, чтобы взглянуть на собственное отражение в зеркальном стекле машины,

Не фонтан, конечно… но сойдет… Выбора, по большому счету, все равно не было. Добавив к своему гардеробу еще и темные очки которые отыскались в нагрудном кармане белоснежной рубашки Лайта, она не удержалась, наклонилась, поправила его голову, бессознательно свесившуюся на плечо, и мягко прикоснулась губами к гладко выбритой щеке.

«Прости…» — подумала она. — «Когда-нибудь я верну тебе этот долг…»

Резко повернувшись, она пошла к машине. Оглядываться не хотелось. Лайт нравился ей, так же как Сэм — было в этих молодых парнях что-то общее, потаенное, спрятанное даже не на донышке души, а где-то еще глубже, и Лизе был неприятен ее поступок, но…

Мягко хлопнула, чавкнув уплотнителем, дверца машины.

Все…

У нее в запасе часа два, не больше. Потом начнется настоящая карусель, но к тому времени дело должно быть сделано.

Лиза осмотрела приборную панель.

«Ну… давай же, черт тебя дери, просыпайся!..» — мысленно подстегнула она свое подсознание. — «Хватит уже… Вспоминай… Вспоминай…»

От напряжения на лбу выступили капельки пота.

Лиза не сошла с ума — в ее состоянии и так было достаточно сумасшествия. Просто ее не покидала уверенность, что та Лиза Стриммер, которая жила когда-то на Спринг-Роуз, 125, в старом, снесенном теперь доме, с белыми вставками вокруг окон, знала и умела намного больше, чем Лиза нынешняя.

Она была сродни тому бойцу, что встретился с нею взглядом на поляне в сквере, сродни Сэму, Лайту…

Она убивала в прошлой жизни и знала настоящую цену расхожему термину «смерть»…

Через секунду нечеловеческое напряжение воли, сконцентрированной на одной мысли, дало неожиданный и крайне болезненный по ощущениям результат: Лиза вздрогнула всем телом, ее взгляд, ставший в этот миг пустым и отрешенным, вдруг прояснился, протрезвел…

Ну конечно… конечно… Расширившиеся зрачки сузились, взгляд вцепился в эмблему фирмы-производителя, расположенную в центре изгиба управляющих рулей, и… наконец прорвало!..

«Гард-2000», достаточно мощная модель, форсированный двигатель, функция ДУ и вертикального взлета, выпускался как в обычном, так и в бронированном исполнении… Прекрасно… Лиза огляделась. Салон нестандартный, разных наворотов штук на пять-шесть по местному курсу общегалактического кредита… Значит, наверняка, внешний глянец — это не пластик, а броня. Превосходно… Сэм, милый, дороговаты у тебя игрушки для владельца виртуального клуба, лично прикупающего старые компьютерные железки… Волчонок ты мой крашеный… Не хотелось бы, чтоб воспоминание о тебе было омрачено подозрением. Пусть бы оставалось светлым, чистым, как твои ласки той ночью…

Так… Что там у нас дальше по списку?.. Дистанционное управление?.. Пульт… Где же он может быть?.. Ага, вот он, вставлен наискось в специальное гнездо. Превосходно…

Лиза одной рукой вставила магнитный ключ в замок активации, другой коснулась сенсора зажигания, и глубоко под полом кабины мягко заворочалось, ожило нечто, отдающее осознанием невероятной мощи.

Это чувство пробежало по телу возбуждающей волной дрожи.

Нет… Я человек… Только людям присуще иррациональное чувство одушевления машин, которые нравятся, возбуждают не хуже любовника…

«Гард» плавно оторвался от крыши, вертикально набирая высоту. Разметочный круг, фигурка Лайта, привалившаяся к поребрику ограждения, — все стремительно истаяло, проваливаясь вниз.

Лиза кинула взгляд на мерцающий зеленоватым светом дисплей автопилота, затем, переведя машину в режим медленного скольжения на заданной высоте, где ей не могли помешать пульсирующие уровнем ниже транспортные потоки, сосредоточилась на навигационной программе бортового компьютера.

Зона воздушного паркинга, вот как это называется, — мелькнула в сознании еще одна пробудившаяся мысль.

Стараясь не отвлекаться, не рассеивать внимание, она развернула каталог городских объектов, ввела строку поиска и коснулась сенсора «ввод».

Неизвестно, насколько киборгизирован был ее организм, но внутри, там, где положено находиться сердцу, что-то гулко и неровно бухнуло.

На дисплее перестали мелькать стремительно перебираемые автоматикой варианты и высветилась одна-единственная строка, всего лишь один официально зарегистрированный адрес, удовлетворяющий тем критериям поиска, которые ввела Лиза.

Он прочла его и поняла, что это не совсем то, что предлагал ей электронный вариант договора.

Впрочем, смотря как взглянуть на проблему… В договоре фигурировал региональный филиал корпорации «Киборгсистемз». Тут же, напротив того названия, стояла пометка: Головное предприятие, Центральный планетный офис.

Рыба, как известно, гниет с головы. Данное утверждение не требовало комментариев, оно прошло проверку временем и потому могло быть отнесено к разряду неоспоримых истин.

Лиза недолго колебалась, прежде чем отдать приказ автопилоту. У нее оставалось слишком мало времени на раздумье. Если она хотела добраться до правды, то в ее распоряжении была лишь одна попытка.

Чем выше и больнее я ударю, тем больше шансов что попаду в информированную цель… — рассудила она, коснувшись сенсора запуска маршрутной программы.

* * *

Центральный офис «Киборгсистемз» оказался пеналообразным высотным зданием. Стекло, бетон, пластик, гладкие стены, мутный глянец пластмассовых карнизов… Взгляд скользил по его стенам, не цепляясь ни за какие вычурности, — все строго, однообразно…за исключением нескольких, непропорционально-больших панорамных окон, занимающих собой весь верхний этаж.

Сразу над ними, на плоской стеклобетонной крыше, были запаркованы три флаера и два вертолета с эмблемами «Киборгсистемз» на бортах.

Лиза окинула взглядом затянутые туманной дымкой окрестности и поморщилась от досады.

Офис фирмы был расположен так, что ни одно здание в радиусе полутора километров не соперничало с ним в высоте, значит, невозможно будет использовать какие-либо крыши. Более того, невзрачный корпус окружала едва приметная с высоты полоса зелени. Компания «Киборгсистемз», по всей видимости, успешно процветала, если смогла

откупить изрядный участок городской земли и разбить у подножия небоскреба парк — некую своеобразную санитарную зону для пришлых. Лиза сумела различить тонкую полоску высокого бетонного забора, окружавшего лесопосадку. Внутри бетонного периметра виднелись идущие параллельно ему патрульные дорожки.

Единственная подъездная дорога вела к офису через парк, и ее легко могли проконтролировать два расположенных на въезде блокпоста. Городские транспортные артерии, в том числе и воздушные, обтекали зону над парком стороной, о чем недвусмысленно свидетельствовали повисшие в воздухе предупреждающие голографические знаки. Значит, воздушное пространство вокруг здания контролировалось службой охраны «Киборгсистемз».

Серьезное заведение…

Сделав эти очевидные и совершенно неутешительные выводы, Лиза остановила «Гард» в полутора километрах от интересовавшего ее здания. Уровень безопасной воздушной парковки тут составлял что-то порядка пятисот метров. Такая высота вполне устраивала ее. Убрав поляризацию стекол кабины, она несколько минут экспериментировала с бортовой электроникой, пока не нашла именно то, что требовалось в данный момент: встроенную систему оптико-электронного слежения.

Из корпуса «Гарда» с тонким присвистом сервомоторов выдвинулись две независимые видеокамеры, снабженные усилителями оптического сигнала и регуляторами разрешения.

Офис «Киборгсистемз» отчетливо просматривался на мониторе. Оцифрованное изображение выглядело даже слишком четким. Коснувшись вариатора, Лиза начала приближать к себе стену здания, пока в фокус камер не вплыли укрупняющиеся окна многочисленных служебных помещений. Нет, это все не то… Скользнув взглядом оптико-электронной системы по фасаду, она медленно переместила машину, вогнав наконец в центр кадра одно из трех панорамных окон верхнего этажа.

У нее имелась лишь одна догадка по поводу расположенного за этими окнами помещения, и, как выяснилось, она не ошиблась.

Это был кабинет. Огромный кабинет, занимавший собой площадь никак не менее двухсот квадратных метров. Светлый, чистый, напичканный разными системами, создающими в нем свой собственный микроклимат. В конце помещения, как раз напротив избранного окна, расположился длинный, будто взлетно-посадочная полоса, Т-образный стол. В его поперечной части по бокам возвышалось нечто вроде двух компьютерных терминалов, между которыми виднелись голова и плечи пожилого

человека, склонившегося над столешницей-экраном.

Босс… Несомненно, босс всей этой респектабельной кучи дерьма…

Лиза почувствовала, что вся дрожит.

Эмоциональный порог ее восприятия оказался слишком высок, для того чтобы кто-то мог признать ее нечеловеческую сущность.

«Им будет очень трудно выкручиваться, отвечая на мои вопросы…» — подумала она, перемещая взгляд видеокамер вдоль стен огромного помещения.

Там располагалось нечто вроде выставки достижений. Большинство экспонатов этого внутриведомственного музея не говорили Лизе ровным счетом ни о чем. Какие-то непонятные агрегаты. Ее взгляд задержался на двух хромированных скелетах, снабженных змеящимися поверх титановых костей тонкими сервоприводами. Рядом с ними — мужчина и женщина, обнаженные, сидящие в двух изолированных друг от друга прозрачных цилиндрических витринах.

Скелеты и человеческие подобия во плоти медленно совершали достаточно монотонные наборы движений.

Лизу неприятно поразили эти экспонаты. Она несколько секунд, внутренне похолодев, смотрела на них, а затем резко перевела прицел видеокамер назад, к широкому торцу Т-образного стола.

Так или иначе, но человек, рассевшийся за ним, был напрямую ответствен за ее сегодняшнее состояние, за сломанную, потерянную где-то жизнь, за смерть Сережи…

Он стоял на самой вершине этой пирамиды.

Лиза всерьез собиралась заставить его ответить. Немедленно. Сейчас…

Человек за столом разогнулся, протянул руку, вынув из гнезда на правом терминале коммуникационное устройство.

То, что нужно… Так, где тут у нас определитель номерных линий?..

Пальцы Лизы сновали по миниатюрной клавиатуре бортового компьютера. Она не сомневалась и не страшилась, она знала, что перед нею сейчас две задачи: добиться правды и отомстить.

В ее голове уже складывался конкретный, дерзкий план.

* * *

Поговорив по коммуникатору, Эбрахам Криган в задумчивости потер подбородок. Поднявшись из-за стола, он прошелся по мягкому ворсу ковра, устилавшего пол кабинета, не замечая того, что по-прежнему сжимает в руке трубку мобильного устройства связи.

Мысли управляющего «Киборгсистемз» были сейчас очень далеко отсюда.

Нет, вероятно, с этим заказом придется повременить… — наконец решил он.

Принятое решение далось с трудом, но было верным. Криган с детства усвоил одну очень полезную для делового человека истину, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и когда ему, как, например, сегодня, предлагали очень большие деньги за чисто номинальный заказ, он неизменно вспоминал эту древнюю мудрость и действовал, сообразуясь с собственной интуицией.

Размышляя таким образом, он подошел к центру панорамного окна и остановился, глядя в туманную городскую даль.

«Да… Я принял верное решение…» — еще раз подумал он, окончательно утверждаясь в своей мысли, и в этот миг…

Что-то щелкнуло сбоку от него, и Эбрахам, повидавший за свои шестьдесят лет немало чудес, с изумлением увидел аккуратную дырочку в огромном пуленепробиваемом стекле.

Эбрахам оцепенел. Наивно было бы полагать, что глава исполинской, процветающей корпорации не сталкивался на своем веку с проблемами, в решении которых понятия жизни и смерти разделял лишь тонкий волосок чьих-то туго натянутых нервов.

Он скосил глаза.

Дырочка находилась всего в сантиметре от его посеребренного сединой виска… и теперь стало ясно, что это за легкий ветерок одновременно со звуком ощутил он на своей коже, — это с ним разминулась смерть…

Мысли, вихрем промелькнувшие в голове, как и само оцепенение Кригана, длились не более двух-трех секунд, но для неведомого стрелка это, оказывается, явилось уймой времени.

Щелчок…

Еще одна дырочка появилась в стекле, но теперь пуля прошла впритирку с правым виском…

Эбрахаму вдруг стало худо. Страх наконец дошел до его застопорившегося сознания, и он понял, что неведомый снайпер не промахнулся… Стрелявший просто демонстрировал ему свое присутствие и меткость, предупреждая: следующая пуля может стать твоей…

Метнуться в глубь кабинета?! Упасть на пол?!

Огромные панорамные окна, которые он считал абсолютно безопасными, стали для него внезапным роком. Для неведомого стрелка

сейчас он был беззащитной рыбкой в аквариуме. Не убежишь не спрячешься, не упадешь…

Ноги Эбрахама внезапно стали ватными, непослушными, но наделать глупостей ему помешала резкая трель зажатого в руке мобильника, которая резанула по нервам, будто нож…

Медленно он поднял руку.

— Да? — собственный голос показался Эбрахаму слишком громким и хриплым.

К его удивлению, на том конце связи была женщина.

— Стой, где стоишь, и не вздумай дернуться. Шаг в сторону, резкое движение — это твоя верная смерть. Меня страхует второй стрелок, так что не надейся дернуться после выстрела.

Криган судорожно сглотнул. Он никогда не считал себя трусом, но четко различал храбрость и глупость.

— Что… вам… нужно?.. — хрипло произнес он, и в этот миг третья дырочка в бронестекле образовалась над его макушкой. Пуля шевельнула редкие седые волосы и звонко расколола витрину у противоположной стены кабинета.

— Поговорить, — ответил ему женский голос. — Пока что поговорить.

— Где?.. — хрипло выдавил он. — И когда?..

— Здесь и сейчас.

Щелчки пуль, непонятным образом проламывающих бронестекло, внезапно слились в трескучую очередь.

Дьяволы Элио… Криган уже не был уверен, что внезапная дрожь в коленях позволит ему долго удерживаться на ногах. Строчка пулевых отверстий пробежала по стеклу снизу вверх в полуметре от него, так ровно и тесно, будто снайпером являлся сам дьявол!..

Прошла секунда, не более, и вторая строчка отверстий пролегла параллельно первой, в полуметре от нее.

Ккрак… Последняя пуля легла точно в центр, выбив прямоугольник распавшегося стекла.

— Позвони охране с мобильника, скажи, пусть срочно проверят сектор южного воздушного направления и доложат тебе.

— Да… Сейчас… Конечно…

— Отключишь мою линию — убью, — спокойно предупредил голос. — Я хочу слышать, как будет отдан приказ.

Криган понимал: ослушаться — значит умереть. Колени еще тряслись, но он уже чуточку тверже стоял на ногах: до Эбрахама наконец

дошло, что убивать его немедленно никто не собирается, а значит, еще не все потеряно.

Стараясь, чтобы голос звучал естественно, он набрал номер службы обнаружения:

— Южный сектор, черт побери, что за посудина там болтается?

Не успел он закончить фразу, как с севера, из легкой дымки городского смога, стремительной точкой вынырнул флаер, дорогой, респектабельной модели «Гард-2000». Он шел прямо в стекло, на таран, и у Кригана все обмерло внутри, когда машина резко затормозила, покачнувшись в воздухе у самого окна.

Не успел он осознать своего испуга, как резко открылась боковая дверца «Гарда» и на краю бездны, провала высотой в сто с лишним этажей, появилась женщина, на плечи которой был накинут безукоризненный черный пиджак, явно мужского покроя. Ее лицо было бледным, волосы коротко подстрижены, глаза и часть лица закрывали темные очки. Импульсный автоматический пистолет системы «гюрза» смотрел в лоб Эбрахаму черным зрачком электромагнитного компенсатора.

«Киллер…» — обреченно подумал Криган, взглянув на оружие, которое из-за его тактико-технических характеристик более всего уважали именно наемные убийцы.

— Дай отбой охране, — произнесла женщина, перешагнув с борта покачивающегося флаера прямо в пролом, который сама же вышибла в стекле минуту назад. Холодный, покрытый вздутиями электромагнитных катушек ствол «гюрзы» больно уперся в морщинистую кожу на лбу управляющего корпорацией «Киборгсистемз».

У него не хватило сил на возражения.

Смерть была так близко, что он, казалось, ощутил ее кисловатый запах.

Переговорив с охраной, он от себя добавил резкий приказ не беспокоить его ближайшие полчаса и с замиранием сердца увидел, как, резко сузились ее зрачки от этой вольности. Эбрахаму на миг показалось, что она сейчас нажмет на сенсор огня и его мозги с воем улетят в противоположную стену.

— Нет!.. Не поймите превратно, тут нет никаких кодовых фраз! — вскрикнул он, догадавшись о промелькнувшем у нее подозрении.

— Очень надеюсь, — негромко ответила она, усиливая давление ствола на его лоб. Эбрахам попятился назад к столу от этого недвусмысленного нажима.

— Я… Я не понимаю… — хрипло говорил он, отступая под

нажимом. — Я никому не переходил дорогу… Это… Это ошибка!..

— Ты перешел дорогу мне, — холодно ответила женщина. — Сядь.

Эбрахам рухнул на стул.

Женщина сняла очки, небрежно кинула их на стол.

Ее лицо было бледным, осунувшимся. Глаза смотрели пронзительно, но Криган не смог убедить себя, что на него смотрит сумасшедшая.

Нет, она не производила впечатления психопатки. Скорее всего просто была очень устала и зла. Криган понял: с ней лучше не играть. Она не псих, но всадить в его голову пулю сумеет. И рука при этом не дрогнет.

— В чем заключается проблема? — стараясь говорить внятно, спросил он, уронив сцепленные в замок руки между колен.

— Проблема в том, господин Криган, что ваша корпорация занимается преступным промыслом. Вы разработали программы, которые каким-то образом стимулируют долгосрочную память человека и слой за слоем переписывают ее на искусственные носители. По сути, вы высасываете человеческую личность, всю, до донца, оставляя лишь лишенную воли лоботомированную оболочку.

Слушая ее, Эбрахам побледнел.

— Милая, вы, вероятно, бредите, — наконец сумел выдавить он.

Лиза зло посмотрела на него.

— Я не брежу, — отрезала она. — И я тебе не милая, запомни.

— Хорошо. — Эбрахам немного пришел в себя. — Мы выкачиваем человеческую личность… Допустим… Но каким образом и главное: ЗАЧЕМ?!.

— Не надо юлить. Это бесполезно, Криган. Вы у меня в руках, и отвечать вам придется, хотите вы того или нет. Альтернатива небогатая. У меня мало времени. Его точно не хватит ни на ложь, ни на душеспасительные беседы.

— Да что вам от меня нужно, черт возьми?! — Возмущение Кригана, несмотря на страх, казалось явным и неподдельным, но Лиза осадила его порыв:

— Сидеть!

Он обмяк, покорно опустившись обратно на стул.

— Даю вам ровно минуту на размышление, Криган. Вы стоите во главе этой корпоративной помойки и не прикидывайтесь, что не введены в курс всех грязных делишек вашей компании. Мне нужны документы. Документы, которые подтверждают обозначенную мной противозаконную деятельность. Тогда, вероятно, вместо пули вы ответите перед судом. Это максимум, что я могу обещать.

Эбрахам зло посмотрел на нее.

— У вас ничего не выйдет, — ответил он, даже не подумав воспользоваться предложенным тайм-аутом.

— Почему?

— Во-первых, вы голословны и не ответили на мои вопросы: КАК? и ЗАЧЕМ? Во-вторых, я не могу предоставить вам то, чего у меня нет. А в-третьих, то, о чем вы говорите, попросту смешно.

«Упрямый козел…» — зло подумала Лиза. Ее терпение, далеко не беспредельное, готово было вот-вот лопнуть.

— Хорошо… Я отвечу на ваши вопросы, Криган. Вы делаете это посредством кристалла, представляющего собой очень мощный мини-компьютер. Он механически внедряется в сетевой терминал, например, в чьей-то квартире. Человек, входя в виртуальную реальность Сети, с такого инфицированного вами терминала попадает вовсе не в Сеть, а в иное киберпространство, где его психика подвергается сначала жесткому прессингу, вызывающему зависимость, желание вновь и вновь возвращаться туда, а затем, в течение последующего времени, личность, как я уже сказала, переписывается на искусственный носитель, все в тот же маленький серый кристалл. При этом лишенное воли человеческое тело умирает. Так погиб мой муж. Он был журналистом и пытался раскопать все это дерьмо. — Лиза сверкнула на Эбрахама глазами. — Вам, должно быть, хорошо известен этот факт, ибо он был убит по вашему приказу, и меня, подозреваю, «заказали» тоже вы!

— Бред. Но я готов слушать. Второй вопрос.

— Зачем? — усмехнулась Лиза. — Это может стоить жизни…

Криган пожал плечами, хотя был бледен как смерть.

— Отвечаю… — Лиза одной рукой достала сигарету, прикурила, не сводя с него глаз, и продолжила: — Вы выпускаете сервоприводные подделки под человека, верно?

— Да, — не колеблясь кивнул Эбрахам.

— Очень хорошие, нужно сказать, подделки, — саркастически добавила Лиза. — Живые ткани, живой мозг. — При этих словах лицо Кригана вытянулось. — Да, да, не нужно дергаться. Вы поставляете на рынок не просто биомеханических слуг, кукол, а рабов, Криган. Те личности, что украдены вами у реальных людей, инсталлируются после некоторой доводки в мозг киборга. Вы производите кукол… — при этом ее голос предательски дрогнул, — которые обладают остаточной памятью, способны испытывать боль и оргазм, переживать, любить и быть любимыми… но все равно при этом оставаться серво-приводными

игрушками, чья свобода мысли ограничена рамками безусловной подчиненности хозяину, купившему их у вас.

Лицо Кригана посерело.

— Нет… — выдавил он.

— Нет? — угрожающе спросила Лиза.

— Девушка… — Эбрахам мучительно пытался подобрать нужные слова. — Вы… Вы излагаете серьезные, тяжкие, страшные, но, уверяю вас, абсолютно голословные обвинения. Обрисованная вами схема не сможет работать. Никогда.

Лиза молча погасила сигарету. Не выпуская рукоять «гюрзы» из вспотевшей ладони она резко подняла левую руку. Магнитная липучка на манжете блузки не выдержала, разошлась, открыв взгляду пропитанную кровью повязку на запястье.

Эбрахам, не отрываясь, смотрел на нее, и в его глазах таился уже не страх, а какой-то мистический ужас.

Лиза зубами рванула край повязки.

Пропитанная кровью материя упала на пол, обнажая почерневший надрез на коже.

— Смотри!.. — Лиза протянула руку, поднеся ее так близко к глазам Кригана, что тот волей-неволей увидел, как в глубине раны, под рассеченной кожей ворочаются алые тросики сервоприводов.

Его губы задрожали, глаза расширились от ужаса.

— Убедился, подонок? — тяжело дыша, осипшим голосом спросила она. — Я была человеком… Двадцать лет назад я была ЧЕЛОВЕКОМ!

* * *

Эбрахам Криган никогда не думал, что способен испытать острое, граничащее с чувством вины сострадание к явно биомеханической конструкции.

Его мысли спутались, перемешались, особенно после того, как Лиза вкратце сообщила ему о имеющейся копии договора купли-продажи, по которому выходило, что она приобретена Сергеем через одно из региональных представительств корпорации «Киборгсистемз».

И тем не менее, несмотря на весь ужас, на патовую безвыходность своего положения, Эбрахам не мог дать ей того, что требовала эта женщина-киборг.

Не глядя на ствол «гюрзы», по-прежнему нацеленный ему в лоб, Криган тяжело встал.

— Я стар, но все еще хочу жить, — произнес он, твердо глядя в глаза

Лизы. — Поэтому я не стану делать никаких глупостей. Но я хочу… Я хочу убедиться, что все, сказанное вами, правда. Если я попрошу вас пройти сюда, — он неопределенным жестом указал в сторону нескольких установленных один подле другого аппаратов комплексной диагностики, — то я смогу с точностью проверить справедливость предъявленного мне обвинения.

— Не понимаю, почему я должна это делать?

— Потому что иначе вам придется меня убить. Я НЕ ЗНАЮ, ОТКУДА ВЫ ВЗЯЛИСЬ.

— Что вам даст диагностика? — нахмурилась Лиза.

— Я смогу либо поверить вам, либо, наоборот, оправдаться, — честно изложил свои намерения Криган.

— Здесь нужен специалист, — усомнилась она.

— Я знаю. Но вы очень проницательны, если обратились именно ко мне… — при этих словах он нашел в себе силы усмехнуться, покосившись в сторону выбитого окна, за которым, впритирку к стене здания, по-прежнему парил флаер, введенный в режим автопилота. — Ибо я не всегда почивал на вершине, а прошел всю пирамиду иерархии снизу доверху, — пояснил он. — Я всю жизнь занимался исключительно киборгами и в этой области могу назвать себя непревзойденным специалистом. К тому же я не стану подключать к вам какие-либо датчики, провода или иную дрянь. Вы будете иметь возможность продолжать целиться мне в лоб. Я не стану закрывать крышку камеры диагностики и удаляться более чем на метр.

Заметив, что она пребывает в нервной нерешительности, Криган осторожно добавил:

— Ваш дублер всегда сможет всадить в меня пулю, верно?

«Плохая игра… Отвратительная… Он догадался о том, что я действую в одиночку?..»

Лиза несколько секунд колебалась, а затем кивнула.

— Хорошо.

Она вошла внутрь двухметрового цилиндра через открывшуюся на невидимых петлях переднюю часть.

Комплекс активировался автоматически.

Действительно, к ней ничего не подключилось, она не испытала ровным счетом никаких воздействий — просто стояла, удерживая «гюрзу» обеими руками, но в полуметре от нее, перед Эбрахамом, прямо из воздуха, внезапно соткалась спроецированная лазером человеческая фигура в полный рост.

Это была она.

Лиза смотрела на себя, но не в зеркало, а словно изнутри. Ее фантомная копия оказалась прозрачной, в одних местах более, в других менее, так, чтобы можно было пронзить взглядом всю структуру ее тела.

Наконец-то Лиза сумела получить ответ на мучивший ее вопрос: насколько она являлась киборгом.

Лиза была не очень сильна в анатомии, но представить себе устройство человеческого тела, хотя бы на уровне общеобразовательного курса, могла.

Переведя взгляд со своей копии на Эбрахама, Лиза поняла, что тот пребывает в гораздо большем недоумении и замешательстве, чем она сама. Криган походил в этот момент на съехавшего с катушек шамана. Беззвучно шевеля губами, он приблизился к голографической проекции и принялся чертить пальцами какие-то линии, совершая при этом непонятные пассы.

Голографическое изображение на миг затуманилось, но затем вновь обрело многослойную полупрозрачность, только теперь содержимое черепной коробки выделилось в отдельное изображение и значительно укрупнилось.

У нее был обыкновенный человеческий мозг. Масса серого вещества, поделенная на два полушария, сплошь покрытые извилинами. На фоне проекции диссонансом резко выделялись два посторонних включения. Одним из них был имплант нейросенсорного гнезда, вживленный в височную область, а вторым…

Вторым был серый кристалл, который угнездился в затылочной части, неподалеку от мозжечка!..

Криган некоторое время пристально разглядывал изображение, затем, беззвучно шевельнув губами, произвел отталкивающий жест пальцами, и голограмма черепа убралась, заняв положенное ей место в общей структуре кибернетического организма;

Лиза наблюдала за действиями Кригана затаив дыхание.

Он попеременно увеличивал и разглядывал отдельные фрагменты ее тела и везде встречал одно и то же: внутренние органы, мышечные ткани, нервные волокна — все присутствовало на своих местах, искусственным оказался лишь ее скелет, снабженный сервоприводными усилителями мускулатуры, чьи серводвигатели располагались внутри полых костей и работали от тепла мышечной массы тела. Наружу в виде тонкой подвижной оплетки выходили лишь тросики приводов, передающих движение от сервомотора к сопрягаемому суставу.

Несколько дольше Криган задержался на изучении органов ее внутренней брюшной полости.

Проследив за его взглядом, Лиза осознала, на что он смотрит, и вздрогнула.

Нет… Этого не может быть… Господи…

Ее панические мысли были нарушены голосом Эбрахама.

— Можно выходить… — потрясенно произнес он. — Мне все ясно.

Лиза вышла из камеры.

— Может быть, теперь поделитесь своими впечатлениями, мистер Криган?

— Безусловно. Я по-прежнему хочу жить, — добавил он. — Но я буду утверждать, — он невольно вскинул свой взгляд на Лизу, — и вам определенно. это не понравится, что совершенно непричастен к данному производству.

— Кто я? — напряженно спросила Лиза.

Криган пожал плечами:

— Искусственный человек, если хотите. От кибернетического организма у вас лишь сервоприводный эндоостов, говоря проще — скелет с механическими усилителями мускулатуры. Все остальное, включая Центральную нервную систему, принадлежит человеку, скорее всего вашему донорскому клону.

— А кристалл? Вы видели его?

— Естественно. Можно мне сесть?

— Да.

Криган кряхтя опустился на стул.

— Вы можете меня застрелить, но «Киборгсистемз» тут ни при чем.

— Доказательства?

— Извольте… — Эбрахам на миг задумался, а затем растопырил свою пятерню. — Во-первых, вы выращены по технологии двухсотлетней давности. — Он загнул первый палец. — Во-вторых, данная технология запрещена на всех планетах.

— Он задумался над своим доводом, криво усмехнулся и палец загибать не стал.

— Запрещена — это не значит, что не используется, — поддержала его Лиза. — Хватит загибать пальцы, Криган. Что это за технология? И чем она отличается от производства сегодняшнего дня?

Эбрахам кивнул, признавая обоснованность вопроса.

— Я сейчас поясню, — ответил он, вставая. — Посмотрите на голограмму. Ваше тело выращено на эндоостове. То есть из исходного человеческого генома заранее удалены участки, которые ответственны за формирование костей. Внесены также очень важные дополнительные

изменения, например, имплантирован ген, отвечающий за связку между живой тканью и искусственной костью. Но это частности. Главное, из-за чего технология была признана античеловечной и в конечном итоге запрещена, — это мозг. Клонированный мозг остается мозгом человека, он неизбежно начинает мыслить самостоятельно. Мина замедленного действия, не находите?

— Ну, допустим…

— Киборги тех поколений, к которым относитесь вы, были разработаны и выпускались известной корпорацией «Галактические кибесистемы». Это, если вы слышали, был монстр, который раскинул сеть своих производств на три четверти обитаемой Галактики.

— Очень занимательно. А каким образом они умудрились монополизировать галактический рынок, если выпускали киборгов с «миной замедленного действия» в голове?

— Не киборгов, а биороботов, — мягко поправил ее Эбрахам. — Биологический робот и кибернетический организм — это не одно и то же. Наша компания выпускает киборгов. Вы не из нашей серии.

— Я не услышала ответа на свой вопрос, Криган.

— Сейчас объясню. Разработчики, трудившиеся на корпорацию «Галактические киберсистемы», прекрасно знали о потенциальных возможностях человеческого мозга. Но клонировать робота намного проще и дешевле, чем производить его, собирая из отдельных частей. Тогда и была разработана технология «Корг», которая в конечном итоге погубила корпорацию. Они ввели в генетический код построения биороботов два существенных изменения. Во-первых, они поставили запрет на самообновление клеток в организме клона, что сократило срок его «жизни» до десяти стандартных лет.

— Он умирал?

— Естественно. Тело клонировалось на эндоостов, то есть формировалось уже взрослым. С конвейера сходили, как ни парадоксально это прозвучит, новорожденные взрослые люди, обреченные умереть ровно через десять лет. Такой срок, по мнению специалистов «Галактик Киб», является критическим для развития самосознания в присутствий ГМИ.

— Не говорите загадками. Что такое «ГМИ»?

— Генератор Мозговых Импульсов. Новорожденные клоны, которых продавали спустя день-два после выпуска, обладали физическими данными взрослого человека и сознанием младенца. Их мозг был чист, как белая страница. Тогда и понадобился ГМИ, который подавал управляющие сигналы телу, содержал в себе программы функционирования, а заодно

тормозил развитие самосознания. Биороботы серии «Корг» являлись самыми настоящими живыми куклами, но раскусить это удалось далеко не сразу.

— Но все же их запретили?

— Да. После трагедии на планете Флиред, где пять тысяч коргов едва не вырезали все население.

— Почему?

— Были нарушены правила эксплуатации, — пожал плечами Эбрахам.

— Говорите конкретнее, Криган.

— Флиред закупил партию биороботов серии «Корг» для сбора росы местного растения диахр, которое зацветает один раз в шесть стандартных лет. Роса, конденсирующаяся на цветке, является очень сильным наркотическим стимулятором. Пыльца растений, которой перенасыщен воздух во время цветения, также является наркотиком стимулирующего действия. Я не знаю всех нюансов, но могу сказать, что между периодами сбора на шесть стандартных лет всех роботов погружали в криогенный сон. Однако никто не позаботился об очистке их крови от попавшего в нее диахра. Результатом стали сны, которые их мозг, заметьте, человеческий мозг, прокручивал на протяжении долгого времени после погружения в низкотемпературный сон. Их разум, свободный в период криогенной консервации от контроля ГМИ, начал мыслить, обрабатывая накопленную за время сбора росы информацию о мире, о людях, о их отношении к коргам. В результате корги как бы повзрослели во сне, осознали самих себя и после очередного пробуждения учинили массовые беспорядки, перешедшие в резню… Это зловещее событие наглядно показало, а позднейшие исследования подтвердили, что клон, выращенный из человеческой клетки и обладающий человеческим мозгом, — это человек, какими бы дополнительными имплантами его ни снабжали. Он мыслит, а это, по закону о Правах Разумных Существ, означает, что любые действия по его эксплуатации в качестве робота будут расценены как рабство и преступление против личности.

— А что произошло с корпорацией?

— «Галактические киберсистемы» рухнули в один день, и до сих пор никто не знает, почему. Было известно до трех сотен основных производств компании, но все они управлялись из некоего центра по каналам Гиперсферной Частоты. Этот центр внезапно исчез, и упомянутые производства оказались предоставленными сами себе.

— Трудно поверить. Миллиарды галактических кредитов, огромные

мощности, и вдруг…

— Именно так. Мне представляется наиболее вероятным, что тут имела место акция Галактического Патруля. Конфедерация тогда еще правила миром, и я не сомневаюсь, что они могли пойти на подобную операцию. Миры в то время были буквально переполнены продукцией «Галактических киберсистем», и существовала серьезная угроза, что руководство корпорации, прижатое к стенке, поднимет своих роботов на бунт. ГМИ считался в ту пору неизвлекаемым, и никому не было известно, какие скрытые программы могли быть проинсталлированы на эти носители.

— Значит, я, по вашему мнению, корг? И вы продолжаете утверждать, что непричастны к моему появлению на свет, к воровству личностей через виртуалку, к убийству людей?

— Поймите, нам незачем это делать! Назовите мне сумму, за которую вы якобы были приобретены вашим мужем?

— Сорок тысяч, — ответила Лиза.

Эбрахам покосился в сторону одного из компьютерных терминалов.

— Вы позволите?

— Что?

— Продемонстрировать вам нашу бухгалтерию.

Лиза пожала плечами. Она чувствовала, что их разговор вошел вовсе не в то русло. Но отступать было поздно…

— Вот, посмотрите… — Криган совершил несколько переключений и приложил свою ладонь к сенсорной пластине, подтверждая тем самым полномочия доступа к группе секретных файлов. Взглянув на экран, он обернулся к Лизе. — Я хочу жить и потому стараюсь быть максимально честным, — произнес он. — За цифры, которые вы сейчас увидите, многие наши конкуренты не то что убили бы, продали бы собственную душу.

Лиза, опасаясь подвоха, встала сзади.

— Вот это цена одного выпущенного киборга, одетого в плоть и снабженного программой псевдоинтеллекта, основанной на имплантированной сборной памяти. Видите цифру? — Ухоженный ноготь Эбрахама отчеркнул семерку с четырьмя нулями. — Семьдесят тысяч кредитов, причем мы ведем все расчеты по твердому межпланетному курсу. Местный эквивалент к оплате не принимается. А теперь взгляните сюда. — Он указал на цифру, стоявшую напротив цены. — Это количество проданных за неделю.

Двадцать восемь…

— Теперь постарайтесь понять мою логику. Да, бизнес, особенно в

его начальной стадии, — это всегда трудно, зачастую грязно и противозаконно, но. вы должны согласиться, что устоявшиеся, уважающие себя компании, к числу которых я причисляю и свою, в какой-то момент становятся законопослушными. Мы имеем огромные деньги на законной реализации честно производимой продукции. Наш недельный оборот только в засвеченной перед вами его части составляет один миллион девятьсот шестьдесят тысяч галактических кредитов. Теперь попробуйте ответить, хотя бы себе самой, — стану я санкционировать нарушение как минимум двадцати параграфов межпланетного кодекса, наказание по которым варьируется от конфискации имущества до пожизненного заключения, ради мифических сорока тысяч?

— Много денег не бывает, — мрачно напомнила ему Лиза.

Эбрахам разогнулся, пристально посмотрел, на нее и развел руками.

— Тогда мои аргументы исчерпаны. Вам придется застрелить меня.

Лиза подумала, что если она проведет здесь еще столько же времени, сколько уже прошло с момента ее вторжения в кабинет Кригана, то ей так или иначе придется кого-нибудь застрелить. Ситуация, которая казалась ей абсолютно ясной, внезапно приняла совершенно новый оборот, запутавшись до полной неузнаваемости.

— Сядьте, Криган.

Он подчинился.

— Я не хочу никого убивать. Меня лишили части моей души, но логика при этом, похоже, не пострадала, — горько усмехнулась Лиза. — Возможно, я приму ваши оправдания. Но взамен я хочу получить исчерпывающую информацию.

Эбрахам помедлил с ответом. Очевидно, он прикидывал, насколько правдоподобны заявления самой Лизы и не является ли ее вторжение акцией его конкурентов.

— Какого рода информация вам нужна?

— Я хочу знать, что именно производит «Киборгсистемз».

— Технология?

— В общих чертах.

— Ну это в принципе открытая информация, — ответил Эбрахам. — Насколько я понял, вас интересуют машины андроидного типа?

— Я пришла сюда не затем, чтобы купить пылесос, Криган. Мое время очень дорого стоит.

— Хорошо… — Он встал, подошел к стеклянным цилиндрическим витринам, тем самым, которые созерцала Лиза через оптику своего флаера, и открыл их одну за другой.

— Это пример, основы, — пояснил Криган, указывая на медленно движущиеся сервомоторные скелеты. — Поверх нее мы наращиваем некоторое количество мышечной ткани и кожные покровы. Питание, как вы видите, происходит через замкнутую систему, расположенную в обоих предплечьях. Здесь нет сердца, легких, пищеварительных органов, — все совмещено в единый метаболический преобразователь, который раз в сутки заряжается тремя сухими таблетками. Кровь, которой у данной модели всего лишь литр, прогоняется через него встроенным насосом. Нервная система отсутствует. Стопроцентный механизм, одетый в живые ткани.

— Мозг? — напомнила Лиза, напряженно следившая за Криганом.

— Его нет в биологическом понимании данного термина, — без запинки ответил Эбрахам. Он подошел к «живой» фигуре и остановил ее неторопливый шаг одним прикосновением пальца к определенной точке на плече. Беговая дорожка под ногами киборга плавно прекратила свое движение. Эбрахам дождался, пока произойдет полная остановка, а затем совершил резкое вертикальное движение вдоль живота модели, словно был хирургом, вскрывающим скальпелем брюшную полость больного.

Кожа на животе и груди киборга разошлась длинным бескровным разрезом, обнажая оптико-электронные внутренности.

— Посмотрите сюда. За счет того, что отпала необходимость во внутренних органах, мы получили значительное свободное пространство. Мозг киборга расположен не в голове, под черепной коробкой, а в брюшной полости, где намного больше места для его монтажа. — Он движением руки очертил мерцающие контуры схем, увитые собранными в пучки оптико-волоконными интерфейсами. — Вот они, блоки псевдоинтеллекта, собранные на основе оптического процессора, — пояснил свое движение Криган.

Внутренности киборга действительно светились, пульсируя, будто живые. Лиза понимала, что там работают сотни микролазеров, кодирующих информацию в параллельных световых потоках.

— Он мыслит? — уточнила она.

— Да, эта модель имеет некоторую свободу как в общении, в реализации синтезирующихся эмоций, так и в действиях. Без элемента непредсказуемости поведение киборгов было бы столь плоским и неинтересным, что их вряд ли бы покупали.

— А если они вдруг начнут проявлять агрессию?

— Есть программы-предохранители, которые реагируют на голос, — охотно пояснил Криган. — Существует набор кодовых слов, которыми, хозяин может запросто отключить киборга при возникновении

нежелательной ситуации. Кроме этого, существуют общие терминирующие фразы, неповторимые для каждой серии. Мы сообщаем их МСБ, армии и иным службам правопорядка. Но за последние четверть века только два киборга из всей нашей продукции были терминированы из-за нежелательных, опасных для жизни ситуаций, — не без гордости добавил Эбрахам.

— Вы сказали, что у них есть имплантированная память, — напомнила Лиза.

— Откуда она берется?

— Естественно, из реальной жизни, — ответил Криган. — Мы покупаем у желающих стать интеллектуальными донорами частицы их воспоминаний. Затем, складывая отдельные фрагменты, как мозаику, создаем ограниченную псевдопамять. Обычно она очень коротка, не более одной недели и нескольких воспоминаний «детства», которыми киборг может поделиться со своим хозяином или хозяйкой.

Лиза поморщилась, вспомнив о своих «воспоминаниях». Мать, обернувшаяся терминалом компьютера… Но такая «имплантированная память» слишком далеко выходила за описанные Криганом рамки.

— Их покупают, наверное, садисты? Сексуальные извращенцы? — неприязненно осведомилась она.

Эбрахам удивленно посмотрел на нее.

— Полноте!.. — В его восклицании прозвучало недоумение. — Наши клиенты, как правило, это люди, потерявшие близких. Очень много роботов изготавливается по спецзаказам. Нет, нет… — Он сделал отрицающий жест. — Наше общество, конечно, крайне многолико и порой жестоко… здесь я с вами согласен, но безропотных живых людей, согласных на определенные услуги, вы найдете много больше и дешевле… — Он взглянул на Лизу и добавил: — Киборг — это не механическая проститутка, извините. Это очень дорогая машина. Как ни странно это прозвучит, но чаще всего он домашний любимец. Люди обычно очень долго думают перед такой покупкой. Конечно, я не могу однозначно поручиться за всех клиентов, но кое-какой опыт уже накоплен. Извините за грубый пример, но за семьдесят… да даже за те сорок тысяч, что заплатил ваш муж, он мог получать любые сексуальные или иные удовольствия в течение очень долгого срока… от живых людей.

Лиза нахмурилась, машинально покусывая губу. В словах Эбрахама звучало слишком много не укладывающихся в ее схему, логичных на первый взгляд утверждений.

Клубок противоречий становился все запутаннее.

Криган казался ей… слишком правильным, что ли? А она, выходит, слишком доверчива? Прилетела сюда, чтобы вытряхнуть правду из зарвавшегося подонка и убить его, а сама сидит, развесив уши, и выслушивает лекции по кибернетике и психологии?

— Могу я предложить вам сделку, мисс…

— Лиза, — удивленно посмотрев на Эбрахама, машинально подсказала она.

— Мисс Лиза, — с непонятной интонацией повторил Криган, и тут она вдруг взорвалась:

— Мы что, поменялись местами?

Эбрахам с сочувствием посмотрел на нее, и в глазах главы «Киборгсистемз» на этот раз не было ни страха, ни насмешки.

— Вы, вероятно, встречали на своем пути по большей части скверных людей… — Он на секунду умолк, а затем добавил: — Я сам не безгрешен и тоже прожил жизнь далеко не ангелом. Но годы… Они берут свое. У меня теперь достаточно времени, чтобы оглядываться назад и оценивать прошлое. Будь на моем месте молодой Криган, и ваши обвинения могли бы оказаться справедливыми.

— Даже так?

— Дело в том, что я вам не лгу. Страх за свою жизнь, конечно, есть, но я — глава корпорации, производящей киборгов, и потому в некоторой степени застрахован от внезапной насильственной смерти. Этажом ниже находятся несколько моих клонированных копий. Думаю, что им успеют пересадить мой мозг…

— Тогда почему вы разговариваете со мной? — оборвала его Лиза.

Эбрахам на минуту задумался.

— Сначала вы застали меня врасплох, — наконец честно признался он, — а потом… потом вы заинтересовали меня, мисс Лиза. Я не хотел бы оказаться вдруг в вашей шкуре. А учитывая, что все происходящее непосредственно затрагивает мою компанию, я предлагаю вам сделку: вы раскрываете мне координаты той фирмы, что фигурирует в договоре купли-продажи, а я, в обмен на эту любезность, не стану ни поднимать тревогу, ни сообщать кому бы то ни было о вашем визите сюда. Просто вставлю новое стекло. Более прочное, надеюсь… — помрачнев, добавил он. — К тому же я готов и дальше отвечать на любые ваши вопросы.

— Это, по-вашему, будет честно?

— Если принять на веру мою искренность, то — несомненно.

Лиза попыталась перебрать в уме различные варианты дальнейших действий, но поняла, что их нет. Ее движущей силой в происходящем была

внезапная ненависть, вспыхнувшая в душе, словно пожар, в тот миг, когда она потрясение рассматривала шевелящиеся в ране сервоприводы.

Полчаса назад предмет ее ненависти был ясен как божий день, теперь же все обернулось скверной неопределенностью, и Лиза поняла — убить Кригана она не сможет. Не было я ней той холодной, расчетливой решимости, которая, как правило, приписывалась обывательским мнением любой «свихнувшейся» машине. Да и кем она была на самом деле? Не кибернетический организм, в прямом понимании данного термина, уже не биоробот, поскольку обрела свою волю, но и не человек: нечто среднее, непонятное…

— Хорошо, я согласна.

Эбрахам не стал скрывать облегчения.

— Я рад, — признался он.

— В таком случае я хочу, чтобы вы сказали, кто я, какой тип ГМИ имплантирован в мой мозг, можно ли избавиться от него и кто, по вашему мнению, мог меня создать и продать моему мужу?

Эбрахам задумался.

— Сложные вопросы… — Он подошел к комплексному аппарату и еще раз включил голографическую проекцию. Внимательно изучив увеличенное изображение серого кристалла, он в конце концов лишь сокрушенно покачал головой: — Такой тип ГМИ мне неизвестен. Понятия не имею, что будет, если попытаться его удалить. — Он вернулся к столу, сел напротив Лизы и произнес: — Мне вообще непонятно, зачем производитель снабдил вас реальными воспоминаниями прошлого.

— Снабдил? — Лиза была неприятно поражена такой формулировкой.

— Ну а как же? Мозг клона — это чистый лист. Словно у новорожденного ребенка. Для того и нужен ГМИ, чтобы взрослое по своим физическим данным тело могло жить. Иначе произведенный таким образом биологический робот будет сидеть, пускать слюни и писаться в штаны, как младенец. Программы, которые содержит ГМИ, перехватывают управлений; заполняют ёстественный вакуум осознанных реакций и одновременно подавляют развитие самосознания.

— То есть клон не осознает собственного бытия?

— Абсолютно. Он биологический робот, машина.

— Я тоже была такой? — Лиза не заметила, как при этих словах в ужасе закрыла ладонями лицо.

— Не думаю… Не думаю… — Эбрахам покачал головой. — Какой-то странный нонсенс вырисовывается, — произнес он. — Если следовать моему опыту, то остается предположить, что вы появились на свет при

непонятном смешении двух технологий… — Он встал, нервно прошелся вдоль длинного стола. — Любопытно… Технология клонирования — явно от «Галактических киберсистем», идея имплантирования ГМИ — тоже, но вот сам генератор… Мне пришло в голову только одно разумное объяснение происходящего: тот, кто создавал вас, действительно воспользовался технологией полного копирования личности и переноса ее на искусственный носитель. Но этот «кто-то», по моему мнению, не больно-то разбирается в структуре копированной памяти и программирования ГМИ.

— Не понимаю, к чему вы клоните, Криган…

— Я хочу сказать, что сознание взрослого человека обладает всеми поведенческими рефлексами и мотивациями. — Эбрахам остановился, будто пораженный внезапной догадкой. — Да, черт возьми, будь я молодым дилетантом, то поступил бы, наверное, так: не зная, как правильно запрограммировать ГМИ, но по какой-то причине остро нуждаясь в зависимом от моей воли биороботе, я бы скопировал на носитель всю личность, а затем, вероятно, путем проб и ошибок, постарался бы заблокировать массивы данных, относящиеся к долговременной памяти.

— Мне не совсем ясно…

— Да это же проще простого! Взрослый человек умеет есть, пить, в большинстве случаев он машинально делает все, что у клона нужно программировать. Единственное, что мешает использованию такого клона, — это самосознание, которое, как уже доказано, зиждется именно на долгосрочной памяти!.. Уберите прошлое, добавьте вместо него несколько бесхитростных установок: подчиняться тому-то, делать то-то… и вы получите биоробота, ненадежного, конечно, но все же…

— А почему мою память не стерли напрочь? Зачем кому-то было рисковать? Ведь теперь я начинаю понимать, что голос моей матери, записанный в компьютер, отвечавший на телефонные звонки — это явная подстраховка на тот случай, если я стану медленно вспоминать прошлое.

— Абсолютно верно. — Эбрахам выглядел сейчас не менее возбужденным и взвинченным, чем в тот момент, когда ему грозила смертельная опасность. Судя по всему, несмотря на старческие морщины, он был человеком увлекающимся, одержимым внезапно осенявшими его идеями. — Лиза, вас разрабатывал дилетант, в смысле психосоматического программирования. Он боялся, что, уничтожая память, сотрет информацию, жизненно важную для функционирования рассудка. Вероятно, этот страх строился на имевших место неудачных опытах. Из этого вывод: вас создавали для какой-то краткосрочной акции. Не знаю, что

являлось конечной целью — устранение ли вашего мужа, который сунул нос куда не следует, или же захват его личности для дальнейшего использования в клонированном теле, — но факт, как говорится, налицо: вы могли исполнять свои функции в таком состоянии от силы месяца два, не более. Человеческий мозг — это уникальная самоорганизованная структура, и он не терпит вакуума.

Очевидно, вас должны были либо уничтожить, либо «вернуть на базу» для профилактики, но…

Лиза понимающе кивнула.

Она действительно успела выполнить «задание», загнав личность Сергея в серый кристалл, и ее тут же попытались убрать руками лейтенанта Моргана.

— Поразительный случай… — продолжал тем временем Эбрахам, все более и более возбуждаясь. — вы, вместо того чтобы пристрелить, прямо-таки омолодили меня… — Он говорил это, не замечая, что его слова воспринимаются Лизой, словно пощечины. — Вы позволите, я воспользуюсь терминалом, чтобы сравнить вид вашего ГМИ с известными аналогами?

Она кивнула.

Ей вдруг стало все равно. Окончательная правда о себе оказалась не такой страшной, как Лиза опасалась, но все же… эта правда раздавила, уничтожила часть ее сознания. Она вдруг поняла, что настоящей Лизы Стриммер уже нет. И дело, конечно, заключалось вовсе не в сервоприводном скелете, на основе которого было построено ее новое тело, нет, червоточина крылась в ее ущербной памяти, в новом осознании самой себя. Не было гарантии, что этот чертов ГМИ умолк навсегда, что ее самостоятельность не является лишь временным сбоем, а управление ее разумом не будет внезапно кем-то перехвачено.

Нужно что-то делать…

Мысль получилась какой-то вымученной, бессильной…

В следующую секунду ее отвлек сдавленный возглас, который, помимо воли, вырвался из горла Кригана.

Лиза обернулась.

Эбрахам, сгорбившись, стоял подле терминала, опираясь руками о стол. Его взгляд буквально примерз к экрану.

— Что там? — встревожилась Лиза, вставая. Она зашла ему за спину и взглянула на экран.

Там медленно вращалось увеличенное изображение точно такого же кристалла, какой присутствовал и в ее голове, и на той схеме, которая

«высосала» сознание Сергея.

— Что это? — спросила Лиза у оцепеневшего Кригана. — Вы искали ГМИ и нашли его? Где это? Кто производитель этих кристаллов?

Эбрахам наконец оторвал взгляд от экрана и медленно перевел его на Лизу.

— Это не ГМИ… — наконец сумел выдавить он. Потрясение Эбрахама было настолько сильным, что он едва выговаривал слова. — Поисковая система нашла это изображение в сети Интерстар, следуя визуальному совпадению…

— Криган, придите в себя! — Лизе было не до шуток, и она чувствительно встряхнула Эбрахама за плечи. — Ну? Отвечайте, что это такое?

— Это артефакт… Один из непонятных артефактов давно исчезнувшей расы, которую называют логрианами… — Слова с трудом выходили из пересохшего горла Кригана. — Изображение получено с информационного сайта монастыря святого Патрика, расположенного на планете Эридан. Здесь отчет об обнаружении разрушенного космического поселения логриан неким космическим рудодобывающим комплексом «Спейсстоун».

* * *

Лизе потребовалось некоторое время, чтобы смысл сказанных Эбрахамом слов улегся в ее голове.

«Инопланетный артефакт?» — с ужасом подумала она, начиная наконец осознавать, какую смысловую нагрузку несет в себе данное словосочетание.

От мысли, что за дрянь прижилась у нее в мозгу, Лизе стало холодно и страшно.

Она повернулась к Кригану и поняла, что тот смотрит на нее уже не с сочувствием, как минуту назад, а…

Его кулак нервно сжимался и разжимался. Он явно готовился к чему-то.

— Извините, мисс, но вы должны понять… Такой неожиданный оборот не может сохранить в силе наши договоренности. Я… Я просто не вправе выпустить вас отсюда…

«Потому что я в твоих глазах уже превратилась в чудовище?» — мысленно дополнила его фразу Лиза, с горечью осознавая, что, по сути, все обстоит именно так.

Рука Эбрахама метнулась к терминалу, но Лиза успела перехватить

его движение.

— Спокойно…

Схватка между старческими мускулами и серво-приводными усилителями эндоостова закончилась не в пользу Кригана.

— Я не стану стрелять вам в голову, Эбрахам. — Лиза приставила ствол «гюрзы» к его груди. — Но быть подопытным кроликом во имя так называемой цивилизации я тоже не стремлюсь. То, что я ношу в Своей голове артефакт древней расы, еще не значит, что туда его вставили не люди. Думаю, что более алчных и циничных созданий, чем мы, во Вселенной не найти. — Она жутковато усмехнулась.

— Мне не хотелось бы оказаться разобранной или расчлененной, как вам будет угодно, во имя науки и безопасности. Я сама позабочусь о себе.

— Адрес… — прохрипел Криган, выворачивая белки глаз, чтобы иметь возможность взглянуть на Лизу. — Вы обещали…

— Конечно… — Ей в эту секунду хотелось взвыть, но Лиза старалась держать себя в руках и говорила ровно, хотя и с придыхом: — Спасибо, Эбрахам, и… извините, но вы первый нарушили договоренность… — С этими словами она резким, точным ударом выключила его сознание.

Через минуту крошево выбитого стекла хрустнуло под ее ногами. Перебравшись через широкий подоконник, Лиза перешагнула с него на подножку флаера, который покачивался на огромной высоте.

Ей снова хотелось плакать… Навзрыд.

Глава 7

Шесть часов вечера. Юго-западная парковая зона в окрестностях Александрийска

Она все же дала волю слезам. Вокруг не было ни души. Старые вековые деревья возвышались со всех сторон, окружая поляну сумеречной колоннадой. Их кроны лениво шумели на изрядной высоте, а внизу застыл неподвижный, порядком запущенный подлесок. Ветра не было, но если запрокинуть голову в безуспешной попытке унять непрошеные, горькие слезинки, то в прорехах могучих крон было видно, как со стороны пламенеющего закатом горизонта быстро надвигаются свинцово-черные тучи.

Приближалась гроза, вот почему лес притих.

Лиза попала на эту поляну не по воздуху, а по проселку. Некоторое время назад, оставив позади окраинные кварталы города, она опустила машину на ровный, широкий участок федеральной автострады. Автоматика флаера, оценив качество дорожного покрытия, самостоятельно втянула в корпус выступы скошенных крыльев, вместо которых из днища выдвинулись колеса с забранными в специальные кожухи элементами подвески.

Вогнутый полумесяц аэроштурвала тихо пискнул, видоизменяясь в обыкновенный руль.

Колеса мягко приняли на себя вес машины, и она, набирая скорость, рванулась по прямому, как стрела, автобану.

Лиза не знала, куда и зачем гонит похищенный «Гард».

Бывают минуты, когда сознание заходит в тупик и в душе остается лишь отчаяние, черное и вязкое, как деготь…

Не отпуская руль, она одной рукой залезла в вещевой ящик, расположенный правее приборной панели. Рука наткнулась на какие-то бумаги, затем, прощупав пальцами всю глубину «бардачка», она наконец нашарила твердый прямоугольник сигаретной пачки.

Вытащив руку, Лиза посмотрела на название.

«Элгор». Эти сигареты курил Сэм…

Ее вдруг начала душить нестерпимая обида, усугубленная к тому же острым чувством вины.

Она представила Сэма, который сейчас наверняка выслушивает вернувшегося на своих двоих Лайта. Лайт, вероятно, оправдывается,

прижимая к распухшей коже на виске маленький пакетик со льдом…

Дура… Чертова дура…

Непрошеная слеза горячим зигзагом скользнула по щеке, а ветер, ворвавшийся в салон через опущенное стекло, почти мгновенно высушил ее след.

Не все люди вокруг такие негодяи, как тебе кажется… — всплыли б ее памяти слова Кригана. Лиза понимала, что запуталась в своих чувствах, но теперь ей должно было стать все равно. Черта невозвращения уже пройдена. Запоздалое понимание того, что Сэм оказался намного сложнее, тоньше того примитивного ярлыка, который мысленно прилепила ему Лиза, уже ничего не меняло в сиюминутном раскладе сил и чувств.

Наступало обыкновенное бессилие, когда кажется, что обстоятельства сломили тебя и теперь остается лишь опустить руки и отдаться черному водовороту неподконтрольных событий…

Может быть, вернуться к Сэму?.. Рассказать ему все?.. Ведь действительно, он не мог не знать, что я искусственное создание… Он знал это, но все равно вытащил меня, разговаривал со мной, делился откровением, любил той ночью…

Только теперь, замкнув круг внутреннего психологического ада, Лиза поняла, почему он делал это. Сэм был и оставался загадкой, но в этом Лиза поняла его.

Юноша, чьи чувства воспитывались в мире нереального…

Лиза вдруг вспомнила ту женщину-дройда, которая так поразила ее при первом посещении «Старого Железа», и с убийственной для себя ясностью поняла, что Сэм, вероятно, был единственным человеком на планете, а быть может, и во всех обитаемых мирах, кто действительно мог полюбить ее такой, какова она есть…

Он сам был оттуда — из мира чистых грез и холодных машин.

Его не могли шокировать открывшиеся в ее ране сервоприводы. Он был способен сострадать не только людям, но и их подобиям, вот что она упустила в Сэме…

Расстроенная и раздавленная, Лиза свернула с трассы на неприметный проселок, который, серым языком гравийного покрытия сползал в лес.

Проехав несколько километров, она остановилась на этой поляне, и вот теперь, запрокинув голову, смотрела на чернеющий фронт грозы, безуспешно пытаясь остановить жгучие непрошеные слезы.

Так горько было на душе… Так горько, что забывалась даже собственная нечеловечность, потому что ее чувства остались при ней… Никто не мог отнять у Лизы ни этой горечи, ни слез… Они принадлежали

ей, в них не было ничего от навязанной воли Генератора Мозговых Импульсов.

Она хотела одного — вспомнить. Вспомнить, кем была до той поры, когда однажды очнулась от своего небытия в несвежей Сережиной постели…

Гроза надвигалась. Свинцовые облака уже укрыли горизонт, слизнув своей чернью краски заката, и первые крупные капли ударили в пыльное лобовое, стекло машины, разлетаясь по нему редкими брызгами-звездочками.

Дождь…

Сознание вдруг крутанулось в черном омуте неожиданных воспоминаний и…

…

Это был дождь…

Крупный, проливной дождь, который хлестал косыми струями, вспенивая лужи.

— Первый, пошел! — Сквозь треск помех несущей частоты, на которую вторглась гроза, голос взводного казался чужым, злым и далеким.

Лиза вскочила с раскисшей земли, по которой бежали мутные потоки воды, и рванулась к ближайшему обветшалому зданию, возвышавшемуся на краю поселка унылой серой массой.

Вода рушилась с хмурых небес, крупные капли с отчетливым звуком барабанили по бронепластинам скафандра, стекали по забралу гермошлема змеящимися струйками… Видимость была отвратительной, а термальная оптика, которая каждые десять секунд автоматически включалась ровно на один миг, дела па мир вокруг еще более зловещим и таинственным, высвечивая на фоне зеленоватой мути яркие тепловые контуры зданий.

Внешние микрофоны передавали чавканье раскисшей от дождя почвы, монотонный шум дождя да тонкое подвывание сервоприводов скафандра, которые помогали мускулам, позволяя бойцу бежать, несмотря на два центнера навешанной на него брони и экипировки.

Рывком преодолев сто метров, Лиза резко присела.

Угол здания закрывал от нее улицу. Материал стены покрывали змеистые трещины. На земле валялись куски пластиковой черепицы.

Она прижалась к стене, медленно выдвигая из-за угла ствол своей импульсной винтовки.

Прицел, закрепленный поверх электромагнитного компенсатора оружия, был соединен со скафандром тонким оптико-волоконным кабелем.

Умная это вещь — «ИМ-12». Лиза чуть повела стволом из стороны в

сторону. Панорама пустынной улицы, спроецированная на забрало ее гермошлема, послушно проплыла перед глазами.

— Первый на позиции… — доложила она спустя несколько секунд, когда дыхание немного успокоилось после быстрого бега. — Все чисто!..

— Второй, пошел!

Сбоку из грязи поднялась бронированная фигура и, чуть покачиваясь, побежала вперед, в разлом улицы, пересекая ее наискось, от устья к выбитой витрине универсального магазина, где порывистый ветер трепал серую, вылинявшую на солнце завесу, чудом сохранившуюся с той поры, как люди навсегда покинули здание.

Продолжая наблюдать за улицей, Лиза коснулась языком сенсорной кнопки, расположенной в нижней части забрала, и коммуникатор послушно включил резервный канал связи.

Тишина… Гробовая тишина в эфире, там, где должны были присутствовать позывные базового корабля.

Оставалось надеяться, что во всем виновата гроза.

Гром в небесах ворочался раскатисто, басовито, и в унисон его рокоту волнами накатывали помехи.

Фигура Позднякова скрылась в проеме выбитой витрины.

Ветер мел по улице косые струи дождя, и казалось, что это делается специально, нарочно. За мутной пеленой плавали контуры зданий, прихотливо показывая свои фрагменты: Лизе был виден то участок стены метрах в двадцати от нее, то блестящая от воды крытая щербатой черепицей крыша того же здания, а то просто смутные провалы выбитых окон.

Похоже, что все вымерли. Колония была покинута, и случилось это, судя по некоторым признакам, не так давно. Возможно, каких-то полвека назад.

Она оставалась на той же позиции, пропустив мимо себя уже десять серых, мокрых от дождя бронированных фигур.

Взвод двигался медленно, тягуче. Капитан осторожничал, и правильно делал. Внезапная потеря связи с базовым кораблем высадки заставит нервничать кого угодно.

— Первый… Вперед сто!..

Приказ, как его ни ждешь, всегда почему-то приходит внезапно. Вот и сейчас она вздрогнула, услышав свой позывной, а ноги уже пружинисто выпрямились, выбрасывая тело из-за угла, и темный, потрескавшийся стеклобетон уличного покрытия сам собой летел под ноги в такт размашистым тяжелым шагам бронированной фигуры.

Она успела пробежать метров пятьдесят, когда внезапно начался бой.

Шум дождя, вой сервоприводных движков скафандра, басовитый рокот грозы — все эти звуки заглушили разрыв, и получилось так, что Лиза внезапно увидела его: сноп огня с дымным султаном наверху вдруг вырос справа от нее, и тут же по броне скафандра ощутимо резанули осколки…

Взрывной волной Лизу приподняло и швырнуло на груду осыпавшегося кирпича, которая, вероятно, была когда-то гаражом или сараем.

Падая, она успела заметить, как по раскисшему склону господствующей над заброшенным поселком высоты ползет, харкая огнем из спаренных стволов башенного орудия, нечто, отдаленно напоминающее планетарный танк…

— Первый… вижу противника…

Удар об землю на миг выбил воздух из отшибленных легких.

Двигатели скафандра натужно завыли, пытаясь поднять ее с кучи щебня, в который взрыв превратил стену близлежащего здания.

На несущей частоте взорвался хрип помех; далекий голос пилота был едва различим на фоне статических разрядов:

— Борт на связи… Ничего не вижу… Попал в зону низкой грозовой облачности… Повторите координаты, Первый… Дайте привязку к местности, попытаюсь обеспечить поддержку огнем…

Лиза скатилась по дымящейся куче бетонного крошева.

Разрывы плясали вдоль улицы, вышибая остатки стекол из ветхих рам.

— Борт, даю координаты… — Она смотрела на местность, совмещая ее с прозрачной тактической картой, что мгновенно спроецировалась на забрало ее гермошлема. — Высота 37–02, южный склон… Наблюдаю… — она поняла, что за это время там появилось еще четыре медленно ползущих, плюющихся огнем силуэта, — наблюдаю пять, повторяю, пять единиц бронетехники. Взвод под огнем! Связь нарушена…

Огненный шквал подмел улицу и метнулся куда-то в глубь квартала.

В серое небо взметнулись куски битого кирпича, угол одного из зданий вдруг начал оседать, окутываясь клубами белесой пыли.

Лиза короткими перебежками сменила позицию.

Их подразделение попало в засаду, и она оставалась сейчас единственной, кто мог скорректировать огонь.

Не обращая внимания на разрывы, на боль в руке и нервное попискивание датчиков жизнеобеспечения, Лиза продолжала перемещаться, двигаясь сквозь покинутые коробки зданий, стараясь не

упускать из поля зрения проклятый склон господствующей высоты, откуда неизвестный противник вел ураганный огонь по поселку.

— Борт, вы меня слышите?

Треск помех ответил ей зловещим шорохом.

Позиция Лизы оказалась ближе всего к холму Остальные бойцы не видели противника из-за зданий, и тем не менее из глубины квартала в сторону злополучного склона выметнулось и упало по короткой дуге несколько залпов реактивной установки. Ракеты осыпали нижний участок склона частыми сполохами разрывов, но легли слишком близко и неточно…

И в этот миг из плотной пелены туч вырвался наконец огненный след настоящего залпа.

Пять управляемых ракет класса «воздух — земля» снесли вершину возвышенности, на миг превратив ее в кипящий котел.

Перелет…

— Борт, ближе двести! — выкрикнула Лиза в коммуникатор.

Следующий залп лег точно, в яблочко.

Фонтаны кипящей грязи еще не успели опасть назад на потревоженную землю, когда из-за низкой гряды облаков в прослойку между давящим небом и землей вырвался десантно-штурмовой модуль.

Лиза запрокинула голову, провожая взглядом исполинскую крылатую тень, на мгновение закрывшую собой весь белый свет…

БОРТ 618. «ОРФЕЙ»

Огромные буквы влажно блестели на броне модуля, чуть выше истекающих паром раскаленных отверстий ракетных установок, которые только что произвели залп.

Проводив глазами модуль, Лиза перевела взгляд в сторону холма.

Порывистый ветер и дождь разорвали клочья дыма, прибили его к земле, разметали по сторонам, показывая черные, покореженные остовы четырех планетарных танков.

Башня пятого, который застыл на середине склона со сбитыми траками гусениц, рывками поворачивалась в сторону Лизы.

Еще секунда, и два ствола спаренного орудия дернулись, со звонким лязгом выплюнув в ее сторону свою смертельную начинку.

Лизу подняло в воздух, перевернуло, и, падая, она успела заметить, как плавно опускается десантно-штурмовой модуль, поливая шквальным огнем бортовых орудий последнюю, уцелевшую после залпа цель.

Дальше наступил кромешный мрак…

…

Открыть глаза стоило ей неимоверных усилий.

Это было прошлое… ее прошлое!..

Лиза не знала, плакать ей от радости или же, наоборот, ужаснуться прорвавшимся сквозь дымку забвения воспоминаниям?

Борт 618… «Орфей»…

Что это было? Где? Когда?

Сознание молчало, будто в его глубинах захлопнулся некий портал.

Дорога в прошлое вновь оказалась наглухо перекрытой, но теперь Лиза получила хоть маленькую зацепку.

«Орфей»… Это наверняка являлось названием базового корабля, к которому был приписан десантно-штурмовой модуль с бортовым номером 618.

Все происходило во временных границах двадцатилетней давности.

То был период развала Конфедерации Солнц…

Мысль Лизы работала быстро, лихорадочно. Дождь усилился, превратившись в настоящий ливень, ветвистые молнии кроили почерневший небосвод где-то над городом.

Борт 618… «Орфей»… В мыслях это звучало как заклинание, ключ к прошлому. Лиза внезапно поняла, что именно должна сделать. Она должна найти любое упоминание о данном космическом корабле, выяснить его порт приписки, и тогда эта тонкая, непрочная нить действительно приведет ее к прошлому.

К прошлому, в котором она погибла.

В ее болезненно проснувшихся воспоминаниях присутствовала некая планета. Лиза попыталась проанализировать свое подсознательное отношение к тому месту, которое запечатлела ее память, и вдруг отчетливо поняла: это была чужая планета. Чужая планета, где они нашли брошенные города, погибшую по непонятным причинам колонию…

Воспоминания, ощущения нанизывались одно на другое, постепенно превращая тонкую нить в явный след.

От былой безысходности не осталось и следа. Лиза почувствовала себя так, будто еще раз заново появилась на свет. Реальное воспоминание взбудоражило ее разум, дало новый импульс к действию, заставило очнуться, мобилизовало волю.

Надолго ли хватит ее решимости?

Лиза завела двигатель машины и включила автопилот, позволив автоматике самой выруливать с узкой лесной прогалины. Через минуту под колесами заскрипел мокрый гравий проселка.

Ее путь лежал назад, в город.

* * *

Уже совсем стемнело, когда Лиза вновь въехала в Александрийск.

Как ни жаль, но прежде всего следовало избавиться от машины. Несколько минут поработав с картой и программными приложениями автопилотов, она нашла наконец то, что требовалось ей в данный момент.

Свернув с главной радиальной магистрали, которая вот-вот должна была превратиться в Южный проспект, Лиза несколько минут плутала по окраине города, пока не выехала к длинному сетчатому забору огораживающему площадь размерами с несколько футбольных полей.

Внутри огороженного пространства возвышались темные, уродливые нагромождения металла. Проехав еще немного, она увидела ворота, свернула к ним, остановила машину и несколько раз настойчиво просигналила.

…Прошло минут десять, прежде чем широкие ворота из металлической сетки открылись перед ней. В ночном мраке лениво ползали три луча прожекторного света, выхватывая из тьмы хаотичные нагромождения старых, отслуживших свое машин.

Никто не вышел к воротам, они открылись сами по себе.

Лиза осторожно ввела «Гард» в теснину между двумя отвалами старой техники. Фары ярко освещали наклонные стены этого своеобразного ущелья, в конце которого находился небольшой участок свободного пространства. Вырулив на него, она остановила «Гард» и вылезла наружу.

— Эй, тут есть кто живой?

— С чем пожаловала, крошка? — раздался из темноты сиплый, каркающий голос, и в освещенный фарами круг вступил полный лысеющий мужчина, одетый в рваную майку неопределенного цвета и серые залатанные штаны, на которых выделялись разводы маслянистых пятен. В руках он сжимал разводной ключ, который при таком «прикиде» мог оказаться как инструментом, так и оружием, смотря по обстоятельствам.

Лиза критично осмотрела мужчину, смерив его долгим, пристальным взглядом, и сказала:

— Мне нужен хозяин.

— Ну? — Он заинтересованно смотрел на нее, похлопывая увесистым ключом по своей заскорузлой ладони. — Я хозяин. Что нужно?

— Хочу продать машину.

Человек, назвавшийся хозяином раскинувшегося вокруг техногенного

хаоса, прищурился.

— Эту, что ли? — он кивнул на флаер.

— Да.

— Не пойдет… — Толстяк, не раздумывая, отрицательно покачал головой. — Я не самоубийца.

— Почему? — нахмурилась Лиза.

Хозяин свалки почесал живот и пожал плечами.

— Потому что завтра сюда придут дюжие ребята и порвут меня на части, — охотно пояснил он. — Пригони какую-нибудь ржавую колымагу, тогда и поговорим. А эту я покупать не буду. Слишком дорого обойдется…

— А сколько она стоит? — Лиза была не намерена отступать. Здравая предусмотрительность толстяка огорчила ее, но, как известно, к любому человеку можно подобрать свой ключик…

Лысый здоровяк опять прищурился. Немного поколебавшись, он все же подошел к машине, придирчиво осмотрел ее, даже заглянул в салон через открытую дверь.

— Все равно, иначе как на запчасти ее никто не возьмет… — проворчал он, возвращаясь на исходную. — Паленая ведь… Ну тысяч семь, не знаю даже.

Чтобы рассеять его сомнения, Лиза поджала губы.

— Пять, — произнесла она. — Наличными.

«Гард» стоил тысяч пятьдесят. По отношению к Сэму она поступала как последняя свинья.

Лиза отчетливо понимала и первое, и второе.

— Наличными? Даже не знаю… — Хозяин свалки опять почесал волосатую грудь. Ночи в эту пору стояли теплые, а рваная майка его, похоже, не смущала.

Он снова подошел к машине, критически осматривая «Гард».

— Ладно… — наконец вздохнул он, когда алчность явно пересилила здравый смысл. — Подожди тут, я сейчас вернусь.

Он исчез в темноте, а Лиза осталась стоять в кругу света.

Ее внезапно окружила глубокая тишина. Вокруг после закончившейся грозы влажно поблескивали кузова старых машин, в небе, уже очистившемся от туч, таинственно мерцали звезды.

Она шла от одного безумства к другому.

Ее гнал непрекращающийся цейтнот, но разве существовал у нее выбор, по крайней мере теперь, когда бегством из «Старого Железа» она превратила своего единственного союзника в еще одного преследователя?

Нет. Промедление для нее было равносильно смерти, и в создавшейся

ситуации Лизе оставалось одно: бежать, не оглядываясь, не останавливаясь ни на секунду, в призрачной надежде опередить судьбу и своих преследователей хотя бы на миг…

Из мрака вынырнула фигура хозяина свалки.

— На… — Он протянул Лизе пухлую пачку затасканных галактических банкнот. Принимая деньги, она заметила, что разводной ключ он на всякий случай сменил на импульсный пистолет.

Лиза взяла деньги, не пересчитывая, сунула их во внутренний карман пиджака.

— Где тут можно добыть унифицированное удостоверение личности межпланетного образца? — спросила она.

Лицо скупщика стало деревянным.

— Ничего не знаю, да? — неприязненно переспросила Лиза.

Он угрюмо посмотрел на нее.

— Слушай, ты продала тачку?

— Продала.

— Вот и катись.

Рука Лизы успела дернуться лишь на какой-то ничтожный сантиметр.

Машинальная реакция, подавленная усилием воли, не испугала ее, но заставила задуматься.

— Хорошо… Я ухожу.

Выйдя из освещенного круга, она почувствовала, что спину ломит от осознанного ожидания подвоха, но все обошлось, слава богу…

Вспомнив про свою машинальную реакцию на слова хозяина свалки, она нахмурилась, стараясь как можно быстрее покинуть мрачное искусственное ущелье и очутиться за воротами.

«Милая, ты никого не будешь убивать…» — мысленно приказала себе Лиза. — «Побереги свои навыки для настоящих врагов, подруга…»

Метров через сто она остановилась. Засунув руки в карманы, нащупала две карточки, вытащила их, секунду подержала в пальцах, а затем решительно зашвырнула в дренажную канаву, которая окольцовывала свалку машин.

Все. Теперь у нее снова не было ни гражданских прав, ни собственного имени.

А что у нее осталось?

Импульсная «гюрза» в наплечной кобуре, пиджак с чужого плеча, темные очки, пять тысяч в замусоленных мятых банкнотах межпланетного банка «Онтарио» да еще ноющая пустота в груди.

Шагая по мокрому тротуару в сторону близких рекламных росчерков,

она понимала, что опять осталась одна во всей Вселенной.

Не робот и не человек, так, что-то слепленное наспех и уже, вероятно, списанное со счетов…

Ну это мы еще посмотрим… Посмотрим…

Заметив опознавательный знак снижающегося аэротакси, Лиза требовательно взмахнула рукой.

* * *

— Куда вы хотите попасть, мэм? — вежливо осведомился электронный голос.

— Сколько сейчас времени?

— Одиннадцать двадцать, — ответил голос бортовой кибернетической системы.

Лиза назвала адрес.

Указанный дом оказался низкой пятиэтажной пристройкой к огромному небоскребу.

«Чушь какая-то получается…» — подумала Лиза, разглядывая ряд темных окон. — «Зачем содержать региональное представительство в нескольких километрах от центрального офиса?»

Лиза и так была уверена, что Криган не лгал ей, но все же чувствовала, что обязана проверить этот адрес, который фигурировал в электронной версии договора купли-продажи.

Покинув такси, она подошла к дверям. За ними гнездился мрак. Потрогав двери и убедившись, что они заперты, Лиза обошла пристройку по кругу. Сзади на первом этаже светилось одно окно, рядом с которым располагалась металлическая дверь.

Скользнув взглядом по темному фасаду, Лиза заметила на его углах выделяющиеся на фоне неба контуры видеокамер ночного наблюдения.

Ага… понятно.

Она напрямую пошла к железной двери.

Как ей и подсказала интуиция, за дверью располагалось помещение охранника. Он наверняка наблюдал за ее появлением на контрольных мониторах, и Лиза не удивилась тому, что из встроенного динамика раздался голос:

— У нас закрыто.

Лиза сделал еще шаг, оказавшись рядом с переговорным устройством.

— Я ищу региональное представительство корпорации «Киборгсистемз».

На несколько секунд в переговорнике царила тишина, потом тот же

голос ответил:

— Сожалею, но вы опоздали, мэм.

— Да, да, я уже поняла, что сегодня закрыто, но…

— Нет, я имел в виду, что вы вообще опоздали. Их договор аренды истек неделю назад. В помещение уже въезжает другая фирма, она открывается с завтрашнего дня.

— А что же мне делать? Куда они уехали?

— Не знаю, — буркнул скрытый динамик. — Обратитесь в центральный офис корпорации.

Лиза прикусила губу. Ну вот, эта ниточка оборвалась… Чего, собственно, и следовало ожидать.

— Спасибо, извините…

* * *

Было уже начало второго, когда Лиза, совершив несколько неудачных попыток, нашла наконец подходящее по всем критериям ночное заведение.

Мятая пачка наличных, отсутствие электронной карты и импульсный пистолет, от которого она пока не спешила избавиться, предполагали, что теперь ее среда обитания — это городские трущобы. Она не могла появиться в более или менее благополучном районе без риска быть схваченной. Все магазины и иные общественные учреждения Александрийска работали на принципе электронных карт, большинство из них имели сложные системы безопасности на входе, и путь туда для Лизы был, как говорится, заказан.

Впрочем, она не особо расстраивалась по этому поводу. Тот вид услуг, который ей был необходим в данный момент, в универсальном магазине не получишь.

Вывеска ночного притона, перед которым она остановилась, предлагала название «Бар», но, судя по двум невменяемым личностям, подпиравшим стены у входа, питейное заведение некоего Дорри являлось лишь вершиной айсберга. Основная, более порочная его часть пряталась глубже и не нуждалась в лазерной рекламе.

Перешагнув порог полуподвального помещения, Лиза оказалась в сумрачном вестибюле. Оглядевшись, она заметила, что часть стены представляет собой бронестекло, в котором имелось крохотное зарешеченное кассовое окошко. Подойдя ближе, она увидела, как за мутной, давно не мытой полупрозрачной преградой худосочный парнишка листает топографический журнал с порно-комиксами.

Заслышав ее шаги, он отложил свое занятие и повернул голову, даже

не удосужившись встать.

— Ну, чего тебе?

Лиза раздумывала, обратиться ли ей к нему со своей проблемой или же поискать нужного человека непосредственно в зале?

Ее нерешительность была истолкована по-своему.

— Слушай, хочешь войти — гони десятку. Нет, значит, вали на фиг отсюда. — Парнишка подозрительно покосился на ее черный пиджак явно мужского покроя.

Лиза поняла, что попала именно туда, куда нужно. Единственным серьезным неудобством, которое она испытывала, было отсутствие какого-либо опыта пребывания в подобных местах…

Внезапно на выручку опять пришло подсознание. Лиза, откровенно говоря, уже стала побаиваться таких вот интуитивных всплесков потаенного знания, каждый раз задавая себе один и тот же вопрос: кем же ты была на самом деле в прошлой жизни?..

— На свою десятку… — Она, не доставая всей пачки, на ощупь вытащила из нее замусоленную банкноту, как бы невзначай показав при этом наплечную кобуру с рифленой рукоятью «гюрзы», торчавшей из нее. — Где найти босса? — небрежно осведомилась она, ожидая сдачи с двадцати кредитов.

— На хера тебе? — удивился он.

— Не твое дело. С «шестерками» это обсуждать я не намерена.

Он оторвал свою задницу от стула, подался к зарешеченному окошку, но ожегся о ее взгляд.

— Пушку сдай. — Он кивнул на отдельные ячейки-сейфы, в которых торчали ключи-карточки.

Лиза не торопилась выполнить его требование.

— Под кем ты ходишь, мальчик? — спросила она, облокотившись о куцый прилавок.

— Это заведение Дорри.

— Он тут?

— Тут. Ты будешь выполнять правила?

— Не бойся. На… — Лиза скинула пиджак с одного плеча и сняла кобуру. — Позвони Дорри и скажи, что есть дело.

Парень принял импульсный пистолет. Кадык на его небритой шее нервно дернулся. Сунув оружие в сейф, он отдал Лизе ключ-карту и вытащил коммуникатор.

— Дорри, это Хьюган. Тут какая-то телка… Хочет перебазарить с тобой. Что? Да нет, строит из себя крутую. Ладно… Понял… — Свернув

панель мобильника, он нажал кнопку на расположенном перед ним пульте. Сбоку с характерным щелчком электрозамка открылась дверь.

— Прямо по коридору, первая дверь направо.

* * *

В некотором смысле можно сказать, что Лизе повезло: Дорри оказался достаточно сносным типом.

Открыв указанную дверь, она не без опаски вошла внутрь. Комната хозяина оказалась, не в пример кабинету Сэма, грязной и тесной. Очевидно, публика тут отиралась еще та. Скользнув взглядом по стенам, с которых кое-где уже облупились облицовочные панели, Лиза наконец увидела того, кто ей, собственно, и был нужен.

Хмурый, плотно сбитый тип лет сорока сидел за обыкновенным канцелярским столом, позади которого у стены притулились два объемистых сейфа.

Смерив Лизу оценивающим взглядом, он чуть приподнял свою задницу со стула, протягивая руку.

— Дорриган, — представился он. — Можно просто Дорри, крошка… — Он чуть дольше, чем положено, задержал ее руку в своей влажной пятерне, и Лизе пришлось приложить некоторое усилие, чтобы высвободиться.

— Ну? — Он ухмыльнулся, продолжая облизывать ее сальным, достаточно откровенным взглядом. — Что у тебя за дела ко мне, детка?

Лиза молча подавила растущее внутри раздражение и села на стул.

— Нужно унифицированное удостоверение личности.

— Кому? — лениво осведомился Дорриган, ковыряя в зубах. В комнате было достаточно жарко, и его физиономия лоснилась от пота. Ко всему прочему, он имел привычку раскачиваться на стуле, невольно вызывая желание подтолкнуть его и посмотреть, как ноги местного босса будут трепыхаться в воздухе после того, как он припечатается затылком о металлический угол сейфа…

— Мне, — лаконично ответила Лиза, мысленно удивляясь количеству агрессивных побуждений, которые будил в ее душе этот тип.

— Межпланетное?

— Да, обязательно.

Дорриган задумался.

— Бабки есть? — наконец спросил он.

— Есть. Сколько это будет стоить?

Вопрос Лизы вызвал легкую ироничную улыбку, которая показалась

ей гримасой из-за сложившихся вместе жировых складок его подбородков.

— Две штуки, — возведя глаза к потолку, ответил Дорриган.

— А если наличными?

— Наличными? — Он покачнулся на стуле. — Наличными хватит и полутора… — В его тоне внезапно проскользнули заинтересованные и уважительные нотки. В городе, где большинство взаиморасчетов производилось при помощи электронных карт, наличные деньги котировались намного выше, чем в иных местах. Лиза подозревала, что существует целая категория граждан Кассии, которые за всю жизнь ни разу не держали в руках наличных денег и знали об их существовании чисто теоретически.

— Ладно. Я согласна. Когда это можно устроить?

— Если деньги с собой, то хоть сейчас. — Он еще немного подумал и добавил: — Могу помочь с кредитной картой, если есть интерес. Мы берем пять процентов комиссионных.

Кредитная карта была вторым вопросом в повестке дня, и Лиза порадовалась, что он сам затронул эту тему.

Существовал, конечно, определенный риск, что он вдруг поддастся соблазну свернуть ей шею, чтобы просто присвоить себе деньги, но избежать подобной вероятности она уже не могла. Приходилось идти ва-банк, иначе она рисковала встретить рассвет на улице, без каких-либо документов и возможности к дальнейшим действиям.

— Идет, — ответила Лиза, доставая пухлую пачку засаленных банкнот, полученную от владельца автомобильной свалки. — Здесь пять штук… — Она небрежным жестом кинула деньги на стол. — Полторы на удостоверение, остальные на банковский счет.

Дорри несколько секунд смотрел на рассыпавшиеся веером наличные, потом медленно поднял взгляд на Лизу.

Ее холодные зрачки ввели его в явное заблуждение. По внешнему виду посетительницы он не смог прочесть того напряженного ожидания и потаенного страха, что на самом деле гнездились в ее душе.

Он встретил твердый колючий взгляд и потому отвел свой.

Весь вид Дорригана выражал почтительное разочарование. Лиза часто слышала расхожую поговорку, что наглость — второе счастье, но не подозревала, до какой степени точен ее смысл.

Выражение лица Дорригана ясно отражало его чувства. Он мыслил своими категориями. По его понятиям, человек, вальяжно ввалившийся к нему и небрежно бросивший на стол пять тысяч, либо беспросветный дурак, либо у него имеется серьезная крыша.

Тот факт, что он никогда не видел Лизу ранее, не говорил абсолютно ни о чем.

— Ладно. — Он вытащил из ящика стола коммуникатор и набрал короткий внутренний номер. — Ганс, зайди ко мне. Да, со всеми причиндалами.

— Выпьешь что-нибудь? — спросил он у Лизы, захлопнув панель номеронабирателя.

— Нет, — ответила она.

— Ну, как хочешь. — Он еще раз попробовал просверлить ее своими расширенными зрачками и снова был вынужден отвернуться, как бы говоря: ну, ладно, ладно, мне все равно…

«Они, как крысы…» — неприязненно подумала Лиза. Теперь, получив наглядный сравнительный урок, она вполне осознала, насколько «Старое Железо» отличалось от среднестатистического притона. Как ни крути, а все сравнения шли в пользу Сэма…

От таких мыслей в душу опять вползла едкая горечь несправедливой утраты.

Ее мысли нарушило появление Ганса. Вошедший в кабинет паренек производил впечатление больного подростка. Он был худ, нескладен, на его бледных щеках пылал нездоровый румянец. Черные круги оттеняли глубоко запавшие глаза.

— Привет… — он с неожиданным интересом посмотрел на Лизу, потом перевел вопросительный взгляд на босса. В руках Ганс держал ноутбук. — Ей, что ли, править будем? — осведомился он.

Дорриган кивнул, возобновляя покачивание на стуле.

— Ну? — Ганс притулился на краю стола, откинул крышку кейса и застучал по клавиатуре. — Имя, фамилия, социальный статус, род занятий? — скороговоркой выпалил он.

— Сара Смит, — ответила Лиза. — Экзобиолог, гражданство Кассии. Полный гражданский статус с общегалактической туристической визой.

Она не видела, что за программы работают у этого паренька, но его пальцы так и порхали над сенсорной клавиатурой.

Минут через пять он удовлетворенно хмыкнул. Вытащив из нагрудного кармана две пластинки заготовок, которые, по мнению Лизы, на первый взгляд ничем не отличались от стандартных бланков, Ганс сунул их в приемную щель какого-то устройства, вмонтированного в корпус ноутбука.

Через секунду внутри открытого кейса что-то застрекотало, и на худосочном лице молодого хакера отразились блики от судорожного

помаргивания индикатора загрузки.

— Бланки настоящие? — осведомилась Лиза.

Ганс дернулся. Вероятно, эта судорога означала пожатие плечами.

— Настоящие, — заверил он. — Я эту базу данных не в первый раз ломаю… — Он вдруг прикусил язык, нарвавшись на тяжелый взгляд Дорригана, который пересчитывал деньги.

— Заткнись, — посоветовал ему Дорри. — Занимайся делом. — Он перевел взгляд на Лизу. — Мальчик очень любит похвастать, — оскалился он.

В этот момент щель в корпусе ноутбука одну за другой выплюнула две прямоугольные пластины.

Ганс достал специальный фонарик, работавший на определенной длине световых волн, и протянул его Лизе вместе с карточками.

— Вот. Прошу убедиться. Фирма гарантирует. — Лиза посветила на пластины. В неуловимых для глаза лучах на них, словно по волшебству, проступили буквы и цифры.

Внешне все выглядело нормально.

Она вернула Гансу фонарик, встала и, дождавшись пока Дорри закончит пересчитывать деньги, произнесла:

— Приятно было иметь дело с вами, джентльмены.

Удовлетворившись тем, как вытянулись при этих словах рожи обоих «джентльменов», она спокойно спрятала карточки во внутренний карман пиджака и добавила:

— Если у меня не возникнет проблем, то можешь считать, что приобрел постоянного клиента, Дорри.

Не дав ему опомниться, Лиза вышла.

Ее расчет был прост — намек на постоянного клиента и будущую прибыль хоть немного, но гарантировал ее от внезапного нападения сзади.

Благополучно выбравшись в знакомый вестибюль, Лиза забрала оружие. Теперь оставалось одно: проверить обе полученные карточки в деле, и тогда…

Тогда у нее появится мизерный, призрачный пока что шанс ускользнуть с Кассии.

Александрийск. Гостиничный комплекс центрального космопорта планеты. Раннее утро…

— Я бы хотела заказать номер. — Лиза сняла темные очки и облокотилась о стойку, за которой восседал сонный администратор.

Интуиция подсказывала, что время выбрано верно — промежуток между четырьмя и пятью часами утра являлся самым «глухим» отрезком времени в смысле особенностей человеческого метаболизма. Нормальный организм в это время затормаживается, вне зависимости от намерений его обладателя.

— Ваше удостоверение личности и кредитную карту.

Администратор как мог боролся с сонливой вялостью. Впрочем, он и не пытался скрыть это, проявляя лишь минимум любезности.

Лиза протянула требуемые документы, покосившись на зеркало, где виднелся угол дивана и дремавший на нем охранник в форме МСБ.

Администратор заполнил какой-то бланк, потер глаза, а затем сунул обе карточки в щель считывающего устройства, сам того не подозревая, что вот уже минуту, как находится на волосок от смерти. Он и подумать не мог, что его судьба сейчас зависит от добросовестности абсолютно незнакомого ему хакера из полуподвального притона на окраине Александрийска…

Лиза ожидала в томительном напряжении, пока машина осуществит проверку. В ее руках был свернутый пиджак Лайта, в который она завернула импульсный пистолет.

Администратор покосился на экран, хмыкнул и принялся вводить данные с терминала.

— Все в порядке, мэм… — наконец произнес он, — ваш номер двести семнадцать, на втором этаже. — Он выдавил дежурную, улыбку.

— Там есть компьютерный терминал? — осведомилась Лиза, незаметно высвобождая правую руку.

— Конечно. Выход в сеть Интерстар по обычному тарифу. Ночью — скидка десять процентов. Сейчас я оформлю все бумаги, госпожа Смит, и…

— Где у вас уборная? — перебила его Лиза. Администратор указал на одну из дверей, расположенную рядом с дремлющим охранником.

— Спасибо. Я сейчас вернусь.

Если бы он знал, какое невероятное душевное облегчение испытала в этот момент ранняя посетительница.

Она была свободна… Ее новой фамилии никто не знал. След Лизы Стриммер обрывался, и новорожденная Сара Смит никак не могла ассоциироваться с ней.

Войдя в уборную, она осмотрелась.

Никого… Для верности Лиза заглянула во все кабинки, потом нашла взглядом приемник утилизатора отходов и, вздохнув, скормила небольшой сверток в ненасытную пасть атомного утилизатора.

Внутри аппарата последовала короткая, голубая вспышка, и пиджак

Лайта распался на атомы вместе с завернутым в него оружием. Лиза знала, что на всех этажах гостиницы обязательно будут расположены детекторы и потому входить туда с импульсным пистолетом было бы самоубийством.

Нет, теперь до поры она предпочитала оставаться законопослушной Сарой Смит — полноправной гражданкой планеты Кассия.

* * *

Только войдя в гостиничный номер и закрыв на ключ его дверь, Лиза позволила себе немного расслабиться.

Все… Она выиграла первый раунд.

Почему-то мысль об этом не принесла с собой никакого ликования. Сев в кресло, она вдруг почувствовала, что, совершив некий круг, вернулась к тому же душевному состоянию полной опустошенности, как вечером рокового дня Сережиной смерти.

Мысль о погибшем муже заставила ее проверить, на месте ли кристалл с его сознанием.

Достав теплый колючий камушек, Лиза положила его на ладонь и долго пристально смотрела на невзрачный кристалл, пытаясь поверить, что этот кусочек кремния есть не что иное, как мощнейший компьютер, произведенный древней, давно исчезнувшей из этой Галактики расой Логриан.

Она не сомневалась, что такой же кристалл, вживленный в ее мозг, был имплантирован туда людьми.

«Хотя… как знать?..» — подумала Лиза, и от этой мысли на душе стало холодно, неуютно.

Воспользовавшись ее минутной расслабленностью, вдруг навалилась усталость, давая знать о себе легким головокружением и тупым безразличием к окружающему.

Жутко хотелось спать. Голод, который Лиза испытывала несколько часов назад, теперь притупился. Она понимала, что должна поесть и выспаться, но у нее еще осталось одно важное, не терпящее никаких отлагательств дело, и поэтому Лиза в полном смысле слова заставила себя встать и пересесть в другое кресло, расположенное перед стандартным терминалом Сети.

Она не стала даже прикасаться к шунту нейро-сенсорного соединения. Это было ни к чему. Она не собиралась торчать в сети Интерстар — для этого не было ни сил, ни времени, ни лишних денег. Машина сама осуществит поиск необходимой информации и отключится, когда закончит его.

От Лизы сейчас требовалось лишь одно: грамотно ввести критерии поиска, чтобы не получить в ответ на свой запрос массу ненужных сведений общего характера.

Сформулировать задачу для поиска действительно оказалось нелегко, и она трижды с растущим раздражением уничтожала плод своих усилий, чтобы начать работу заново.

Наконец, удовлетворившись очередным вариантом, она еще раз перечитала задание и коснулась сенсора «Ввод».

Вспыхнувший на панели управления индикатор тут же показал, что поисковая программа уже вошла в Сеть и приступила к исполнению задания.

Все… Теперь умыться и спать…

Лиза добралась до кровати, ощущая себя выжатой как лимон. Никогда еще постель не казалась такой мягкой, желанной и манящей.

Укрывшись одеялом, она закрыла глаза, и сознание тут же крутанулось, увлекая ее в черный омут провального, глубокого сна.

Последней мыслью, которую успел задержать ее разум, было болезненное воспоминание о Сэме…

…

…Оглушительный грохот вспорол сторожкую тишину дождливого дня.

Лиза лежала в грязи. На нее сверху навалилось что-то тяжелое, мягкое. Очнувшись от беспамятства, она попыталась пошевелиться, но острая боль пронзила весь правый бок, и как раз в этот миг она услышала лающий, отрывистый грохот, будто рядом кто-то часто и равномерно замолотил куском железа по жестяному листу.

Придавившая ее сверху масса неприятно дернулась, принимая удары, и одновременно к Лизе вернулось зрение.

Она увидела лужу, всю в мелких кружочках от моросящего дождя. Грохот повторился, и мимо нее пробежала частая строчка фонтанчиков, которые вспороли поверхность лужи и вдруг полоснули по стене здания, оставляя в бетоне уродливые выщербины.

Следом накатился урчащий, басовитый гул.

Забрало ее гермошлема было разбито, она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, хуже того — она не чувствовала их…

Через проем забрала, от которого остались лишь острые осколки по краям обода, на ее лицо попадал дождь.

Она попыталась приоткрыть рот, облизать обметанные жаром губы и ощутила что-то вязкое и солоноватое. С усилием сплюнув, Лиза увидела,

как на поверхности мутной лужи расплылось алое пятно…

Кровь…

Гул стал ближе, отчетливее. С гребня изуродованной стены от появившейся вибрации вниз посыпалась мокрая бетонная крошка.

Из дождливого сумрака на нее медленно наползала угловатая, лязгающая траками гусениц, воняющая дымным выхлопом тень. Вот она накрыла собой кусок обрушенной стены и внезапно остановилась.

Ударил о броню откинутый люк, затем кто-то очень легкий спрыгнул в грязь.

Лиза инстинктивно сжалась, ожидая услышать человеческую речь, но вместо этого раздался тихий переливчатый скрежет, словно рядом очень медленно открывалась ржавая дверь…

…Одновременно со скрежетом в сознании Лизы кто-то прорвал полог боли, и она, мгновенно задохнувшись от нее, услышала тихий, идущий из глубин ее сознания голос:

— Еще один живой гуманоид… По-моему, это их самка… Начинай сканирование мозга, пока она совсем, не истекла кровью…

Кто-то наклонился к ней, и в поле зрения Лизы вплыло лицо…

Ужасное, нечеловеческое лицо.

— У нее перебит позвоночник. Давай быстрее, пока еще не поздно.

Она не могла пошевелиться. Та мягкая масса, что накрывала ее, принимая удары пуль, оказалась истекающим кровью телом Соломцева.

Его спихнули в лужу, и мутная вода тут же стала алой.

Отвратительная конечность потянулась к гермошлему Лизы, и она закричала, зло, хрипло, последним усилием воли впившись зубами в нечеловеческую плоть…

…

…Полный невыразимой муки крик затравленным эхом метнулся меж стен и затих.

Лиза рывком села, безумно озираясь по сторонам.

Ее грудь разрывало частое, прерывистое дыхание, воздуха не хватало, по телу струился ледяной пот.

Номер… Это всего лишь гостиничный номер…..

Господи…

Она рывком встала, покачнувшись на ослабевших ногах. Тело сотрясала крупная дрожь. Липкие капли ледяного пота все еще катились по спине щекочущими градинами.

Не люди… Это были не люди…

Ее память, медленно, но неуклонно возвращавшаяся, походила на

черный колодец без дна. Лиза стояла посреди гостиничного номера, и ее руки тряслись, когда она попыталась прикурить сигарету.

Это были не люди…

Смысл данного откровения, заключенного в обрывочном предсмертном воспоминании настоящей Лизы Стриммер, оказался столь страшен и одновременно столь значителен, что она едва не потеряла контроль над собственным рассудком.

Вся ее горечь, все злые мысли о людях, которые, как казалось Лизе, постоянно пытались грубо изнасиловать ее разум и тело, издеваясь над эволюционными и гуманистическими принципами — все исчезло, схлынуло, как приливная волна, оставляя после себя лишь дрожащую ясность полного понимания…

Где-то далеко, на неведомой пока Лизе планете, произошел контакт между людьми и совершенно иной, чуждой расой.

Контакт, закончившийся гибелью ее взвода.

Пошатываясь, Лиза прошла в ванную комнату. Стараясь не смотреть в зеркало на свое осунувшееся лицо, которое все еще хранило землистый оттенок ночного кошмара, она умылась. Ледяная вода принесла некоторое облегчение.

«Вот и замкнулся еще один круг…» — подумала она.

Выйдя из ванной, Лиза присела на краешек кресла и только сейчас, вырвавшись наконец из лап ночного кошмара, обратила внимание на то, что система компьютерного терминала завершила заданный поиск.

Экран монитора был темен как ночь. Под ним веселой искоркой горел зеленый индикатор резерва, Система выполнила задание и «уснула», сберегая ресурс аппаратуры.

Лиза перевела взгляд на хронограф.

Половина третьего. Несмотря на кошмар, она проспала почти девять часов, и неудивительно, что поисковая система успела за это время выполнить порученную работу.

Вот только нашла ли она искомое в глубинах межзвездной сети Интерстар?

Лиза уселась поглубже в кресло и с замиранием сердца коснулась сенсора активации.

Полусферический монитор просветлел, и в его глубинах проступили ровные строки текста из найденного документа.

Одного-единственного документа, который бы отвечал двум критериям поиска, заложенным ею в ключевую модель.

Лиза хотела, чтобы машина нашла любое документальное

свидетельство, где наряду с названием космического корабля «Орфей» упоминалась бы фамилия Стриммер.

Она не ошиблась в своем интуитивном предчувствии. Такой документ действительно имелся в Сети. Посмотрев на заголовок, Лиза поняла, что текст скачан с архивного сервера Совета Безопасности Миров и относится к периоду двадцатилетней давности, то есть ко времени последних крупномасштабных акций Галактического Патруля.

Миссия гуманитарного союза, действующая в составе интернациональных сил Совета Безопасности Миров, вынуждена признать, что поисково-картографический крейсер «Орфей», выделенный для поиска потерянных колоний, исчез в районе звездных координат PQ-49856-PX-09453.

Данные координаты описывают условный кубический объем пространства с ребром протяженностью в пять световых лет. Ввиду удаленности упомянутого участка от основных гиперсферных трасс, полномасштабная поисково-спасательная экспедиция, учитывая сложившиеся условия, не представляется возможной.

Миссия гуманитарного союза приносит свои соболезнования родственникам пропавших без вести членов экипажа. Список прилагается.

Лиза скользнула по столбцам имен и фамилий, пока ее взгляд не остановился на одной из строк этого погребального списка:

Второй десантно-разведывательный взвод. Лейтенант Лиза М. Стриммер.

Ее отца звали Майкл.

Сомнений больше не могло быть. Она нашла свое прошлое…

* * *

Через некоторое время по внутренней компьютерной сети космопорта прошел самый заурядный навигационный запрос.

Глядя на полученные данные, Лиза поняла, что за прошедшие двадцать лет многое изменилось. Теперь целых три гиперсферных трассы пересекали кубический объем пространства с координатами PQ-49856-PX-09453.

В этом районе находились всего две звездные системы, и обе имели планеты. Иные картографические данные по ним отсутствовали: район считался абсолютно бесперспективным в плане его колонизации.

Конфедерация Солнц распалась, Совет Безопасности вот уже лет

пятнадцать как стал организацией чисто номинальной, утратившей все свои былые рычаги управления освоенным пространством. Гуманитарной миссии в его составе больше не существовало. Судьба «Орфея» была прочно забыта и погребена под иными событиями, которые потрясали последние двадцать лет весь освоенный космос.

«Шансы пополам…» — подумала Лиза, разглядывая, характеристики двух звезд.

Глава 8

Борт грузопассажирского гиперсферного лайнера «Галатея». Приблизительная точка пространства — условный сектор PQ-49856-PX-09453. Семь дней спустя после событий на Кассии…

Капитан Форриган пребывал в прекрасном расположении духа.

Проходя по коридору пассажирской палубы, он по привычке придирчиво осматривал обе стороны широкого прохода в поисках каких бы то ни было нарушений или упущений со стороны команды, но этот ярус корабля, которым заведовал главный стюард «Галатеи», как обычно, выглядел безупречно.

Внезапно тишину коридора нарушил тоновый сигнал включения общекорабельной связи, и капитан услышал свой собственный голос, записанный в память бортовой кибернетической системы:

— Дамы и господа! Говорит капитан Гвен Форриган. Наш корабль завершает подготовку к переходу на следующий энергетический уровень аномалии космоса, и я хочу напомнить тем, кто недавно присоединился к нам, правила поведения пассажиров в момент внутрипрыжкового погружения.

Как известно, пространство гиперсферы условно делится на десять доступных для полетов энергетических уровней. Все вы должны знать, что перемещение в каждом последующем уровне происходит намного быстрее, чем в предыдущем, но при этом, соответственно, возрастает напряженность сопутствующего энергетического поля.

В момент перехода с одного энергоуровня на другой мы вынуждены переключать всю энергию корабля на защитные экраны, поэтому приблизительно на одну минуту в ваших каютах погаснет свет и будет функционировать только аварийное освещение.

Соответственно за двадцать, а затем за пять минут до начала перехода будет подан общекорабельный сигнал, после которого вы не должны покидать свои каюты. Детей рекомендуется держать на руках или пристегнуть в специальных креслах.

Как только переход будет осуществлен, бортовые генераторы вновь переключатся в обычный режим, силовое поле снизит свою напряженность, и мы продолжим полет уже на новом уровне аномалии.

Спасибо за внимание. Желаю приятно провести время на борту «Галатеи».

Голос Форригана смолк. Сам капитан в этот момент как раз проходил мимо каюты 1407, которую до недавнего времени занимала весьма симпатичная, но несколько странная особа.

Гвен, который в силу сложившейся традиции всегда обедал с пассажирами, даже запомнил ее имя, потому что Сара Смит занимала место за столом как раз напротив капитана и показалась ему весьма любознательной. Вообще Форриган редко встречал женщин, которые бы так живо интересовались техникой. Кроме того, как он уже отметил в мыслях, Сара была очень и очень симпатичной, хотя неестественная бледность, которую не мог скрыть даже искусно наложенный макияж, несколько портила ее лицо, создавая некоторое ощущение отчужденности и холодности.

К слову сказать, капитан Форриган ничего не имел против незначительных нарушений неписаных правил взаимоотношений между офицерами корабля и пассажирами. Поэтому он и вздохнул, скользнув взглядом по номеру каюты. Жаль, что Сара Смит покинула корабль в предыдущем порту. У них, наверное, мог бы завязаться весьма интригующий роман, задержись она чуть дольше на борту «Галатеи».

В этот момент по интеркому прозвучал сигнал раннего, двадцатиминутного предупреждения, и Форриган, отбросив мысли о Саре, поспешил в сторону ближайшей лифтовой шахты.

Он должен был как можно скорее попасть в рубку управления.

* * *

Мысленно оценивая Сару Смит, капитан Форриган допустил одну ошибку: утверждение, что она покинула борт «Галатеи» во время закончившейся три часа назад стоянки, не совсем соответствовало действительности.

Она и вправду, попрощавшись с капитаном, сошла по трапу на причал орбитальной станции планеты Грюнверк, но до таможенного контроля Сара Смит так и не добралась.

Грюнверк был огромным миром, полностью оправдывающим свое «зеленое» название, данное ему. немцами-колонистами, и поток туристов тут был чрезвычайно обилен. Благодаря постоянному наплыву людей на причалах царила непрекращающаяся суета. Толпы приезжих, их багаж, влекомый роботами-носильщиками, технический персонал причальных портов — все это образовывало пеструю суетливую человеческую массу, в которой то и дело возникали заминки, мелкие водовороты, заторы и недоразумения.

В конце концов толпа приезжих разбивалась на отдельные ручейки, которые неизбежно втягивались в жерла тоннелей, ведущих внутрь станции, где их, ждал паспортный контроль и таможенная служба.

Оказавшись в людском водовороте, Лиза, которая путешествовала налегке, без багажа, постаралась, чтобы поток прибывающих пассажиров оттеснил ее к закругляющейся стене зала, и, улучив момент, юркнула в один из боковых проходов.

Она не зря задавала капитану Форригану столько невинных на первый взгляд вопросов относительно планировки орбитальных станций. Теперь, оказавшись на одной из них, она достаточно быстро и уверенно нашла грузовые терминалы.

Грюнверк считался процветающим миром, и глобальная роботизация его орбитальной станции лишь подтверждала данное мнение.

В отсеках грузовых терминалов было пустынно. Здесь в основном царили роботы, которые лучше и быстрее, чем люди, выполняли работы по сортировке грузов и багажа. Длинные ленты конвейеров тянулись по обширным залам. По этим транспортным дорожкам перемещались сотни тонн грузов одновременно.

Лиза, которая благоразумно не пересекала зоны таможенного карантина, оказалась в том же шлюзовом доке, куда час назад пришвартовалась «Галатея». Она не удалилась от корабля и на сотню метров, поэтому чувствовала себя относительно свободно и безопасно. Проверять эти залы вряд ли пришло бы в голову самому дотошному охраннику: те грузы, что транспортировались на корабль, уже прошли многократный контроль, а багажу сошедших в порту пассажиров еще предстояло пройти данную утомительную процедуру.

Совершить какие-либо действия с багажом на данном этапе транспортировки представлялось делом совершенно невозможным: каждая транспортная дорожка была закрыта прочнейшей мелкоячеистой сеткой, которая заканчивалась лишь у самого свода зала, на головокружительной высоте, где наклонный транспортер сталкивал контейнеры в гофрированный приемник шлюза.

Лиза действовала быстро.

Отыскав нужную транспортную дорожку, на информационном табло которой светилась надпись «Галатея», она, не обращая внимания на роботов, начала взбираться по сетке к своду зала.

Это было нелегкой задачей. Мелкоячеистая структура сетки позволяла цепляться за нее лишь, пальцами рук, ноги же скользили по поверхности, заставляя всю конструкцию ощутимо колебаться.

Недолго думая, Лиза скинула обувь. Чтобы не оставлять опасных улик, пришлось сунуть туфли за пазуху. Теперь она уподобилась примату, цепляясь за ячеистую структуру пальцами рук и ног. Дело пошло на лад, но все равно восхождение по наклонной сетчатой плоскости едва не поставило под удар весь ее рискованный план нелегального возвращения на борт «Галатеи».

Когда совершенно обессиленная, со сбитыми, кровоточащими пальцами рук и ног она все же перевалилась за край сетки и лента беговой дорожки увлекла ее сначала в шлюз, а затем в грузовой трюм космического корабля, Лиза смогла лишь судорожно и облегченно вздохнуть.

Если бы ее план провалился и «Галатея» стартовала раньше, чем она проникла на борт, то ее участи не позавидовал бы никто. На ее банковском счету к этому моменту оставалось едва ли десять-пятнадцать кредитов.

Но радоваться благополучно закончившемуся восхождению было некогда. Это было лишь начало.

Проскользнув между контейнерами, Лиза затаилась за высоким штабелем, ожидая появления помощника капитана, который должен был явиться с декларацией бортового груза.

Теперь ей предстояло проникнуть к отсеку управления шатлами. На всю процедуру ее план отводил два часа, не более.

* * *

Сигнал предварительной, двадцатиминутной готовности застал Лизу в грузовом модуле номер семь, расположенном неподалеку от отсека аварийно-спасательных капсул.

В ее плане не было ничего непродуманного. Прежде чем вложить свои последние деньги в билет на «Галатею», Лиза провела несколько суток за терминалом компьютера, тщательно прорабатывая предстоящую операцию. По крохам она собирала общедоступную информацию о кораблях данного типа, пока в ее распоряжении не оказалась более или менее правдоподобная схема помещений, собранная из различных фрагментов, основанных на документальных свидетельствах.

Все это время она прожила будто в полусне. Напряжение мысли, изматывающая подготовка, нехватка времени и денег, постоянное балансирование на грани фола позволяли ей не думать о главном — о себе. О том, кем она стала.

Ее жизнь, разбитую вдребезги, уже не смог бы собрать воедино ни один дипломированный психолог.

Лиза Стриммер была мертва. Кто пришел на ее место, что за ангел или

чудовище медленно прорастало на ниве обрывочных воспоминаний, было известно одному богу… да еще, наверное, той твари, что пыталась вылепить ее разум…

Лиза просто запретила себе думать об этом.

До поры.

…Отсек аварийно-спасательных капсул являлся наименее защищенной частью внутренних коммуникаций «Галатеи»: все люки, ведущие в эвакуационные накопители, запирались исключительно механическим способом. Электроника и сложные системы доступа здесь отсутствовали, и это было вполне обосновано. Электроника могла отказать при аварии, лица, снабженные полномочиями доступа, — погибнуть, и тогда никто из пассажиров не сумел бы покинуть борт терпящего бедствие, корабля,

Лиза знала, что основной эвакуационный портал запирался стандартным ключом поворотного действия с неправильной шестигранной головкой. Несколько таких ключей хранилось на каждой палубе «Галатеи». Их местонахождение не являлось тайной, иначе терялся бы смысл всей схемы эвакуации.

Она подозревала, что каждый ключ связан с системой сигнализации, замкнутой на центральный пульт, и не хотела рисковать, поднимая тревогу. Вместо отмычки она решила использовать обыкновенный универсальный разводной гаечный ключ…

…Коротко взвыла вторая предупреждающая сирена.

Свет в грузовом отсеке потускнел, а затем и вовсе погас, сменившись на аварийный.

Лиза приоткрыла люк, выглянула в коридор.

Он был пуст из конца в конец. Цепочка редких аварийных ламп тускло светилась, обозначая сумеречные габариты прохода.

Генераторы «Галатеи» уже начали накачку внешних силовых полей, которые должны были предохранить корабль от чудовищного энергетического всплеска, неизбежно возникающего в момент перехода с одного уровня аномалии космоса на другой.

Не медля ни секунды, она метнулась вдоль стены коридора.

Главные ворота эвакуационного портала были плотно сомкнуты. Лиза отыскала взглядом неприметную на их фоне дверь, которой пользовались техники «Галатеи», и, присев на корточки, занялась замком.

Она не зря задавала капитану Форригану столько невинных на первый взгляд вопросов. Благодаря его снисходительным пояснениям и собственным экскурсиям, предпринятым во время четырехсуточного

перелета, она прекрасно освоилась на корабле и знала регламент его экипажа, что позволяло ей действовать более или менее спокойно.

Замок технической двери поддался ее усилиям менее чем за минуту.

Проскользнув внутрь эвакуационного портала, Лиза оказалась в просторном тоннеле, по обе стороны которого тянулось три десятка шлюзов, ведущих непосредственно в спасательные капсулы. Закрыв за собой дверь и вновь заперев замок, она бегом кинулась вперед, к головной спасательной капсуле.

С замком шлюза ей пришлось повозиться несколько дольше. Не желая, чтобы ее начали искать или преследовать, Лиза старалась не нарушать внешнего вида запорных устройств. Действовать при этом приходилось очень осторожно, а время подгоняло. Мысленно отсчитывая секунды, она уже чувствовала — вот-вот прозвучит ревун пятиминутной готовности к переходу.

Замок наконец поддался, запирающий механизм провернулся, и внешний люк капсулы под своим весом открылся внутрь эвакуационного портала.

Лиза проскользнула в тесный шлюз и с усилием потянула назад массивную овальную плиту, приводы которой были сейчас обесточены так же, как все остальные второстепенные системы внутрикорабельных коммуникаций. Накачка силовых полей продолжалась, и генераторы по-прежнему работали исключительно на защиту.

Если бы не сервоприводы, которые усиливали ее мускулатуру, Лиза вряд ли закрыла бы массивный внешний люк вовремя. Но, так или иначе, овальная плита встала на место, отчетливо чавкнув сработавшим под ее весом пневмоуплотнителем.

Оказавшись внутри капсулы, Лиза метнулась к пульту, ударила ладонью по нескольким выступающим из него кнопкам, которые специально были сделаны преувеличенно большими, и, не заботясь более об автоматике, принялась надевать скафандр.

* * *

На центральном пульте управления «Галатеи» внезапно вспыхнуло несколько предупреждающих сигналов.

Капитан Форриган вздрогнул.

Что за черт?!

Момент для любой, самой незначительной аварии был настолько неподходящим, что эти сигналы подействовали на Гвена словно ушат холодной воды, внезапно обрушившийся на его голову.

— Сэр, похоже на самопроизвольное срабатывание первого стартового шлюза!

— Черт!.. — Форриган вместе с креслом переехал к правому крылу пульта управления. — Винсент, чем это нам грозит?

— Защитные поля уже накачаны, сэр. Мы не можем остановить процесс перехода.

— Я и не собираюсь останавливать процесс перехода! — рявкнул на него Форриган. — Я спрашиваю, чем грозит «Галатее» отделение капсулы?

— Ничем. Она будет выброшена в коконе защитных полей, а потом мы исчезнем. Капсула останется на втором энергоуровне, когда мы уже будем на третьем.

— Срочно произвести перекличку экипажа и проверку пассажиров! Сколько у нас времени?

— Две с половиной минуты, — ответил ему офицер технической службы. — Автоматика капсулы послала запрос на открытие стартовой диафрагмы. Что мне предпринять? Тридцать секунд, сэр, в ее двигателях уже инициировано зажигание! Двадцать пять секунд!

В этом и заключается настоящее бремя командира огромного корабля. Он обязан принять решение и впоследствии будет отвечать за него.

— Девятнадцать секунд…

— Отменить зажигание! Терминировать самопроизвольно сработавшие программы!

— Бортовой компьютер капсулы не реагирует. Десять секунд до начала разгона по стволу.

…

Лиза, пристегнутая к противоперегрузочному креслу пилота, чувствовала, как кровь глухими толчками ломится в виски.

Ее жизнь сейчас зависела от самообладания и здравомыслия капитана «Галатеи».

…

— Открывай! — отрывисто приказал Гвен, внутренне похолодев от мысли, что проверка экипажа и пассажиров еще не окончена и внутри капсулы вполне мог оказаться человек.

Его лоб покрылся мелкими бисеринками пота. Кроваво-красной каплей вспух индикатор разгерметизации первого стартового ствола.

— Капсула пошла! — доложил дежурный офицер, и одновременно с этим раздался голос первого помощника:

— Экипаж и пассажиры на своих местах, сэр. Все на борту, согласно штатному расписанию и ведомости.

— Первый ствол, капсула отделилась от «Галатеи». У нас сорок секунд до гиперперехода.

Форриган ощутил, как нервное напряжение медленно отпускает его.

«Фу ты, черт…» — подумал он, глядя на точку, медленно удаляющуюся по выпуклому мерцающему полю сферорадара. — «Пронесло…»

Самопроизвольное срабатывание аварийной автоматики случалось и раньше. Слабое место систем эвакуации заключалось в том, что их компьютеры находились в состоянии постоянной готовности и обладали значительной долей так называемой «программной паранойи» — этот термин был введен в обиход специалистами по кибернетическим системам и означал, что компьютер капсулы в определенных ситуациях мог не воспринимать приказы извне. Говоря простым языком, если его «заклинило» на определенных действиях, то остановить такую машину, радеющую о спасении якобы находящихся в ней людей, уже было невозможно, и полетные инструкции предполагали некоторый процент потерь подобной техники.

«Бог с ней, с капсулой…» — подумал Форриган, следя за тем, как на бортовом хроно бегут последние секунды обратного отсчета. — «Главное, что корабль цел и пассажиры на месте…»

Справедливая мысль.

Через секунду в искаженном пространстве гиперсферы полыхнула ослепительная вспышка, и «Галатея» ушла из этой прослойки аномалии, оставив после себя лишь бледный, исчезающий фантом да сиротливую песчинку спасательной капсулы, которой теперь суждено было навек кануть, затерявшись в необозримых глубинах космоса.

Пять суток спустя. Борт аварийно-спасательной капсулы

Маленький каплеобразный аппарат с серебристой обшивкой корпуса и тонким, ажурным кружевом антенн в заостренной носовой части скользил едва приметной точкой на фоне вселенского мрака.

Его передатчики молчали, храня навязанную человеком радиотишину.

В тесной кабине, где едва хватало места, чтобы развернуться, царила невесомость.

Лиза отстегнулась от кресла, всплыла над ним и, отталкиваясь руками от приборных панелей, направила свой полет в узкую горловину люка.

Пассажирское отделение спасательной капсулы, рассчитанное на шесть человек, было таким же тесным и неудобным, как кабина пилота.

Шесть кресел образовывали два ряда с узким проходом между ними. Далее отсек расширялся, его пересекала массивная переборка, за которой находился реактор капсулы.

Отталкиваясь руками от кресел, Лиза подплыла к встроенным шкафам с неприкосновенным запасом. Открыв один из них, она некоторое время сортировала содержимое герметичных контейнеров, складывая выбранные вещи и припасы в специальный, пристегивающийся на грудь гражданского скафандра рюкзак, потом, совершив обратный путь, вернулась в кабину управления.

За время ее отсутствия шар планеты, к которой приближалась капсула, заметно вырос.

Этот мир покрывали густые облака, лишь кое-где разорванные небольшими просветами, через которые можно было визуально наблюдать поверхность.

При виде угрюмой, клубящейся серой облачности сердце Лизы дрогнуло.

Память подсказывала, что она уже видела однажды подобную картину непрекращающихся атмосферных циклонов с борта снижающегося десантно-штурмового модуля.

У нее уже не осталось никаких сомнений относительно интуитивно сделанного выбора…

Опустившись в кресло пилота и пристегнув себя страховочными ремнями, она долго, скрупулезно исследовала доступный восприятию приборов участок околопланетного пространства.

В районе орбит было пусто.

Никаких следов огромного крейсера гуманитарной миссии Совета Безопасности Миров.

Лиза нахмурилась, откинувшись на мягкую спинку кресла.

Означало ли это, что «Орфей» был сбит?

Перебирая в памяти куцые, фрагментарные обрывки прошлого, которые ей удалось восстановить, она не смогла прийти к однозначному ответу.

Да и много ли их было, этих самых свидетельств?

Да, она вспомнила несколько эпизодов, связанных с трагической высадкой их взвода предположительно на поверхность этого самого мира. Помнила она и свое беспокойство по поводу потери связи с базовым кораблем. Но ее очнувшаяся посттравматическая память не отражала объективной картины событии. Она помнила лишь то, что касалось непосредственно ее самой…

Совершить посадку на планету огромный крейсер, естественно, не мог. Но к обитаемым мирам он не вернулся.

Сопоставление этих фактов говорило в пользу того, что «Орфей», вероятнее всего, был сбит. Или это не та планета.

Спустя некоторое время сомнения Лизы рассеял пойманный приборами спасательной капсулы сигнал древнего маяка, который был выброшен около тысячи лет назад совершавшим посадку колониальным транспортом.

Дешифровав сигнал и определив положение спутника, Лиза вздрогнула.

Колониальный транспорт «Воргейз».

Она вспомнила это название. Сомнений быть не могло: планета та самая!

Лизу внезапно охватила дрожь. Под ней расстилался мир, в котором оборвалась ее прошлая жизнь.

Мир, где ее убили…

* * *

Через несколько часов стало абсолютно ясно, что орбиты планеты пусты. За исключением древнего навигационного спутника, выброшенного тут перед посадкой колониальным транспортом, в околопланетном пространстве не присутствовало ни единого рукотворного объекта.

Лиза, снедаемая нехорошими предчувствиями, полностью забрала управление у пытавшихся поднять бунт автопилотов. Спасательная капсула оказалась чрезмерно автоматизированной. Ее системы автоматического пилотирования имели свой взгляд на безопасность и целесообразность некоторых маневров, так что Лизе пришлось вразумлять автоматику достаточно болезненным и радикальным способом — путем варварского механического отключения некоторых блоков.

После лоботомии, учиненной над бортовой кибернетической системой, капсула сама перешла в режим ручного ввода команд. Благодаря ее проектировщикам ручное управление было достаточно гибким и человечным.

Лиза вывела капсулу на устойчивую орбиту и занялась сканированием лежащей внизу поверхности.

Это оказалось нелегким и малорезультативным процессом. Спасательная капсула и десантно-штурмовой модуль слишком разительно отличались друг от друга в плане проникающей способности бортовой аппаратуры. Через час с небольшим, совершив два полных витка, Лиза со

всей очевидностью поняла, что будет вынуждена садиться вслепую. Приборы капсулы не смогли проникнуть под плотный покров облачности. Вообще спасательная скорлупка предназначалась для прямо противоположных целей. Отделившись от терпящего бедствие корабля, она должна была всплыть из пучин аномалии космоса в нормальный, трехмерный континуум, и там, используя встроенный генератор Гиперсферных Частот, верещать на весь космос о своем местоположении.

Взглянув на картину бушующих внизу атмосферных вихрей, Лиза подумала, что ее план, при всех его плюсах, попахивал еще и обыкновенным безумством, замешенным на импульсивном, спонтанном желании во что бы то ни стало найти этот мир, где двадцать лет назад трагически оборвалась ее жизнь.

И вот она здесь, в утлой скорлупке спасательной капсулы, а что дальше?

Она не нашла никаких следов «Орфея» — ни обломков на орбите, ни радиобакена с сообщениями для спасателей, — ничего. Теперь ей оставался единственный вариант — нырнуть вниз под густую вихрящуюся облачность.

* * *

На пятом витке в развитии ситуации появились неожиданные коррективы.

Лиза без особых результатов и надежд продолжала сканирование раскинувшейся под ней планеты. В ее обрывочных воспоминаниях не было никакой зацепки за реальные координаты точки высадки ее взвода, а бушующие внизу атмосферные вихри сводили процент случайного везения практически к нулю.

К исходу третьего часа наблюдения она по показаниям приборов смогла определить наличие внизу трех материков. Тот, что был расположен у северного полюса планеты, Лиза проигнорировала. Ледовая шапка совершенно не сочеталась ни с одним из ее воспоминаний, и поэтому Лиза перевела капсулу на иную орбиту: совершив несколько маневров, она уравняла скорость аппарата со скоростью вращения планеты, заняв таким образом точку геостационарной орбиты над вычисленным участком суши в экваториальном поясе.

Третий материк, находившийся в другом полушарии, был смещен в зону умеренных широт. Он показался Лизе слишком небольшим. Она пыталась представить логику колонистов, которые прилетели сюда более тысячи лет назад. По ее мнению, переселенцы должны были избрать для

посадки наиболее перспективный участок суши, обладающий разнообразными ландшафтами, простором для освоения и благоприятным климатом. Всем этим критериям Удовлетворял именно второй из обнаруженных приборами материков, а ее воспоминания, в которых присутствовал заброшенный человеческий город или поселок, ясно указывали на то, что высадка взвода с Борта 618 происходила на освоенной территории.

Руководствуясь именно такой логикой, Лиза переместила капсулу в новую точку орбиты.

Наблюдения за расположенным внизу огромным участком суши дало ей совершенно неожиданный результат, который стал следствием ее упрямства и скрупулезности. Густая облачность, укрывавшая этот угрюмый мир, не позволяла получить оптических изображений рельефа, но локаторы капсулы сумели построить приблизительную модель поверхности, основанную на слабых отраженных сигналах, которым удавалось пробиться назад, в стратосферу, сквозь мощные слои облаков.

Разглядывая полученную электронную карту, которая пополнялась все новыми и новыми деталями, поступающими в режиме реального времени, Лиза не могла не обратить внимания на тот факт, что ближе к центру материка компьютер расположил тесное скопление точек, определенных им как «неопознанные сигналы малой мощности».

В ее ситуации не стоило пренебрегать ничем, и Лиза решилась на еще один маневр. Она переместила точку геостационарной орбиты с таким расчетом, чтобы капсула оказалась прямо над источником непонятных импульсов, и понизила параметры орбиты до критического значения в семьдесят километров,

Подчиняясь ее воле, капсула нырнула вниз.

На такой высоте уже присутствовало значительное количество молекул воздуха, но геостационарная орбита тем и хороша, что теперь двигателям капсулы приходилось бороться не с сопротивлением уплотнившейся воздушной среды, а лишь с гравитацией расположенного внизу мира.

Короткие импульсы вертикальной тяги удерживали аппарат на заданной высоте, пока Лиза оперировала приборами, пытаясь выяснить, что за странный источник, рассеянный по площади в добрый десяток квадратных километров, излучает эти слабые сигналы?

Через некоторое время, когда система анализа данных наконец выдала наиболее вероятный вариант, ее вдруг окатило жаром.

Каплеобразные аварийные передатчики, рассеянные в атмосфере и

осевшие на почву!.. Их было невозможно уничтожить или заставить замолчать. Маленькие каплеобразные частички, самодостаточные по причине смехотворного энергопотребления, они автоматически рассеивались любым спускаемым модулем при катастрофе!..

Это была военная разработка, применявшаяся только на боевых спускаемых аппаратах.

Память Лизы хоть и страдала избирательностью, но практически всегда четко и недвусмысленно срабатывала от любого информационного толчка.

Сейчас, когда система анализа данных предсказала наличие внизу большой площади, «засеянной» микропередатчиками, Лиза мгновенно вспомнила о подобной технике, которой был оснащен их борт…

Лихорадочному развитию ее мыслей помешал иной сигнал.

Она все еще размышляла над своей находкой, пытаясь набросать план дальнейших действий, когда система дальнего оповещения капсулы отвлекла ее внимание внезапным назойливым попискиванием.

Посмотрев на сферорадар, Лиза увидела на его мутной, зеленоватой поверхности четкую, совершенно недвусмысленную алую точку, которая приближалась к планете извне, со стороны открытого космического пространства.

Черт… Это был корабль. Космический корабль небольших размеров.

Неужели путь ее капсулы кем-то отслежен?

Лиза до последнего момента не верила, что капитан Форриган окажется настолько щепетильным, что бросит на поиски самопроизвольно стартовавшей капсулы малый корабль, но, похоже, дело обстояло именно таким образом. Посмотрев на панель дальней связи, Лиза увидела, что постоянный вызов идет на стандартных частотах с использованием бортового кода «Галатеи».

На мгновение ее охватила паника.

Все ее усилия могли полететь коту под хвост из-за педантичности этого служаки. Ну какого черта он кинулся на поиски сбрендившей капсулы? Как сумел отследить ее путь, ведь Лиза специально блокировала связь, первым делом отключив бортовые радиомаяки?

Алая точка медленно приближалась к планете. Она находилась еще слишком далеко для визуального контакта, и ее приборы навряд ли могли сейчас обнаружить крохотную капсулу, затерявшуюся на геомагнитном фоне огромного шара планеты, но ситуация могла измениться буквально в течение часа…

Лиза не хотела ни встречи с Форриганом, ни каких-либо иных

осложнений.

Мысль работала лихорадочно.

Что делать?

Ответ был один: кто бы ни приближался сейчас к планете, он должен найти на ее орбите поврежденную спасательную капсулу без экипажа, с отказавшей связью и перегоревшим бортовым компьютером.

«А лучше бы им вообще не приближаться к этой чертовой планете», — подумалось Лизе.

Она в отчаянии закусила губу.

Почему судьба так немилостива к ней? Почему гонит от беды к беде, от одной неприятности к другой? Что ей теперь оставалось делать?

Только одно — дать спасательной капсуле команду на старт, а самой уходить вниз под прикрытием этого маневра.

Времени на раздумья и сомнения попросту не оставалось.

Судьба опять приперла ее к стенке и насмехалась, глядя, как же выпутается этот странный суррогат машины и человека из очередной пакостной ситуации.

«К черту…» — с неожиданной ожесточенностью подумала Лиза, вставляя на свои места вынутые недавно блоки автоматического пилотирования. — «Я справлюсь. Я все равно буду там и сделаю все, что задумала…»

* * *

Она, падала…

В первый момент душу охватил страх: Лиза отделилась от шлюза спасательной капсулы лицом к Бездне, и внутри у нее что-то неприятно сжалось, похолодело. Чернильное полотнище пространства искрилось мириадами далеких звезд; в нем была глубина, которую отказывался постичь разум. Датчики систем жизнеобеспечения тут же тревожно пискнули, отмечая избыточный выброс адреналина в кровь.

Она ощущала себя песчинкой.

Резко сработали установленные на автоматический таймер ранцевые двигатели, и космос крутанулся перед ее глазами. Ощущение тошноты исчезло, теперь ее глаза смотрели на невероятно огромный шар планеты.

Она падала.

Приборы скафандра, очевидно, свидетельствовали об этом, но Лизе казалось, что она висит, раскинув руки и ноги, на семидесятикилометровой высоте, где небо было черным, звездным, а свободного падения не ощущалось вообще.

Вязкая тишина нарушалась лишь ее собственным прерывистым дыханием да равномерным попискиванием датчиков, расположенных внутри гермошлема.

Разумом она понимала, что уже давно находится в границах стратосферы и молекулы разреженного воздуха неощутимо тормозят ее стремительное падение вниз, но чувства оказались прямо противоположны рассудку. Она ощущала в эти минуты какое-то великое, скорбное одиночество. Страх ушел, потонул в этом чувстве вселенского покоя, отрешенности.

Кто бы там ни появился в зоне высоких орбит, — ему уже не достать, не найти ее. Крохотная искра спасательной капсулы почти мгновенно истаяла во мраке, отсекая саму вероятность отступления, пути назад…

Нет. Лиза не собиралась отступать. Ей было все равно, что станется с капсулой и с теми, кого Форриган выслал на поиски самовольно стартовавшего аппарата.

Она падала навстречу своей судьбе.

* * *

На высоте десяти километров в последний раз отработали, сжигая остатки топлива, ранцевые реактивные двигатели, и их подвеска отстрелилась, освобождая парашютную систему окончательного торможения.

Лиза, уже порядком измотанная продолжительным падением, старалась смотреть исключительно вниз.

Затяжные прыжки с орбиты не являлись в ее время чем-то сногсшибательным. Она не сомневалась, что совершала их раньше, причем неоднократно, но память об этом стерлась, и ее сегодняшние ощущения были острыми, резкими, как будто все происходило впервые…

Граница десяти тысяч метров была отмечена появлением легких перистых облаков. Они возникли внезапно, будто неведомая сила оторвала невесомые белые полоски от серой, угрюмой массы облачности и, забавляясь, подбросила их вверх, навстречу падающему человеку.

Полосы зыбкого тумана промелькнули мимо и исчезли, уносясь ввысь, им на смену пришли слоистые облака, более плотные, почти материальные… Лиза пронзила в своем падении один такой слой. На несколько секунд ее окружила молочно-белая пелена, потом мир опять открылся взору, но из него внезапно исчезла бесконечность. Лиза оказалась в прослойке между двумя типами облачности. Над головой растеклось слоистое, молочно-белое покрывало, а внизу зловещими уступами

громоздились гонимые ветром кучевые облака, чей цвет варьировался от пепельно-серого до иссиня-черного.

Боковой ветер дул здесь с постоянной скоростью, его напор казался ощутимым даже через оболочки скафандра.

Лиза продолжала падать свободно и равноускоренно, хотя ее вестибулярный аппарат протестовал против затянувшегося сверх всякой меры прыжка. Инстинктивный ужас, рожденный бесконечностью падения, накатывался тошнотворными волнами, хотелось прекратить это, рванув предохранитель парашютной системы, но было еще рано…

Она не должна использовать средство окончательного торможения, пока не пройдет сквозь фронт кучевых облаков, чьи клубящиеся пласты громоздились на высоте от двух до трех тысяч метров.

На тот случай, если она внезапно потеряет сознание, Лиза установила аварийный таймер срабатывания парашютной системы на высоту в пятьсот метров от поверхности.

Фронт напоенных влагой облаков оказался самым трудным испытанием.

Мир внезапно перестал существовать, все поглотила непроницаемая, сначала серая, а затем и грязно-черная мгла.

Ветер стал порывистым, где-то сбоку, в открывшейся внутренней прослойке ударила молния, и ее ветвистое, ослепительное сияние на миг озарило мрачный сюрреалистический пейзаж: два слоя дождевых облаков двигались, скользя параллельно друг другу, между ними вспышка высветила исполинские призрачные колонны, которые, вращаясь, как смерчи, подпирали клубящийся свод…

Это видение длилось не более секунды, молния вспыхнула и погасла, но Лиза успела заметить, как содрогнулись вихревые колонны от удара воздушной волны.

Мрак и грохот окружили ее, потом эта феерия зловещих чувств внезапно порвалась нудной хмарью дождя и…

Она одновременно увидела землю и услышала отчетливый писк передатчика.

Взглянув вниз, Лиза омертвела от мгновенного воспоминания.

Под ней в дождливой мути плавали полуразрушенные здания того самого поселка, где попал в засаду ее взвод.

Передатчики, разбросанные по склону развороченного взрывом холма, продолжали излучать навигационный сигнал, даже спустя два десятилетия после гибели выбросившего их десантно-штурмового модуля с бортовым номером 618…

Через несколько секунд, вырвав ее из оцепенения, над головой что-то громко хлопнуло, Лиза ощутила болезненный рывок и, задрав голову, увидела, как над ней распустилось белое полотнище «летающего крыла»…

Машинально схватившись за тяги управления стропами, Лиза потянула их, направляя свое снижение на окраину поселка, где, как подсказывала ее очнувшаяся память, она приняла свой последний бой…

Часть третья. Бремя воина

Глава 9

Третья планета звездной системы PQ-593 по универсальному Элианскому каталогу. Окраина покинутого человеческого поселка

Опять шел дождь. Как в тот незабываемый день высадки, когда их взвод попал в засаду.

Выпутавшись из-под распластавшегося по земле полотнища, Лиза огляделась, машинально подтягивая к себе пластический заменитель шелка, комкая влажную ткань в упругий сверток бессознательными движениями рук.

Она приземлилась на склон той самой возвышенности, откуда их атаковал неизвестный противник. Метрах в тридцати, на краю оплывшей воронки, мрачно застыл выгоревший дотла остов боевой планетарной машины невероятно древнего образца. Стволы ее автоматических орудий так и остались повернуты в ту сторону, откуда наступал взвод.

Лиза оглядывалась по сторонам, узнавая врезавшиеся в память окрестности. Присев, она увидела, что изрытый гусеницами и воронками склон вовсе не так уж мертв. В старых шрамах за эти годы проросла жесткая, пружинистая трава, ее желтые пучки свидетельствовали о сезонном замирании природы, а пробивающаяся снизу молодая робкая зелень — о том, что нынешнее время года можно охарактеризовать термином «весна».

Отцепив парашют, купол которого она держала в руках, Лиза спустилась на дно неглубокой воронки и утопила его в образовавшейся на дне луже стоячей воды.

Выбравшись из углубления, она опять огляделась.

Ее тревога нарастала, становясь с каждой секундой все отчетливее, жестче.

Вокруг стояла неправдоподобная тишина, лишь косые струи дождя с шелестом секли по земле, по стенам полуразрушенных зданий, по обгорелым остовам бронемашин. Дождь то усиливался, то затихал, превращаясь на некоторое время во влажную морось.

Нет оружия… Нет сведений о планете… Нет реального плана действий…

Эти и другие мысли теснились в ее сознании, наперебой предлагая проблемы различного толка, но по-настоящему Лиза испытывала совершенно иные, непрактичные в данной ситуации чувства.

Просыпающиеся инстинкты подсказывали — нужно быстро осмотреть сгоревшие бронемашины и, получив информацию, в темпе убираться с места высадки, но ей было слишком больно, чтобы мыслить здраво. В сознании Лизы все смешалось, будто вокруг опять кипел этот злой, внезапный, скоротечный бой, где среди вспышек близких разрывов неслись на радиочастоте предсмертные крики бойцов, попавших под кинжальный прицельный огонь… Эти руины врезались в ее память неизбывным ощущением смерти, и оно оказалось чуть ли не единственным по-настоящему вернувшимся воспоминанием. Лиза не могла просто так покинуть это страшное место…

Она огляделась и осторожно пошла между поросшими весенней травой холмиками, словно это было минное поле.

Спускаясь по испаханному воронками склону, она двигалась в сторону руин, напряженно вглядываясь в мутный полог дождливой мороси, пока ее взгляд не наткнулся на черную покореженную, массу, проломившую здание в конце улицы. Сделав еще несколько шагов, она поняла, что это их десантно-штурмовой модуль, и пошла к нему, не смея оторвать глаз от влажно поблескивающего покореженного остова.

Приблизившись к зданию, на которое упал десантный корабль, она вскарабкалась в пролом стены и остановилась перед черным обугленным бортом, склонив голову, прижала ладонь в герметичной перчатке к покрытой окалиной броне, одновременно вслушиваясь в себя, в свою боль, пытаясь понять, сколько осталось в ней человеческого?

Сознание молчало, превратившись в черный стоячий омут, лишенный мыслей.

Минуту постояв, она двинулась дальше, пока не дошла до того угла, из-за которого ее вырвала команда взводного, швырнув вдоль улицы, в последнюю атаку…

Лиза увидела кучу мокнущего под дождем бетонного щебня и знакомые разводы серой, камуфлированной брони, распластавшиеся поверх пригорка, кое-где уже прикрытые нанесенным ветром мусором и проросшей травой.

Сердце ухнуло, оборвалось. Во рту вдруг стало сухо и горько.

Это был ее боевой скафандр…

Происходящее казалось сном. Тяжелым, кошмарным сном. Такого ведь не могло, не должно было случиться в реальности!..

Лиза сделала шаг, затем другой, третий…

Снабженная сервоприводами бронированная оболочка лежала, распластавшись на куче щебня. Рядом, наполовину утопленный в луже,

валялся еще один серый боевой скафандр.

Все было точно таким, как запечатлела ее посттравматическая память.

Подойдя еще ближе, Лиза поняла, что ее трясет. Опустившись на колени, она долго смотрела на посеченные осколками сервомоторные приводы боевого скафандра, не решаясь прикоснуться к бронированной шкуре, потом все же не выдержала и, — закусив губу, содрогаясь от страха и леденящего душу предчувствия, взялась за ромбовидный сегмент брони и рывком перевернула сервоприводную оболочку.

В немом ужасе она не смогла даже отшатнуться, когда из-за разбитого вдребезги забрала на нее уставились пустые глазницы заключенного внутри гермошлема черепа.

Мамочка…

Лиза все же отшатнулась, боком отползла в сторону, судорожно царапая непослушными пальцами замки своего гражданского скафандра.

Раздался сухой щелчок, и ее гермошлем раскололся на две половины, одна из которых глухо стукнулась о грудь, другая шлепнула по спине.

Судорожно глотая, загустевший, холодный, горьковатый и влажный воздух, Лиза вскинула руки, зажимая ими рот.

Это была она!.. Там, внутри боевого скафандра, была она!..

Невозможно передать весь ужас этого откровения. Лизе казалось, что она все же сойдет с ума и никогда больше не сможет встать с кучи бетонного щебня, а ее новая, придуманная кем-то жизнь закончится в этом месте, под нескончаемым проливным дождем.

Там лежала мертвая Лиза Стриммер.

Бездонный взгляд пустых глазниц… Клок волос, прилипший к голому черепу… Хруст костей внутри нетленной боевой брони…

Это было жутко. Она готовила себя к чему-то подобному, но не смогла вынести последнего откровения.

Лизы Стриммер нет. Она умерла. Ее жизнь оборвалась двадцать лет назад.

Мгновенно вспомнились слова Сережи:

«Ты сервоприводная кукла».

Едва ли помня себя и смутно воспринимая реальность, Лиза абсолютно бесцельно брела прочь.

Ноги тонули в грязи, оскальзываясь на раскисшем, влажном склоне.

Сколько еще нужно времени, потрясений, боли, бесчеловечности, чтобы она смогла осознать себя, ответить на простой, закономерный вопрос: кто я?!

Существо или личность? Кукла или человек? Что мною движет? Где

мое место? Во имя чего я живу?

Больше всего она боялась осознать, что является просто зомби, что ею движет не собственная воля, а незримые нити, за которые, быть может, в этот самый момент дергает кукловод с лицом материализовавшегося кошмара…

…Лиза очнулась, лишь когда ее рука болезненно задела что-то твердое. Оглядевшись, она с удивлением поняла, что стоит почти на месте своего недавнего приземления, судорожно вцепившись в обгорелый борт одного из пяти уничтоженных в тот день планетарных танков противника.

Превозмогая ужас и отвращение, владевшие ее рассудком, Лиза, подчиняясь внезапному порыву, с усилием откинула массивный люк и заглянула в прогорклое нутро боевой планетарной машины.

В тусклом свете, пробиравшемся через люк и немногочисленные пробоины брони, она увидела сплавленную мешанину проводов, осколки приборов, торчащие от покрытого черной грязью пола рычаги управления и… обгорелый почерневший труп, который все еще хранил очертания скрючившейся за рычагами фигуры.

Вероятно, это существо напоминало человека лишь наличием у него рук, ног и головы. Сейчас уже было трудно определить его истинную природу: огонь и время сохранили лишь общие контуры сгоревшего вместе с планетарным танком нечеловеческого тела…

Лиза отшатнулась.

В этот момент до ее оцепеневшего сознания наконец дошли два звука, доносящиеся с разных сторон.

От городских руин медленно наползали гул и скрежет.

В угрюмых, плачущих дождем небесах присутствовал иной звук. Он был далеким, басовитым и напряженным.

Лиза могла лишь догадываться о природе источников этих звуков, но она не ждала ни от них, ни от этой планеты ничего хорошего.

Внезапное и острое чувство опасности полоснуло по нервам, прервав наконец затянувшееся наваждение.

Свидание с собственной смертью потрясло ее до глубины души. Какая-то часть возродившейся было личности в эти минуты просто погибла, и Лиза уже не могла однозначно ответить на вопрос — являются ли ее рассудок, ее память, ее разум, наконец, прямыми наследниками Лизы Стриммер, чьи кости истлели под непрекращающимся дождем этого злого, неправильного мира?..

Звуки продолжали надвигаться. Их уже невозможно было проигнорировать.

Дрожа и озираясь по сторонам, она бросилась назад, где под сенью обрушенной стены здания на куче бетонного щебня распласталось тело погибшей Лизы Стриммер.

«Какая разница?» — бешено молотилась в ее голове одинокая мысль. — «Если я сейчас позволю убить себя во второй раз, то третьего шанса уже не даст ни бог, ни дьявол, ни ксеноморф…»

Это была правильная, хотя и немного запоздалая мысль.

Добежав до избранной позиции, Лиза плюхнулась в лужу рядом со вторым скафандром, в котором были заключены побелевшие кости Паши Соломина.

У нее не было сил еще раз заглянуть в пустые глазницы своего черепа, и инстинктивно Лиза выбрала наименьшее из двух кощунств.

Гермошлем Паши был цел. Осколки пробили его скафандр на груди, но кровь того ранения давно смыли погребальные дожди…

Умирая, он так и не выпустил из рук импульсной винтовки, но сейчас безропотно отдал ее, стоило Лизе потянуть за нетленный пластик приклада.

Ощутив в руках привычный вес родной «ИМ-12», она внезапно ощутила волну внутреннего тепла, будто к ней вернулась старая, испытанная боевая подруга.

Перекатившись в сторону, Лиза машинальным движением активировала затвор и увидела, как на изгибе казенной части преданно зажглось зеленоватое окошко счетчика зарядов.

Невнятный рокот, зародившийся несколько минут назад на противоположной окраине поселка, к этому времени приблизился, стал различимым и узнаваемым…

С таким неповторимым лязгом мог двигаться только древний планетарный танк, подобный тем, чьи сгоревшие остовы покрывали исковерканный склон возвышенности.

Это означало в понятии Лизы лишь одно: пустота орбит была ложью, планета — исполинской ловушкой для любого, кто посмел бы опуститься на ее поверхность. Вряд ли ее появления ждали, но рокот приближался, он катился и с окраины поселка, и с небес, наполняя опустевшую душу до самых краев стылой ненавистью.

Значит, их тут много… Так много, что, куда ни плюнь, где ни приземлись, все одно заметят

Лиза приподняла голову, бросила взгляд вдоль унылой, мокрой улицы заброшенного поселка и вдруг отчетливо поняла: либо она позволит себе роскошь погибнуть во второй раз, навеки оборвав свое субъективное восприятие кошмара, либо ей придется отбросить все — боль, страх,

сомнения, любовь — и подчиниться тем инстинктам, что все еще жили на донышке осиротевшей души.

Разве не ради этого она преодолела бездну пространства? Разве не за правдой и местью вернулась в серый, дождливый мир?

Гул нарастал, он становился все ближе, отчетливее, и времени на сомнения более не осталось.

Нашарив негнущимися пальцами бласт-подсумок на скафандре Соломина, Лиза потянула его на себя, ощутив, как хрустнули сработавшие фиксаторы.

«Прости, Паша… Я еще вернусь похоронить тебя…»

Подхватив импульсную винтовку и подсумок, она, пригибаясь, пересекла улицу и, маскируясь редкой порослью кустарника, кинулась к лесу, который высился неподалеку угрюмой, мокрой стеной деревьев.

Выбор был сделан.

Минут через десять, когда молчаливая стена леса поглотила ее фигуру, сзади, в районе поселка, что-то несколько раз отчетливо ухнуло.

Вой прекратился.

Молчали небеса, молчало и небо, только там, где двадцать лет назад рухнул объятый пламенем Борт 618, в серые небеса почему-то вновь поднялись клубы дыма, но Лиза уже не могла их увидеть. Заслоняясь рукой от хлещущих ветвей густого подлеска, она все дальше и дальше углублялась в спасительную тишь лесного массива.

* * *

Под пологом леса серая хмарь дождливого дня превратилась в таинственный сумрак.

Деревья нескольких экзотических видов образовывали наверху плотный шатер невнятно шумящих крон. Под ногами стелился упругий ковер вездесущего мха. Подлесок был представлен различными кустарниками, не настолько густыми, чтобы стать серьезным препятствием для движения, но существенно ограничивающими видимость.

Лиза избрала южное направление и продиралась сквозь лес, покуда оставались силы.

На протяжении многих часов ей не встретилось никаких признаков былой или же ныне существующей цивилизации. Редкие звериные тропы пересекали подлесок, но Лиза сторонилась их, совершенно не представляя, что за животных породила местная эволюция.

Несколько раз на ее пути возникали обширные лесные поляны, поросшие доходящей до пояса травой. Странные цветы с тяжелыми

медово-желтыми лепестками клонили свои соцветия, отягощенные нескончаемым дождем.

Все это скользило по периферии сознания. Она машинально отмечала красоты и странности нового мира, зловещую, сторожкую тишину убаюканного дождем леса, редкие шорохи, невнятный гул крон, звонкое падение капель с листвы, неосторожный хруст ветки под ее ногами.

Она не останавливалась, стараясь уйти как можно дальше от места высадки.

Чем глуше становился лесной массив, тем заметнее делались проявления его скрытой жизни. Постепенно слух Лизы адаптировался, и она все чаще стала различать отдельные звуки, издаваемые представителями животного мира планеты.

В невнятном бормотании мокрых крон крылся не только шелест листьев, но и хлопающие взмахи тяжелых крыльев, что-то ухало, пощелкивало на высоте, пару раз она замечала низвергающийся сверху поток листьев и мелких веточек.

Жизнь наземная тоже стала насыщеннее. То и дело под ногами попадались груды помета, на пределе зрительного восприятия в таинственном сумраке, мелькали довольно крупные тени. Скоро монотонный шум леса уже начал восприниматься сознанием как фон, тишина, и тем резче, контрастнее стали далекие трубные выкрики какого-то огромного (если судить по голосу) существа.

Лиза слушала, смотрела, постоянно оставаясь в напряжении. Стараясь не сбиться с дыхания, она чередовала бег и быстрый шаг. Встроенные в легкий гражданский скафандр приборы позволяли ей держать постоянное направление. В редкие минуты остановок Лиза отмечала пройденный путь на той карге, что смоделировал и распечатал для нее бортовой компьютер спасательной капсулы.

В укрепленном на груди рюкзаке имелось несколько комплектов выживания, и этого должно было хватить на много дней, а к тому времени, когда этот запас закончится, Лиза рассчитывала, что сумеет провести анализ местных протеинов и установить насколько их структура совместима с человеческим метаболизмом. То, что люди долгое время жили тут одновременно и обнадеживало, и настораживало. Неизвестно, каким путем развивалась эта колония. Они могли приспособить местную биосферу «под себя» или же приспособиться «под нее» сами. Это предстояло еще выяснить путем целого ряда контрольных проб.

Мысли Лизы не были последовательны. Она бежала, стараясь как можно дальше оторваться от предполагаемой погони и не думать о

неопределенности своего будущего.

Выжить. Вот что было ее главной задачей на ближайший отрезок времени.

* * *

Через шесть часов начало смеркаться.

Дождь к этому времени прекратился, и Лиза, которая уже пошатывалась от усталости, остановившись на короткий отдых, с удивлением обнаружила, что в прорехах между кронами она видит клочок очистившегося от облаков неба, в котором робко помаргивала первая, бледная и нерешительная звезда.

Спутников у этой планеты не было, звездное окружение системы, не в пример некоторым мирам, расположенным в границах шаровых скоплений, почти отсутствовало, так что ночи тут должны быть темными.

Ближайшие два часа подтвердили эту мысль.

Мрак охватил Лизу плотной непробиваемой стеной.

Даже если надеть гермошлем, что толку: ее скафандр был легким, удобным, но, мягко говоря, небогатым в плане технической оснащенности. Никаких систем ночного видения, инфракрасной подсветки, ничего. Трепетное мерцание внутренних индикаторов шлема только мешало зрению, делая мрак вокруг еще более плотным и осязаемым.

Двигаться в таких условиях было небезопасно, но тем не менее Лиза продолжала идти. Ее часы имели несколько режимов, но она решила пока что воспользоваться универсальным двадцатичетырехчасовым временем, пока не выяснит, чему равняется суточный оборот планеты.

На ее хронометре было уже без четверти полночь, когда Лиза внезапно вышла на большую поляну, окруженную со всех сторон глухой стеной леса.

Присев у края опушки, она осмотрелась, насколько это позволял окружающий мрак.

Поляна казалась огромной. Она тянулась на два-три километра, постепенно сужаясь, и ее противоположный край терялся во мраке. Не рискнув выйти под очистившееся от облаков небо, Лиза осторожно пошла краем поляны.

Вопрос ночлега становился все актуальнее. После восьми часов непрерывного бега она едва держалась на ногах, и такое испытание организма на прочность было скверным стартом для предполагаемого многодневного путешествия.

Обычно в незнакомых местах наиболее безопасным местом для

ночлега считаются деревья, но Лиза весьма недоверчиво относилась к подобному утверждению. Неизвестно, какие хищники могут обитать на ветвях раскидистых крон, образующих достаточно плотный шатер.

Размышляя об этом, она продолжала двигаться вперед, пока в поле ее зрения внезапно не выплыл расположенный посреди огромной поляны сумрачный контур какой-то приземистой постройки.

Непроизвольно вздрогнув, Лиза остановилась.

Где-то справа журчал ручей. В небе на фоне редких звезд промелькнула и исчезла крылатая тень. Ночь внезапно обострилась, наполнилась новым сторожким смыслом, будто покосившийся контур человеческой постройки обладал странной магией, способной породить трансформацию чувств.

Нет… Это просто натянутые нервы. Она прислушалась. С противоположной стороны поляны доносился неясный, приглушенный расстоянием рык какого-то животного. В глуби леса протяжно и заунывно ухала неведомая тварь, возможно, птица…

Глаза постепенно свыкались с темнотой, адаптация зрения превращала кромешный мрак в сумрак, и контуры постройки, похожей на покосившиеся сарай, постепенно начали вырисовываться, приобретая зримые черты.

Оттуда не доносилось ни звука. Ни огня, ни движения — ничего. Втянув носом стылый ночной воздух, Лиза уловила слабый запах подгнившей древесины.

Нужно было что-то решать. Либо уходить прочь, осторожно отступая во тьму, либо рискнуть, решиться на более близкий осмотр непонятного сооружения?

Лиза бесшумно отпустила регулятор ремня, и «ИМ-12» послушно скользнула в ладони. Мягко осветился индикатор счетчика зарядов, тихо пискнул включившийся сопроцессор оружия, предупреждая хозяйку, что ему не удалось обнаружить стандартного соединения с боевым скафандром.

С того места, где она стояла, до смутного, покосившегося контура постройки, чья островерхая крыша слабо, прорисовывалась на фоне звездного неба, оставалось метров двести. Сделав первый шаг, Лиза постепенно вошла в пожухлый прошлогодний травостой. Желтая шуршащая масса прелой травы поднималась выше пояса, капли воды дрожали на увядших стеблях, срывались маленьким дождиком под ноги…

Лиза двигалась очень осторожно.

Наконец, подойдя почти вплотную к строению, она поняла, что это

добротно сработанный сарай… или все-таки дом?.. Кто знает? Сруб был старым, осевшим на один бок, но бревна еще держались, подгнив лишь в нижних венцах.

Скользнув вдоль стены, от которой как раз и шел запах прелого, сырого дерева, Лиза внезапно обнаружила дверь.

Она была закрыта. Никаких замков, лишь почерневшая поворотная щеколда. Встав сбоку от входа, прижавшись к стене, Лиза компенсатором винтовки толкнула запор и резко присела.

Дверь протяжно скрипнула на ржавых петлях, неохотно приоткрывшись на полметра. Изнутри по-прежнему не доносилось ни звука.

Она выждала минуту-другую, прислушиваясь к звукам, доносившимся из лесной чащобы, но все оставалось по-прежнему. Ночная какофония чужого леса оставалась тревожной, непонятной, но ее основные голоса вроде бы не изменились.

Лиза медленно привстала. Стараясь не задеть приоткрывшуюся дверь, она боком протиснулась в образовавшийся проем и очутилась в полном мраке.

Прижавшись к стене, она включила плечевой фонарь скафандра, готовая в ту же секунду открыть огонь, но картина, представшая ее взгляду, оказалась вполне мирной: длинное пустое помещение выглядело давно и безнадежно заброшенным. В глубине узкой комнаты виднелась перегородка из гладко оструганных, потемневших досок.

Осмотревшись, Лиза сразу обратила внимание на отсутствие в помещении окон. Вместо них стены прорезали узкие бойницы, заботливо закрытые изнутри специально изготовленными заслонками. Сруб казался очень толстым, надежным, в пазах между бревнами рос мох, и внутри постройки не ощущалось ни запаха гнили, ни сырости, лишь в одном месте она увидела влажные пятна на потемневшем деревянном полу и, задрав голову, заметила в потолке открытый чердачный люк, через который виднелись стропила, поддерживающие худую, поддавшуюся разрушительному действию времени кровлю.

Что это могло быть? Лесная сторожка? Место для ночлега случайных путников? — думала Лиза, продолжая обшаривать взглядом помещение.

Интерьер показался ей безликим, совершенно неспособным поведать что-либо о своих прошлых хозяевах.

Из мебели присутствовали лишь гладкие, отполированные лавки и такой же стол. Лиза не заметила никаких предметов быта или случайных вещей, только сваленные в углу покрытые плесенью пустые контейнеры из

пластмассы вносили некоторое разнообразие в унылую пустоту брошенного жилища. Завершал обстановку каменный очаг, сложенный в виде грубого камина, выступающего внутрь комнаты.

Осмотрев это помещение, Лиза прокралась вдоль стены, чтобы заглянуть в следующее. За тонкой перегородкой из струганных досок внезапно обнаружилось нечто вроде загона для скота. В противоположном торце здания имелись плотно сомкнутые и запертые изнутри поперечным брусом ворота, сделанные из таких же толстых, как сам сруб, стволов, только на этот раз обтесанных под четырехгранник.

Вернувшись назад, она плотно затворила дверь. Внутри, рядом с выходом, нашелся еще один толстенный брус, и Лиза быстро нашла ему применение — по обеим сторонам открывающейся наружу двери имелись металлические проушины, куда свободно вошел этот мощный, увесистый запор.

Похоже, что проблема ночлега оказалась решена самым неожиданным, но приятным образом.

Идти дальше, тратя силы в ночи, она не могла, а лучшей защиты от диких обитателей леса нельзя было и вообразить. Переночевать здесь, а с утра снова двинуться в путь — это показалось Лизе наиболее разумным решением. Она была измотана до предела, и лишь невероятное нервное напряжение удерживало ее на ногах;

Взглянув на очаг, она с тоской подумала, как здорово было бы развести в нем огонь, но тут же отмела эту крамольную мысль. Какой огонь? Ей бы немного прийти в себя, снять чугунную усталость с ноющих мышц…

Присев на широкую лавку, примыкающую к стене, она расстегнула нагрудный рюкзак, достала пакет с рационом выживания и в дурманящем отупении без вкуса и аппетита прожевала два кубика специального концентрата, который должен был обеспечить ее организм всеми необходимыми питательными веществами и элементами ровно на восемь часов.

Голова кружилась от усталости. Легкий гражданский скафандр не стеснял тела, он был удобен и мягок, словно обыкновенная одежда, а его внутренняя система терморегуляции согревала ее.

Лиза жевала отдающий приторно-соленым вкусом кубик, уже не ощущая ни дикой враждебности этого мира, ни тех моральных мук, которые терзали ее душу несколько часов назад, будто построенные человеческими руками стены ненавязчиво сняли этот прессинг, баюкая разум, успокаивая душу.

Сейчас, после утомительного многочасового марша, все проблемы казались чуточку менее острыми.

Сознание Лизы медленно кружило в водовороте мыслей, и она, ощущая теплую сытость в желудке, вдруг незаметно провалилась в глубокий сон…

* * *

Ей к утру ей опять приснился кошмар.

Лиза беспокойно заворочалась; во сне, тихо застонала, пытаясь вырваться из цепких объятий непрошеных и неприятных грез, но проснуться ей не удалось — организм, измотанный марш-броском, требовал более полноценного, длительного отдыха. Ее разум упорно не желал выплывать из омута провального сна…

За стенами бревенчатого сруба уже брезжил рассвет. Кучевые облака толклись у далекого горизонта, а из-под них, пробиваясь алой полоской зари, вставало солнце. Ночные обитатели леса уже угомонились, мрак отступил, вокруг посерело, во влажном и стылом утреннем воздухе плыли терпкие запахи вперемешку с легкими полосами тумана.

Мир казался умытым, свежим, льдисто-холодным…

Если бы не гробовая тишина, нависшая над лесом, это утро могло бы показаться приветливым и чистым, но что-то заставило смолкнуть проснувшихся птиц, уничтожая ощущения радости и покоя.

Лизе снилось, что ее захлестывает черная, вязкая волна непонятной субстанции.

Удушье накатывалось на нее, заставляя вскрикивать, превращая сон в кошмар, а дыхание — в судорожные конвульсии. Это было давление на разум…

Наконец она открыла глаза.

Реальность не сразу проникла в сознание. В первый миг ей стоило огромных усилий вспомнить, где она.

Затем до ее слуха дошел уже знакомый басовитый гул.

Она привстала со своей жесткой постели — оструганной деревянной лавки и потерла щеку, на которой отпечаталось ребро от шейного кольца снятого гермошлема. Мягкая ткань скафандра, согревавшая и оберегавшая ее тело, зашуршала, когда Лиза со стоном выпрямилась.

Все мышцы затекли от неудобной позы и жесткого ложа. Засыпая, она сняла гермоперчатки и сейчас пыталась холодными пальцами массировать щеку.

Ощущение реальности наконец начало возвращаться к ней вместе с

болезненным покалыванием тока крови в онемевших мышцах.

Лиза прислушалась, сначала к самой себе, а затем, удостоверившись, что все неприятные ощущения ушли вместе с вязким, кошмарным сном, — к окружающему миру.

Что-то надвигалось на поляну со стороны леса. Она четко различила басовитый звук работающих вдалеке двигателей, и всю сонливость, заторможенность как рукой сняло. Вскочив на ноги, Лиза метнулась к ближайшей бойнице, осторожно приоткрыла деревянный ставень, заслонявший узкую вертикальную прорезь в бревнах, и выглянула наружу.

За те годы, что сруб стоял заброшенным, в бойнице поселился мох, и сквозь его курчавые завитки Лиза смогла увидеть лишь небольшую часть поляны… хотя и этого оказалось достаточно, чтобы вдоль позвоночника пробежала холодная дрожь.

Метрах в пятистах от ее убежища, на самом краю поляны, в воздух поднимались характерные белесые клубы выхлопа от работающего водородного двигателя, которые вились в воздухе, смешиваясь с туманом. Из-за высокой сухой травы было трудно различить саму машину, но зато она отчетливо увидела растянувшуюся по всей ширине прогалины цепь странных существ, которая медленно двигалась от источника белесого выхлопа в сторону заброшенной, покосившейся постройки.

Спина Лизы похолодела.

Значит, все-таки засекли ее высадку, всю ночь шли по следам, и вот теперь догнали…

* * *

Они приближались, медленно, но неуклонно превращаясь из смутных, едва различимых на фоне желтой травы контуров в реальных существ.

Все в них казалось страшным, отталкивающим. Наверное, в этом отчасти была повинна та брезгливость, с какой люди испокон века относились к определенным видам насекомых.

Эти напоминали материализовавшийся кошмар изрядно перебравшего энтомолога. Насекомообразные существа достигали от полутора до двух метров роста, их хитиновые панцири, умытые стылой утренней росой, влажно и неприятно поблескивали. Сегментированное брюхо казалось белесым, остальные покровы варьировались по окрасу от темно-коричневого хитина на спине до грязного, болотно-зеленого, покрывавшего хрупкие на вид конечности, которые смотрелись как уродливая пародия на строение человеческого тела. И руки, и ноги инсектов казались просто приклеенными по бокам заостренного книзу туловища.

Они двигались ровно, размеренно, не ломая строя, не разговаривая, не издавая никаких звуков, словно были не живыми существами, порожденными чуждой человеку эволюцией, а каким-то биомеханическими подобиями жизни.

Чем ближе они подходили к старому срубу, тем отчетливее проступали отдельные черты строения их тел и тем явственнее ощущалась волна катившегося перед цепью инсектов леденящего ужаса.

Лиза читала про эту расу, поселения которой, были обнаружены сначала в заброшенной Сфере Дайсона, открытой некоторое время назад, а затем и на загадочной Деметре, где люди и насекомоподобные наследники древнего разума долгое время вели кровопролитную войну.

По обрывочным сведениям, которые сохранила ее память, Лиза вспомнила, что инсекты являются природными телепатами, что именно они, спасаясь от космической чумы три миллиона лет назад, построили недавно обнаруженную Сферу Дайсона, что их раса деградировала после нашествия Предтеч, и в большинстве своем вымерла, сохранив лишь несколько известных анклавов, застывших на уровне первобытнообщинного строя. Все они вели тихую, ничем не примечательную жизнь, находясь, как правило, под опекой Совета Безопасности, а вековое противостояние людей и инсектов на Деметре являлось лишь исключением из общего правила, порожденным особенностями планеты и вынужденным соседством двух таких разных колоний.

Все эти мысли промелькнули в ее голове, пока она в жутком оцепенении разглядывала приближающуюся цепь насекомоподобных тварей. Откровенно говоря, Лиза, узнав этих существ, в первый момент просто растерялась. Ее предсмертная память хранила совершенно иной ксеноморфный образ, намного более отвратительный и чуждый человеческому разуму, чем облик инсекта, уже несколько приевшийся по частым упоминаниям в средствах массовой информации.

Она не понимала, что несет ей эта молчаливо надвигающаяся цепь, откуда они взялись тут и, главное, как соотнести с ними кристалл, имплантированный в ее мозг в качестве аналога ГМИ? Серый кусочек пронизанного прожилками кремния являлся продуктом иной древней расы — логриан и никак не мог соотноситься ни с инсектами, ни с их современными, слишком явно вырожденными технологиями.

Кто они — враги, друзья или же просто случайные прохожие, занятые своим, никак не связанным с ее присутствием делом?

И первое, и второе, и третье казалось ей сомнительным. Лиза просто

не могла понять смысл происходящего, пока дальнейшие события не раскрыли ей истину…

Это произошло внезапно.

Цепь инсектов приближалась, заполняя пространство поляны своими ментальными эманациями, от которых и проистекало чувство глобальной подавленности, тревоги и спазматического удушья. Отслеживая их движение, Лиза неожиданно поняла, что цепь движется не на нее. Они шли по касательной к срубу, не обращая никакого внимания на покосившуюся постройку. Левый фланг цепи должен был пройти в десятке метров от ее убежища, а истинная цель прочесывания крылась где-то ближе к противоположному краю широкой прогалины.

Все происходило в стылой, гробовой тишине, лишь вдалеке по-прежнему урчала двигателями одна или, может быть, несколько машин.

Лиза перевела взгляд туда, где, по ее мнению, цепь должна была выйти к лесу, и внезапно заметила, как в двух местах вздрагивает и шевелится высокий желтый травостой.

Там кто-то был!

Она поняла: судьба посылает ей удачу, возможность быстро и незаметно скрыться, как только цепь инсектов минует сруб, двигаясь к своей цели. Кого они пытались обнаружить — зверя или иное существо, — Лиза не знала. За слабым шевелением травы мог скрываться кто угодно.

Ее нервное напряжение росло с каждой секундой.

Вот цепь насекомоподобных существ поравнялась с покосившейся постройкой. Они двигались медленно и осторожно, высоко вскидывая свои тонкие членистые ноги, будто цапли на земном болоте.

Теперь, когда ее и ближайшего инсекта разделяло не более пятнадцати метров, Лиза смогла более внимательно разглядеть насекомоподобное существо. Его голова не имела четко выраженной шеи и казалась воткнутой в плечи. Стык головы и покатых плеч закрывали растущие внахлест, подвижные хитиновые пластины, по которым тянулся незамысловатый природный узор из бурых пятнышек, похожих на сыпь от болезни. Голова была маленькой, большие фасетчатые глаза торчали по бокам, смещаясь ближе к ушным отверстиям, дыхательные щели, занимавшие центр «лица», располагались елочкой, создавая жуткую, вдавленную имитацию носа, из-под которого резко выступали роговые челюсти, явно способные обкусывать и мелко измельчать как растительную, так и животную пищу.

Но более всего Лизу поразил не внешний вид твари, а элементы его экипировки и оружие, которое инсект держал в своих тонких, изломанных двумя суставами лапах.

Снаряжение крайнего в цепи бойца было человеческим, в этом у Лизы не осталось никаких сомнений, стоило бросить один-единственный взгляд на удобную «разгрузку», ладно пригнанную поверх природного хитинового «броника»…

Что за черт!.. Ей был абсолютно непонятен этот внезапный синтез, тем более что инсект сжимал в своих лапах «АРГ-8», штурмовую винтовку минувших войн, прекрасно зарекомендовавшую себя во время Второй Галактической и до сих пор содержавшуюся на вооружении некоторых армий…

Неужели они?! — пришла резкая, неприятная мысль.

Погибшая, истребленная колония, пустые города, засада на их взвод, гибель «Орфея»?!

Лиза не успела продолжить мысленный список, потому что лимит ее времени оказался исчерпанным.

Цепь инсектов внезапно остановилась. Они что-то обнаружили, строй, в центре распался. Все происходило так же стремительно и молчаливо, как раньше, и тем более зловещими были ИХ действия, когда Лиза увидела немой жест выброшенной вперед тонкой двухсуставчатой руки, синхронное с ней движение послушно вскинутых стволов и услышала сухой, короткий рык разрядившегося оружия…

Влажный, чуть тронутый утренним заморозком травостой вздрогнул под хлестким ударом очередей с хрустом разлетаясь в труху, подломилось и упало несколько особенно толстых, полых внутри стеблей, растущих кустом из одного корня, и из-под них внезапно выскочил, дико вопя, похожий на кабана зверь.

Его толстая морщинистая шкура была дырявой, как решето, из ран пульсирующими фонтанами хлестала кровь, зверь попытался бежать, но вдруг крутанулся на месте, теряя силы; потом издал сиплый, судорожный вздох и повалился в измятую, окровавленную траву, содрогаясь в конвульсиях.

Цепь инсектов некоторое время молча созерцала свою добычу, затем, убедившись, что животное сдохло и уже едва дергает замирающими конечностями, они опять двинулись вперед… но не успели сделать и нескольких шагов, когда среди травы мелькнули еще две фигуры.

Лиза едва не вскрикнула, потому что бегущими на этот раз были люди!

Два человека, низко пригибаясь, пытались рывком покрыть отделяющее их от леса пространство, но эта попытка была заранее обречена на провал: инсекты тут же заметили их, и в ту же секунду сухой

треск очередей вновь раскроил сторожкую утреннюю тишину…

Один из бегущих упал, безвольно прокатившись по траве, второй оглянулся, резко вильнул в сторону, нырнул в не тронутый выстрелами травостой, а за ним по пятам уже гнались фонтанчики выбитой пулями земли, заунывно взвизгнул рикошет, дымчатое крошево полетело от окружающих поляну деревьев…

Все произошло намного быстрее, чем это можно описать.

Со стороны убегавших не прозвучало ни одного выстрела, а инсекты продолжали огонь, методично заплевывая пространство поляны свистящим металлом…

Это длилось всего лишь несколько мгновений, но для Лизы они стали судным часом ее души…

Все происходило слишком быстро, даже для мыслей, но их как раз и не было. Была лишь мерзкая пустота, трескучие раскаты автоматического огня, подрубленное, тело, безвольно прокатившееся по земле, рывок ствола из-за спины и очередь навскидку, сквозь узкую щель заросшей мхом бойницы, дрожь импульсной винтовки, шепчущий шелест интегрального затвора, и все — словно выбили донышко у памяти…

Резкий инстинктивный рывок в простенок спас ее. Пули выкрошили гнилое дерево по краям бойницы, в воздухе сладко запахло порванным в клочья мхом, частички которого кружили в воздухе, медленно оседая на пол.

Лиза рванулась в сторону, ударом ноги выбила ставень, огрызнулась в открывшийся проем экономной очередью и тут же вжалась в стену, инстинктивно ожидая неизбежной реакции…

Она знала, теперь все внимание инсектов переключится на нее. Кем бы ни были эти люди… вернее, один оставшийся в живых человек, но она дала ему шанс уйти. Может быть, с ее стороны это являлось глупым геройством, спонтанным порывом, безумием, наконец, но она не могла поступить иначе…

Лиза в эти роковые секунды делала выбор не разумом, а сердцем, и, по сути, выбор касался ее собственной души, осознания того, кем она была и кем осталась — запрограммированной машиной, нелюдью, или…

В двери сруба несколько раз ударило что-то мягкое, потом наступила тишина. Бесноватый автоматический огонь снаружи стих.

Лиза знала, что произойдет в следующий миг. Рывком перевернув массивный стол, так чтобы опрокинутая столешница оказалась напротив дверей, она резко присела под защитой пятисантиметровых досок, широко открыв рот и зажмурив глаза.

Двери вышибло взрывом, который гаркнул, смешав свой рык со стонущим треском разлетающегося в щепу дерева, взвизгнули, рикошетя, осколки, и тут же в проем метнулись тени.

Их встретил тугой плевок прицельной очереди. Двоих инсектов выбило назад, на крыльцо, третий, секунду постояв в дымящемся проеме, со стуком упал вовнутрь сторожки.

Лиза перекатилась по полу, краем глаза заметив, как пули, пущенные в проем, пробивают толстую столешницу, выворачивая щепу на выходе и впиваясь в посеченную осколками дощатую стену межкомнатной перегородки.

В бласт-подсумке, снятом с тела Паши Соломина, было две гранаты.

Лиза вырвала предохранитель и метнула одну из них сквозь дымящийся дверной проем.

Снаружи ударил басовитый раскат, глухо застучали по ветхой крыше комья земли, один из осколков вернулся назад, с хрустом проломив изрешеченный пулями стол.

Лиза выкатилась в проем, дала с колена длинную веерную очередь по пространству поляны, успев при этом заметить, как корчатся в десятке метров от крыльца несколько порванных взрывом насекомоподобных фигур, и опять отпрянула назад, под защиту бревенчатых стен.

Машинальный удар по клавише, расположенной рядом с пистолетной рукояткой оружия, и пустая обойма полетела на пол, звонко клацнув об него тусклой серебряной рыбкой, индикатор зарядов на секунду погас, а затем вспыхнул вновь, преданно подтверждая смену боекомплекта.

Лиза прислушалась.

Вокруг опять стояла звонкая, ненатуральная тишина, будто не было минуту назад остервенелой стрельбы, взрывов, будто все поглотил молчаливый, суровый и таинственный лес…

Она, не доверяя обманчивой тишине, осторожно выглянула сквозь узкую бойницу.

Скоротечный бой действительно, был окончен. Вокруг бревенчатого строения валялись пробитые пулями и посеченные осколками тела инсектов, некоторые из них еще дергались в конвульсиях, загребая измаранную кровью траву суставчатыми конечностями, вдалеке по-прежнему урчала, плюясь белесым паром, невидимая отсюда техника, а по помятой, прибитой выстрелами траве, среди трупов, медленно, пошатываясь, брел человек, несущий на руках безвольно обвисшее тело.

Лиза взглянула на него и обмерла.

Это был Лайт… Он шел, неотрывно глядя на нее, а на его руках

безвольно повис Сэм!..

Глава 10

Колония Воргейз. Лесные массивы

В первый миг Лиза испытала такой шок, что не смогла говорить. Она стояла, оцепенев, уронив руки, беспомощно моргая, не в силах осмыслить свершившееся.

Лайт, пошатываясь, добрел до изуродованного двумя взрывами крыльца и грузно осел на вздыбленные доски. Окровавленная голова Сэма при этом беспомощно дернулась. Упав на колени, Лиза подхватила голову Крайнева, ее губы дрожали, пальцы тут же испачкались в его крови, которая продолжала стекать по виску и щеке. Крови было так много, что Лиза не могла разглядеть — проломлен ли череп, насколько тяжело ранение и какая нужна помощь?!

У Лизы не было под рукой воды. Она умоляюще посмотрела на Лайта.

— Там! — Ее рука, испачканная в крови Сэма, взметнулась в выразительном жесте. — Лайт, умоляю… Там ручей… Воды!.. — Она, с трудом сдерживая рвущиеся к горлу рыдания, сорвала с креплений болтающуюся на груди половинку своего гермошлема и протянула его Лайту. — Быстрее, прошу тебя!..

Он не стал спорить, хотя Лиза была более чем уверена — у бывшего телохранителя нашлось бы для нее много «теплых» слов, но сейчас, в эту страшную секунду, все прежние счеты были забыты.

Ни слова не говоря, он взял предложенную емкость и, переложив обмякшее тело Сэма на руки Лизе, молча исчез за высокими зарослями травы.

Она, всхлипывая, затащила Сэма в сторожку. Уложив его на пол, Лиза вдруг с ужасом поняла, что на нем нет даже скафандра: серый тренировочный костюм из синтетической шерсти, порванный в нескольких местах, был весь испачкан кровью и грязью.

Такие костюмы обычно надевали в качестве нижнего белья при пользовании гражданскими скафандрами. Только теперь Лиза с запоздалым прозрением поняла, что за алая точка появилась в зоне высоких орбит, спровоцировав ее расставание со спасательной капсулой и прыжок в стратосферу. Они пытались догнать, остановить ее, очевидно, не вполне отдавая себе отчет в том, что за страшную опасность таит в себе эта проклятая планета.

Они не успели даже толком экипироваться, когда планетарные танки,

потревоженные ее появлением на краю поселка, атаковали их спускаемый модуль. Вот что за отдаленные раскаты раздавались за ее спиной…

Лизу захлестнула невыносимая горечь.

Потом… — мысленно уговаривала она себя, пытаясь унять кровь марлевыми тампонами из гражданского НЗ, который, к сожалению, не содержал привычных ей боевых препаратов.

Переворачивая обмякшее тело Сэма, Лиза не могла не заметить, как в свете падающих сквозь чердачный люк косых солнечных лучей на тыльной стороне его запястья внезапно вспыхнули, случайно поймав нужный спектр, и тут же погасли несколько наложенных один подле другого голографических штрих-кодов.

Она внутренне похолодела, затем быстро достала оптический анализатор и, повернув его руку, добилась нужного угла падения света. Индикатор устройства часто заморгал, считывая байты информации, зашифрованные в расположении нанесенных лазером меток.

Спустя секунду в индикационном окошке высветилось несколько строк расшифровки.

«Центральная клиническая больница для особо опасных преступников», —

прочла она первую строку. Дальше следовало:

«Заключенный номер 237 819. Освобожден».

Сэм застонал, слабо пошевелившись. Кровь удалось унять, но рана выглядела серьезной. Лиза не знала, как его положить, чтобы хоть немного облегчить страдания, отсутствие элементарных препаратов действовало угнетающе, было невыносимо осознавать, что помочь ему в таких условиях попросту невозможно.

Не найдя ничего лучшего, она села на пол и осторожно приподняла его голову, положив себе на колени.

Веки Сэма дрогнули, он застонал, ненадолго приходя в сознание, и тут же гримаса боли исказила его черты.

— Лежи спокойно… Не дергайся… — Рука Лизы приблизилась к его лицу, и ее дрожащие пальцы внезапно коснулись губ Сэма, предупреждая его попытку что-то сказать. — Молчи… — попросила она, озираясь по сторонам. Где же Лайт? Неужели требуется столько времени, чтобы добежать до ручья и вернуться обратно?..

* * *

— Будь они прокляты, эти гражданские скафандры!.. — сквозь зубы выругался Лайт.

Таблетка химического нейтрализатора бурлила в принесенной им воде. Этот препарат оказался едва ли не единственным толковым средством в комплекте выживания, который был помечен аббревиатурой спасательной капсулы «Галатеи».

Лайт поднял взгляд, угрюмо посмотрев на Лизу.

— Откуда ты это взяла? — Он держал в руках вскрытый по шву комплект, выживания.

— Из спасательной капсулы, — лаконично ответила она, смачивая тампон в простерилизованной воде.

— Он просто-напросто разворован! — Лайт отвернулся и в немом отчаянии врезал кулаком в бревенчатую стену. — Я убью этих подонков!

Лиза осторожно смыла запекшуюся кровь вокруг раны.

— Кого ты собираешься убивать? — спросила она, чтобы только не вскрикнуть при виде той раны, которая обнажилась из-под смытой ею крови.

Дело обстояло хуже, чем она думала.

— Лайт, посвети мне! — резко приказала она.

Лиза прилагала неимоверные усилия, чтобы не взвыть, не заорать в глухом, безысходном отчаянии.

При тех средствах, которыми они располагали, Сэму не выжить. Ранение было смертельным.

Лайт, вооружившись фонарем, снятым с плечевого механизма ее скафандра, присел рядом на корточки. Взглянув на рану Сэма, в которой осколки разбитой черепной кости смешались с кровавыми сгустками и серыми кусочками мозга, он побелел, но не отвернулся, лишь пальцы его свободной руки машинально сжались в кулак.

Лиза, пользуясь скудным запасом перевязочных средств, обработала и закрыла рану, понимая, что это уже бесполезно. Сэм лежал на полу белый, как лист бумаги, и лишь жилка на его худой шее явственно подрагивала, свидетельствуя о том, что Крайнов все еще жив.

Это она… Она была виновата во всем…

Встретившись взглядом с Лайтом, Лиза отвернулась.

— Он ринулся на поиски тебя очертя голову…, — глухо произнес Лайт. — Мне не удалось удержать его…

Лиза встала, на негнущихся ногах вышла из проема сорванной двери

и села на развороченное взрывом крыльцо.

Перед глазами плавали черно-красные круги.

Все… Теперь она действительно потеряла его…

Мысль о Сэме казалась невыносимой. Она причиняла такую неимоверную внутреннюю боль, что хотелось орать, рвать пальцами эту ненужную, проклятую землю… Ее побелевшие губы беззвучно шевелились.

Мир вокруг смыкался до узких рамок личного безысходного горя… Она ощущала себя так, словно кто-то подкрался к ней сзади и что есть силы ударил по затылку, оглушив, выбив все мысли, расколов сознание на две половины: до и после…

До того момента, как Лиза увидела раненого Сэма, осознала, что это он, у нее имелась цель, была воля к совершению определенных действий, готовность рисковать своей жизнью, чтобы дойти до истины событий двадцатилетней давности, теперь же… Теперь она уже не могла мыслить здраво…

На крыльцо вышел Лайт.

— Анализатор показывает затухание метаболических процессов. Он умрет в течение часа… может быть, двух… — В голосе Андрея Бекетова звучало такое же глухое, абсолютно безысходное отчаяние, какое испытывала и Лиза. — Мы собираемся что-нибудь сделать для него или нет?! — Он вдруг резко наклонился и встряхнул Лизу за плечи.

Она молча оторвала его пальцы от своего помятого скафандра, встала, отошла на несколько метров от крыльца, тоскливо глядя на туманную дымку леса.

Нет, как ни запрокидывай голову, эти слезы не загонишь назад… Почему… Почему эти твари убивают всех подряд, без разбора, кто бы ни попался на их пути?.. Откуда такая иррациональная жестокость?..

Лиза балансировала на зыбкой грани здравого смысла и болезненного бреда. Ей было так больно, что душа казалась порванной на миллион кровоточащих клочков, которых уже не собрать вместе… никогда.

Она отчетливо понимала, что с последним вздохом Сэма умрет и ее душа, навсегда, но мысль об этом не принесла ни страха, ни сожаления. Губы Лизы дрогнули, искривились. Зря она пыталась вообразить себя человеком. Нет… Она действительно зомби, машина смерти, за которой тянется страшный кровавый след. Так не лучше ли умереть здесь, сейчас, рядом с Сэмом?..

Ее взгляд туманился, бессознательно возвращаясь к одному и тому же месту: туда, где на краю поляны тихо урчал двигатель какой-то машины.

Может быть, там? Может, там найдется хоть что-то, способное помочь Сэму?

Эта запоздалая мысль обожгла, будто кипятком.

Не стой же, дура, беги скорее!

Лиза побежала, подчиняясь своему внутреннему голосу.

Лайт, который угрюмо смотрел в ее сторону, сидя на развороченном крыльце сторожки, порывисто встал. Он не понимал действий Лизы, не ощущал ее безысходного горя, более того, он не видел в ней друга, считая жестокой и эгоистичной, но тем не менее пошел следом, машинально подхватив оставленную ею импульсную винтовку.

* * *

На краю поляны в лес уходила старая полузаросшая дорога. У развилки, где размытое дождями грунтовое покрытие расходилось на два едва приметных, огибающих прогалину проселка, стояла, плюясь белесым водородным выхлопом, древняя модель боевой машины космодесанта.

Лайт и Лиза увидели ее одновременно. Не сговариваясь, они присели, но вокруг не оказалось ни души — видимо, инсекты чувствовали себя на планете настолько уверенно, что даже не удосужились выставить тыловое охранение.

Лиза сейчас была не в состоянии думать о воинских качествах насекомоподобных тварей. Вид грозной боевой машины ее совершенно не обрадовал. Того, в чем остро нуждался Сэм, здесь не отыскать, это становилось ясно, стоило взглянуть на смертоносные очертания бронированного реликта. На борту БМК в лучшем случае найдутся препараты, способные вогнать раненого в глубокую кому, облегчить страдания и временно подавить мучительную боль, но не спасти.

Им нужен был автодоктор — кибернетическая система, которой оснащались мобильные полевые госпитали, но где его взять? Хотя, может быть, еще не все потеряно?! Некоторые модели боевых машин оснащались консервационными модулями — эти сведения хранила ее профессиональная память, но относится ли данная БМК к подобному разряду, она не могла сказать наверняка…

Раздираемая сонмом противоречивых мыслей и чувств, Лиза встала из-под прикрытия редких кустов и двинулась к боевой машине космодесанта.

Если Сэм умрет, то и ей абсолютно незачем жить…

Сзади раздалось пыхтение Лайта. Лиза оглянулась. Жестом приказав ему — прикрой, она рывком преодолела открытое пространство опушки и

прижалась спиной к броне БМК рядом с распахнутым боковым люком.

Тишина в лесу стояла злая, вязкая. Рокот работающего водородного двигателя вплетал в нее свою монотонную басовитую ноту.

Лайт опустился на одно колено, занимая позицию напротив люка. Поведя стволом из стороны в сторону, он изготовился к стрельбе и сделал знак Лизе: Давай!

Она рывком кинула свое тело в распахнутый люк бронемашины. Прокатившись по жесткому, ребристому полу десантного отсека, метнулась в, узкий проем между двумя выступами переборок, ожидая выстрела или вскрика, но вокруг по-прежнему стояла тишина, которую нарушал лишь приглушенный звук работающего на холостых оборотах движка.

Выглянув из своего укрытия, она поняла, что древняя машина пуста. В отсеке управления, отгороженном от десантного модуля лишь прозрачной перегородкой из звукопоглощающего пластика, перед мерцающими навигационными дисплеями возвышались спинки двух кресел, предназначенных для механика-водителя и бортстрелка.

Никого…

Внимание Лизы тут же переключилось на оборудование десантного отсека. Она бегло осмотрела его, и стон разочарования вырвался из ее горла…

Никаких специальных приспособлений, на наличие которых она втайне надеялась, тут не нашлось. Внутреннее оборудование БМК отличалось скудостью и рационализмом. Она увидела лишь два ряда кресел, расположенных вдоль бортов, да оперативно-тактический терминал командира взвода, который уступчатой массой возвышался в конце отсека. Машина была очень старой, очевидно, той серии, которая массово выпускалась Земным Альянсом в период Первой и Второй Галактических войн.

По сравнению с более поздними образцами подобной техники здесь отсутствовало самое главное: криогенные консервационные модули, на наличие которых она так рассчитывала. Вспыхнувшая было надежда опять угасла в ее душе, как робкое пламя свечи под порывом ледяного ветра отчаяния.

Осмотрев отсек, она, отчаявшись, пошла назад, к люку, и в этот миг снаружи ударила трескучая очередь, выпущенная на «ИМ-12».

— Инсекты! — услышала она приглушенный голос Лайта, который, перекатившись по земле, уже возник в люке бронемашины.

— Расчехляй орудия! — закричал он Лизе, которая внезапно застыла в оцепенении, пораженная в самое сердце простой и логичной, мгновенно

промелькнувшей в мозгу догадкой, схожей по своей внезапности с озарением, четко объясняющим тактику насекомоподобных бойцов.

— Лайт! — Она схватила его за руку. — Лайт, послушай меня!

— Ну? — Он резко обернулся, зло сверкнув на Лизу глазами. — Я же сказал — к орудию! Лезь в башенный модуль, твою мать!

События вдруг приняли ту стремительность, которая не предполагает осмысления ситуации — лишь действие, грубое, инстинктивное и чаще всего непоправимое впоследствии.

— Нет, Лайт, мы не должны их убивать! Послушай же меня! — Лиза уже даже не кричала, она визжала ему в лицо, пытаясь достучаться до затуманенного ненавистью разума. — Ты хочешь спасти Сэма?! Я знаю, как это сделать!

Последняя фраза возымела большее действие, чем весь остальной крик. Очевидно, ее смысл дошел-таки до сознания Лайта.

— Мы не можем ему помочь! — обернувшись к Лизе, зло ответил он.

— Я знаю. Но они могут! — Лиза указала на работающий обзорный экран в отсеке управления БМК, на котором было отчетливо видно, как из глубины леса короткими перебежками двигается цепь инсектов в сопровождении двух точно таких же бронемашин. Очевидно, это была вторая группа прочесывания, которая шла параллельно первой и, заслышав звуки боя, повернула в сторону лесной прогалины.

— Они не берут пленных. Они убивают все, что движется! — хрипло возразил Лайт, не понимая и, вероятно, не желая понимать, куда она клонит.

— Я знаю! Я сама погибла на этой чертовой планете! Погибла! Слышишь?! — Лиза была в отчаянии, она не знала, как донести до сознания Лайта смысл промелькнувшей в ее голове догадки. — Лайт; я молю тебя, поверь! Мы спасем Сэма! Меня убили тут, и вот смотри, — она протянула к нему руки с бледными растопыренными пальцами, — смотри я живая, я дышу, я…

Лайт жестом перебил ее, осознав наконец, что еще секунда — и у Лизы начнется обыкновенная истерика.

— Что мы, по-твоему, должны сделать? — спросил он, неотрывно косясь в сторону обзорного экрана.

Лиза никогда не верила в бога, но сейчас она готова была сделать это, горячо возблагодарив создателя за несколько секунд трезвомыслия, которые были дарованы ей…

— Нужно, чтобы они увязались за нами! — воскликнула она, твердо глядя в льдистые, полные недоверия глаза Лайта. — Нужно вывести их на

поляну, к сторожке, так, чтобы они обязательно наткнулись на Сэма, — горячо убеждала Лиза, интуитивно чувствуя свою правоту. — Они всегда подбирают раненых, я знаю! — Лиза предпочла умолчать, что они делают с ними далее, но сейчас, по ее мнению, это было абсолютно неважно, — ведь грань между жизнью и смертью можно перейти лишь однажды, и если они не помогут сейчас Сэму тем или иным способом остаться в живых, то его личность навсегда исчезнет. — Пойми, ни ему, ни нам терять уже нечего!.. — воскликнула Лиза.

Глаза Лайта потемнели, зрачки сузились, стали колючими и злыми. Видно, в его душе сейчас шла борьба между рассудком и чувствами, между привязанностью к Сэму и недоверием к Лизе, между желанием помочь другу и невозможностью сделать это собственными силами.

— Хорошо… — Лайту понадобилось не так много времени, чтобы признать удручающую справедливость ее слов. Терять действительно было нечего ни им, ни Сэму. Если она утверждала, что инсекты попытаются помочь раненому, значит, нужно воспользоваться этим шансом, но, видит бог, она чего-то не договаривала, и Лайт мысленно поклялся, что заставит Лизу быть откровенной… чуть позже, разумеется.

Не говоря больше ни слова, он кинулся по узкому проходу десантного отсека к креслу механика-водителя.

Лиза, на бледных щеках которой горел лихорадочный румянец, так же молча полезла в тесную кабинку башенного орудия БМК.

— Кружи по поляне, пока мы не убедимся, что они нашли Сэма! — произнесла она, надевая на голову тонкий обруч внутреннего коммуникатора с крохотным микрофоном на дрожащей дуге. Пальцы Лизы уже сновали по сенсорам активации орудийного комплекса.

— Держись… — буркнул в ответ коммуникатор голосом Лайта.

Через секунду огромная, тупоносая бронемашина, покоящаяся на шестнадцати чудовищных, ребристых колесах, взревела двигателем и попятилась, задом преодолевая резкий подъем колеи.

Ее башенное орудие повернулось, и звонкая, оглушительная очередь автоматической пушки порвала зловещую тишину притихшего леса.

Снаряды веером хлестнули по броне выдвигающейся БМК противника, но частые сполохи разрывов не причинили многотонной машине особого вреда: Лиза стреляла с таким расчетом, чтобы только разозлить, расшевелить вяло наступающих инсектов.

Похоже, что это удалось. Когда бронемашина, управляемая Лайтом, выскочила на поляну и, подпрыгивая на ухабах, понеслась к покосившейся сторожке, ей вслед уже неслись, выбивая черно-оранжевые фонтаны земли,

прицельные очереди ответного залпа.

* * *

Через два часа, оторвавшись от преследования, они выкатились наконец из леса на широкий, прямой, как стрела, участок старой асфальтированной дороги.

Скрипнув тормозами, БМК покачнулась на подвеске и остановилась.

Лайт, выбравшись через люк, спрыгнул, на теплый, растрескавшийся асфальт. Несколько секунд он стоял, подставив разгоряченное лицо ветру, а затем, сплюнув, пошел вдоль борта БМК, считая свежие выщербины от попадания мелкокалиберных снарядов и критически осматривая огромные, литые ребристые колеса, щедро нашпигованные осколками.

Вслед за Лайтом из раскаленного нутра бронемашины выбралась Лиза. Ее лицо было серым, как скверная оберточная бумага. Отойдя в сторону, она присела на обочину, невидящим взором уставившись куда-то вдаль.

Лайт, обойдя машину, подошел к ней и сел рядом.

Некоторое время они молчали. Потом Лиза искоса, посмотрела на него и спросила:

— Ты точно видел?

Он утвердительно кивнул:

— Да. Они вынесли его из сторожки и поволокли к бронемашине. Но не понимаю, с чего это вдруг они станут оказывать Сэму помощь? — Он повернул голову и испытующе посмотрел на Лизу. — Тебе не кажется, что настало время поговорить? — мрачно спросил он.

Лиза кивнула, соглашаясь. На душе было пусто и мерзко. Оттуда опять вымели все, оставив лишь боль, дикую, ни с чем не сравнимую боль…

— Курить хочется… — внезапно призналась она, — четверо суток без сигарет.

Лайт сощурился, вставая. Схватившись за укрепленный на броне поручень, он легко закинул свое тренированное тело внутрь бронемашины и прошел вдоль борта десантного отсека БМК, сосредоточенно постукивая по облицовке.

— Так быстро сматывалась с «Галатеи», что не успела прихватить с собой сигареты? — раздался из нутра машины его приглушенный голос.

Лиза горько поджала губы. Он не доверял ей, возможно, просто ненавидел… и следовало признать, что у Лайта было очень много оснований для подобного отношения к ней.

— Нет, просто система регенерации воздуха в капсуле не располагает к курению, — поборов горечь, ответила она. — Послушай, Лайт, может быть, ты перестанешь злиться?

— Угу… — невнятно ответил он, отковыривая облицовочную панель. Кусок пластика с хрустом освободился от фиксаторов. Лайт просунул руку в образовавшуюся нишу и вынул оттуда пакет вакуумной упаковки.

Вскрыв его, он покачал головой.

— Надо же… «Золотая Галактика»… — Он вернулся к люку, спрыгнул, на землю, сел и небрежно протянул Лизе пачку. — Сигареты тысячелетней давности, — отрекомендовал он свою находку. — Там в НЗ еще есть консервированное мясо, натуральный кофе, шоколад и сахар с Земли. Думаю, одна порция потянет штук на пять, в твердой валюте. Эти насекомые ни хрена не смыслят в человеческой психологии, верно?

Лиза сосредоточенно смотрела себе под ноги, на растрескавшийся, выветренный асфальт старого дорожного покрытия. Какое, к черту, значение теперь имели деньги…

Лайт вскрыл пачку и прикурил две сигареты — одну себе, другую ей. Лиза приняла сигарету, зажала ее между дрожащими пальцами, потом взглянула в серые глаза Лайта и вдруг безудержно, беспомощно разрыдалась, уткнувшись в его плечо.

Она ничего не могла поделать с собой. Ее плечи сотрясались от рыданий, горе и безысходность последних суток выходили наружу в судорожных всхлипах.

Лайт некоторое время сидел в напряженной позе, потом не выдержал и осторожно пригладил ее растрепанные волосы.

— Не злись на меня, прошу… — спустя некоторое время тихо произнесла Лиза, отстраняясь.

Он пожал плечами. Злиться и психовать действительно не было смысла. Теперь они в одной лодке. Им следовало подумать о том, как выжить, а не о том, как перегрызть друг другу глотку. Хотя он был совсем не прочь получить от нее больше информации, чем несли судорожные всхлипы. Ладно… пусть выплачется.

Лиза продолжала смотреть вдаль, машинально смахивая срывающиеся с ресниц слезы.

— Лайт, как вы меня нашли? — негромко спросила она, немного успокоившись. Ее сигарета дотлела до самого фильтра, и пришлось прикуривать новую. После вынужденного воздержания от первой затяжки внезапно и резко закружилась голова.

В последнее время Лиза научилась ценить эти ощущения

человеческой слабости, но сейчас уже ничто не радовало и не возбуждало. Она в который уже раз ощутила, что внутри все выгорело, подернувшись серым пеплом равнодушия, безразличия к собственной судьбе.

Если она продолжала жить, то исключительно ради Сэма, Лайта и мести, хотя ее бывший телохранитель, похоже, не совсем отдавал себе отчет в ее чувствах.

— Ну, это было не так трудно сделать, — ответил он на последний заданный Лизой вопрос. Подобрав валяющийся у ног кусочек отколовшегося асфальта, он кинул его в стоячую лужу, образовавшуюся на дне дренажной канавы, которая тянулась вдоль обочины. — После твоего бегства Сэм приказал нашим компьютерным червям перекрыть все Интерстаровские каналы планеты, пояснил он. — Они посадили на каждый сервер свои программы-фильтры, настроенные на ключевую информацию. Знаешь, такие сторожа, которые кидаются в бой лишь в том случае, если по каналам Сети промелькнула определенная последовательность байт.

— Какая, если не секрет? — нахмурилась Лиза, пытаясь сообразить, где она допустила ошибку в своих действиях.

— Последовательность? — Лайт искоса посмотрел на Лизу. — Стриммер, — ответил он. — Твоя настоящая фамилия ведь Стриммер, верно?

Лиза кивнула. Все оказалось просто и глупо до неприличия. Ключевая модель поиска, запущенная в Интерстар, выдала ее инкогнито.

— Вы читали полученный мной документ? — на всякий случай уточнила она.

— Угу, — подтвердил Лайт. — Некая Сара Смит из гостиничного комплекса, расположенного на территории космопорта Кассии, интересовалась нашей общей знакомой Лизой Стриммер, разыскивая документы по сети Интерстар. Естественно, что мы быстро вычислили Сару Смит, но она уже упорхнула на «Галатее». — Он покосился на Лизу и добавил: — Сэм чуть с ума не сошел. Не понимаю, что он такого разглядел в тебе? Был парень как парень, и вдруг…

Лиза погасила окурок и повернула голову.

— Он что, не сказал тебе?

— О чем? По-моему, Сэм вообще ни с кем не обсуждает свои чувства.

— Обо мне. Он не сказал тебе, кто я такая? Лайт недоверчиво покосился на нее:

— Нет. А кто ты?

Лиза ответила не сразу. Некоторое время она смотрела на круги, что расходились по мутной, зеленоватой поверхности стоячей воды от

брошенного им камушка, а потом тихо произнесла:

— Лайт, я виновата, в том числе и перед тобой. Я наделала много глупостей, причинила вред тебе и Сэму, но… все это было не со зла. — Она внезапно всхлипнула. — В день моего побега мне стало известно, кто я такая. — Лиза на секунду умолкла, а затем добавила тихо, но внятно: — Я киборг, Лайт.

Это слово сорвалось с ее губ, словно камень, с плеском обрушившись в напряженную тишину ожидания.

Лиза не в силах была объяснять Лайту всю сложную подоплеку своего истинного существования, потому и вытолкнула сквозь зубы этот уничижающий термин «киборг». Он, конечно, не отражал истины в плане биологического строения ее тела, но близко подходил к сути по своей смысловой нагрузке и был, по ее мнению, наиболее понятен Лайту. Оказывается, этот термин обладал чудовищной глубиной, какой-то скрытой ранее смысловой емкостью.

Лайт побледнел. Светловолосого телохранителя вообще трудно было удивить чем-либо, обычно он оставался невозмутим в любых ситуациях, но тут явственно проявились и замешательство, и недоверие, и смятение…

Лиза отвернулась, чтобы не видеть отразившейся на его лице игры чувств. Ее это по-прежнему ранило…

— Сэм знал?! — наконец, справившись с собой, выдавил Лайт.

— Знал. Я совершила жестокую ошибку, не доверившись ему до конца, но когда поняла это, то менять что-либо было уже поздно.

Лайт продолжал потрясенно смотреть на нее. От его злости не осталось и следа.

— В биологическом плане я не монстр, — с горечью произнесла Лиза, хотя и не прочла в его взгляде подобного вопроса. — Я человеческий клон, выращенный на серво приводном эндоостове. Мой разум долгое время находился под контролем существ, которые оккупировали эту планету, уничтожив колонию людей.

Лайт потрясенно молчал.

Не в силах переварить обрушившуюся на него информацию, он встал, нервно прошел несколько метров вдоль откоса обочины, но остановился, когда услышал за спиной голос Лизы, которая говорила, сама содрогаясь от сути тех слов, что срывались с ее похолодевших губ. Она вдруг осознала, что впервые четко и недвусмысленно формулирует некоторые события, потому что наступило их ясное понимание:

— Двадцать лет назад «Орфей», крейсер гуманитарной миссии Совета Безопасности Миров, без вести пропал в районе этой планеты, — негромко

произнесла она. — Я входила в состав одной из десантных групп, сопровождавших «Орфей» в том поиске. Мы исследовали и картографировали данный сектор пространства, одновременно осуществляя поиск потерянных в период Великой Экспансии колоний. — Образы далеких лет всплывали из пучин ее памяти тут же с болезненной четкостью облекаясь в слова… — Мы не принимали никаких сигналов бедствия, но в границах этой системы аппаратура «Орфея» зафиксировала излучение древнего навигационного маяка, сброшенного колониальным транспортом «Воргейз» перед посадкой на планету. Мой взвод был отправлен на поверхность с разведывательной миссией. Нам следовало установить контакт с колонистами, но мы не нашли никого, — лишь пустые, полуразрушенные поселения. Было совершенно непонятно, куда подевались люди, ведь все свидетельствовало в пользу того, что еще совсем недавно тут существовало стабильное технократическое общество, пережившее наиболее трудные времена естественной деградации. — Лиза в очередной раз прислушалась к собственной памяти, но не нашла там однозначного ответа на вопрос: был ли установлен предварительный контакт с кем-то из колонии? Вздохнув, она созналась: — Я помню лишь события, непосредственно предшествовавшие моей смерти. Наш спускаемый модуль, Борт 618, потерял контакт с базовым кораблем высадки из-за грозы, а спустя минут десять после посадки взвод попал в засаду. Тот разрушенный поселок, куда вы высадились с Сэмом, и есть место гибели моей десантной группы… — Она говорила отрывисто, сухо, слова слетали с ее губ, как покореженные осенние листья, гонимые ветром по асфальтовому покрытию пустой аллеи… — Я погибла… а затем очнулась в искусственно выращенном теле. Я не знала об этом, жила под каким-то гипнозом, питая разум обрывками смутных воспоминаний, которые оставили мне новые хозяева этого мира. Они создали и использовали, меня как оружие против определенного человека, Сергея Шелгунова, независимого журналиста, который начал расследовать деятельность странной фирмы, маскирующейся под вывеской регионального филиала корпорации «Киборгсистемз». — Лизу прорвало, она говорила не останавливаясь, а Лайт потрясенно слушал ее, видимо, не совсем веря собственным ушам.

— Это… Это сделали инсекты? — наконец выдавил он. — Эти колченогие подонки?! Плечи Лизы опустились.

— Я не совсем уверена в этом, Лайт, — негромко ответила она. — Вся технология копирования взята от нас… она человеческая, понимаешь? А вот управляющую функцию несет кристалл, который разработан в

древности расой логриан и представляет собой мощнейший компьютер. Туда записывается человеческая личность, и он начинает управлять мозгом новорожденного клона. — Лиза коснулась своего затылка. — Вот здесь, в районе мозжечка, расположен этот аналог ГМИ… Но те, кто его вставлял, очень плохо знают как структуру нашего мозга, так и психологию человека. Они действуют грубо, и это дало мне шанс вспомнить, кто я на самом деле. Я надеюсь, что со временем память вернется ко мне в полном объеме.

Лайт молча прикурил новую сигарету.

— Так ты считаешь, что это сделали не инсекты? — спросил он.

— Не знаю, — повторила Лиза. — Своими глазами я видела тут только инсектов и еще одного странного ксеноморфа, которого запечатлели мои предсмертные воспоминания. Я не уверена, был ли он лишь бредом моего угасающего сознания или существовал на самом деле… Но в голове у меня находится микрокомпьютер, разработанный логрианами, а вставить его туда вполне мог кто-то третий. Мне ничего не понятно в этой каше, — внезапно созналась она. — Я почти не помню себя, я шла, как слепая, от одной ошибки к другой, понимаешь?

— И все же ты отдала им Сэма?! — В голосе Лайта прозвучало плохо скрытое осуждение, и Лиза резко обернулась.

— Лайт, а у меня был выбор?! Он бы умер, ты понимаешь это?! — Казалось, что она вот-вот вновь разрыдается. Подняв голову, Лиза обвела окрестность мутным от слез взглядом и внезапно добавила: — Кем бы они ни были, но я думаю, что, оккупировав планету, эти подонки угробили многотысячное население колонии, экспериментируя с новыми, попавшими им в руки человеческими технологиями. На основе существовавшей три миллиона лет назад техники логриан они научились перекачивать человеческое сознание в кристалл, но не сумели отделить управляющие информационные массивы от долгосрочной памяти, на которой основана личность.

Лайт внезапно перебил ее протестующим жестом.

— Откуда ты это знаешь? Ты же говорила, что не уверена ни в чем, кроме факта собственной смерти?

— Эти выводы сделала не я… Их сделал специалист, который совершенно не знал сути происходящего… — Лиза вспомнила Кригана и его интуитивные пояснения, основанные на высочайшем знании технологии. — Меня воссоздавали сущие дилетанты, — повторила Лиза слова Кригана. — Они скопировали личность в кристалл, побоявшись тронуть информационные массивы данных, потому что плохо разбирались в структуре человеческой памяти. Они постарались лишь ограничить ее

спонтанное использование. Понимаешь? Из этого я делаю вывод, что они — не люди и действуют по возможности скрытно. Боюсь, что, прежде чем создать меня, они угробили сотни, а может быть, и тысячи колонистов этой планеты в своих экспериментах, продвигаясь в исследовании нашего сознания исключительно методом проб и ошибок.

От слов Лизы, в особенности от ее уверенного тона, по коже Лайта пробежал озноб. Почему она уверена, что все происходило именно так?

— Откуда ты это знаешь?

— Все просто, — ответила она. — Существует множество испытанных временем технологий. Есть пресловутая матрица «Корг». Есть изобретенный более тысячи лет назад мыслесканер. Все это можно достать и использовать. Для нас человеческий разум уже давно не представляет неразрешимой загадки, — невесело заключила она. — Мы умеем манипулировать им и… слава богу, осознали всю запредельность подобных опытов. Если бы меня создавали люди, неважно с какими намерениями, то я никогда не вспомнила бы ни единого фрагмента своего прошлого. Отсюда я и делаю вывод, что мои создатели не имели доступа к тем технологиям, которые обычно используются для достижения их конечной цели — создания человеческого подобия с подчиненной волей.

— Но зачем?.. — Лайт нервничал все сильнее и не находил в себе сил скрыть это. — Ты можешь предположить, ЧТО тут произошло на самом деле?! Почему они истребили человеческую колонию? Ведь мы уже имели контакты с инсектами и этим ублюдкам спокойно выделили несколько планет для расселения!

— Да… — согласилась Лиза. — И потому у меня нет абсолютно никакой уверенности в том, что этим заправляют инсекты. Я утверждала лишь то, что надо мной поработали не люди.

— Думаешь, они лишь пешки? — усомнился Лайт, который, судя по всему, уже составил собственное мнение относительно роли насекомоподобных существ в происходящих событиях.

— Возможно… — не очень уверенно ответила Лиза. — Я понимаю лишь одно, — она подняла взгляд на Лайта, — на этой планете находится пресловутая «зона контакта». Мы встретились с иной расой… и в результате погибла колония с огромным населением. Я не знаю, является ли причиной конфликта жизненное пространство или у него более глубокая ксенобиологическая подоплека, вот только факт налицо — они получили по зубам и сделали вывод.

— Какой?

— Что им не совладать с нами в открытом противостоянии. Не думаю,

что им удалось овладеть колонией в один день. Стоит обратить внимание хотя бы на разрушения в том поселке, куда мы высаживались. Тут шла война. Долгая война на уничтожение. Геноцид. Они истребили колонию, а когда поняли, что она — всего лишь затерянная частичка нашей цивилизации, ее позабытый форпост, то испугались. А когда на орбитах появился «Орфей», то их страх, очевидно, перешел в панику.

Лайт слушал ее, хмуро покусывая фильтр погасшей сигареты.

— Хотел бы я посмотреть на их рожи, когда факт существования двухсот семнадцати обитаемых планет оказался, как говорится, налицо…

— Да, и еще налицо оказался факт нашей разобщенности, — со вздохом продолжила Лиза. — Они ищут способ взорвать человечество изнутри, причем пользуются при этом нашей же психологией. Вероятно, именно с этой целью и появилась я…

— Пятая колонна? — прищурясь, спросил Лайт.

— Да. Это мне кажется единственным разумным объяснением. Я не берусь мыслить категориями неизвестного мне разума но большинство, людей поступило бы так же. У нас это называется здоровым цинизмом, согласен?

Лайт угрюмо кивнул. Лозунг о том, что цель оправдывает средства, был далеко не нов, а на фоне полного истребления здешней колонии он принимал более чем зловещий оттенок. Посылки Лизы казались ему если не полностью логичными, то как минимум правдоподобными. Он не понимал лишь нескольких моментов — как, например, в забытую, потерявшую контакт с остальными мирами колонию могли попасть технологии «Галактических киберсистем» — корпорации, прекратившей свое существование в прошлом веке, чья деятельность была осуждена, производство конфисковано, а технологии подвергнуты межпланетному табу. И еще оставалось непонятным, почему эти существа действуют так спокойно, методично, будто само понятие времени не играет для них существенной роли. Если соотноситься с историей, которую поведала Лиза, то они угробили двадцать лет на то, чтобы попытаться внедрить на Кассию некую организацию, занимающуюся формированием, «пятой, колонны», под видом фирмы, торгующей киборгами. Лайт был далеко не так прост, как могло показаться. Он хорошо понимал, что подобную деятельность даже не назовешь громким словом «вторжение» — так, мышиная возня, способная дать реальную отдачу дет через сто… И еще он понимал, что любой ситуацией, начиная от банальной кухонной ссоры и заканчивая конфликтом двух космических рас, управляют отнюдь не незыблемые законы, такие, как, например, физика движения небесных тел, а страсти…

Страсти, эмоции, амбиции, желания, источником которых должны быть конкретные личности.

Неужели они живут намного дольше, чем мы? Может быть, наши годы — для них всего лишь дни или месяцы?

Мысль была неприятной. Глядя на Лизу, которая сидела, подавленно уставившись в лужу стоячей воды, он не стал делиться с ней внезапно возникшими соображениями. Эту женщину еще предстояло понять…

— Ты думаешь, у Сэма есть шанс? — тихо спросил Лайт, присаживаясь рядом с нею.

— Я не знаю… — горестно ответила Лиза. — Я лишь надеюсь, что они поступят с ним так же, как со мной, — зафиксируют личность на кристалл и вырастят новое тело, чтобы позже использовать в качестве агента.

— Ты собираешься освободить его?

Лиза посмотрела на Лайта с горьким упреком в глазах.

— Если бы я мыслила как-то иначе, ты не стал бы со мной разговаривать, верно?

Лайт угрюмо молчал, и она добавила:

— Я вытащу его во что бы то ни стало. И надеюсь, что ты поможешь мне.

Он опять промолчал.

Откровенно говоря, Лайт был немного не в себе. Слишком много оглушающей, невероятной информации обрушилось на него.

Встав, он подошел к БМК, выплюнул погасшую сигарету и прикурил очередную. Дым показался ему горьким и противным. Он стоял, опираясь рукой о ребристое колесо, и смотрел в туманную даль, пытаясь справиться с обуревавшими его эмоциями.

Глобальность внезапно возникших проблем сбивала его с толку. И Сэм… Черт возьми, Сэм… Разум и сердце отказывались верить в то, что его уже нет, что он, в лучшем случае, превратился сейчас в не сколько миллионов гигабайт на чужеродном кристаллическом носителе, а от его тела живым можно считать лишь крохотный образчик хромосом…

Нет, временами осмысление ситуации выходило далеко за понятия привычной логики. Здесь требовались какие-то иные душевные качества… Лайт неожиданно для себя вдруг развернулся и несколько раз с силой пнул огромное, ребристое, как фреза, колесо бронемашины, будто это могло ему как-то помочь переварить информацию, которая обрушилась на голову, как снежная лавина с горного склона.

Нет. Ему просто нужно было успокоиться.

Через некоторое время он вернулся, опять сел, рядом с Лизой и, сцепив пальцы рук в замок, сказал:

— Я верю тебе… И я буду с тобой до конца.

Лиза покосилась на него:

— Спасибо, Лайт…

Он посмотрел вокруг, ничего не ответив. Все, что нужно, они уже сказали друг другу.

— Тебе не кажется, что нам пора бы двигаться дальше? — через некоторое время спросил он. Лиза кивнула, вставая.

— Я сяду на место водителя, — внезапно предложила она.

Лайт нахмурился, как делал это обычно, получая внезапные вводные.

— Почему? — поинтересовался он.

— Потому что ты будешь занят.

— Чем, позволь тебя спросить?

— Ты должен мне рассказать о себе… и о Сэме. Всю правду.

Лайт не понял ее намека, и тогда Лиза протянула руку, взяла его за запястье и резко повернула его так, чтобы были видны обе кодовые татуировки. Она не сомневалась, что и первый, и второй штрих-коды идентичны тем, которые она видела на запястье Сэма.

— Первый код погашен, и поэтому его смог прочитать сканер, — произнесла она, глядя в глаза Лайта. — А вот второй нет. Я подозреваю, что он означает, потому что служила в армии и видела подобное раньше. Но я хочу услышать это от тебя.

Лайт выдержал ее взгляд и медленно кивнул:

— Идет, — произнес он. — Я расскажу тебе про эти метки. Думаю, Сэм не стал бы возражать… — Он на секунду задумался и добавил: — Так будет даже лучше…

* * *

Лиза была права, когда думала о том, что в душе каждого человека живут свои, личные призраки прошлого.

Крайнов не являлся в этом смысле исключением из правил. Ей было невдомек, что на несколько секунд он пришел в себя там, в заброшенной сторожке, когда она держала его голову у себя на коленях.

Сэм ощущал прикосновения ее пальцев к своим губам, и ему было хорошо, несмотря на боль и озноб. Он следил за ее взглядом и видел, как ее глаза нет-нет да и косятся на его запястье, где под определенным углом падения лучей можно было разглядеть две штрих-кодовые татуировки.

В его сознании тоже таились свои, глубоко упрятанные воспоминания,

но, в отличие от Лизы, чья память была фрагментирована насильно, он свои воспоминания прятал сам.

И вот сейчас, улучив момент, они вдруг повалили на волю, все разом, словно это было их попыткой отомстить за забвение.

…Бежевые стены, обитые мягким звукоизолирующим материалом. Квадратная комната. Ровный свет потолочных панелей.

Стены. Мягкие, ненавистные, упругие и податливые настолько, что о них нельзя не то чтобы разбить себе голову, а даже ушибиться.

Стены, в которых он провел целую вечность.

Время здесь теряло свой смысл. День и ночь различались лишь по той интенсивности, с которой излучал потолок. Днем из ниоткуда лилась тихая, уничтожающая сознание музыка, ночью со всех сторон его обступала вязкая тишина.

Тишина и мрак, из которых больное, сломанное виртуалкой воображение лепило гротескные, чаще всего нереальные фигуры. Семен знал, если долго и пристально смотреть в темноту, из нее начинают проступать тени, чуть более светлые, чем сам мрак.

Каждую ночь они приходили к нему и порой задерживались надолго, пока искусственный рассвет не прогонял их прочь, назад, в мягкие, ненавистные бежевые стены.

Поначалу чаще других к нему приходила мертвая сестра.

Маленькая Дана с окровавленной головой выступала из мрака практически каждую ночь. Сначала Сэм пугался ее приходов, вел себя, как и подобает ненормальному человеку — кричал, пытаясь забиться в угол, отогнать руками призрачную тень, потом в ужасе молил у нее прощения… и не слышал ни звука в ответ — даже эхо собственного голоса глохло, тонуло в этих проклятых стенах.

Каждое утро на смену теням приходил голос.

— Доброе утро, мой мальчик! — жизнерадостно вещал он, одновременно с тем, как потолочные панели начинали излучать мягкий свет. — Как ты себя чувствуешь?

Сэм молчал в ответ. Он ненавидел этот мягкий, вкрадчивый голос, который, будто змея, пытался вползти в его душу и навести в ней свой, установленный свыше порядок.

Сэм не хотел, чтобы в его душе хозяйничали чужие.

Да, теперь, благодаря терпеливым и жестоким разъяснениям вкрадчивого голоса, он начал вполне отчетливо осознавать, что является малолетним преступником, который убил собственную сестру… но ведь он сделал это не нарочно — слишком многое из мира виртуальных грез

прижилось в его сознании к тому моменту, как в их квартале внезапно рухнула вся архитектура глобальной виртуальной сети!..

Никому не было дела до тех оправданий или же, наоборот — обвинений, которые, сменяя друг друга с удручающей скоростью и постоянством, рождались в его глубоко израненной душе.

Он осознал степень своей вины, вкусил весь ужас запоздалого раскаяния, но в его мыслях в те дни постепенно выковывался и другой лейтмотив: заключенный в мягкие стены своего узилища, Семен день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, перебирая в памяти прошлое и слушая ненавистный вкрадчивый голос, начинал понимать также и то, что мальчики и девочки, подросшие на виртуалке, могли лишь подозревать, что мир реальных физических законов — это прежде всего удручающая окончательность, непоправимость каждого действия.

Грезы и жизнь суть не одно и то же.

В этой комнате с мягкими стенами он медленно взрослел, испивая до дна чашу мучений.

Сначала у него отняли виртуалку, но взамен не дали ни крохи настоящей жизни, лишь эти мягкие стены, светящийся потолок и голос, который ясно описывал ему те правила, по которым должен жить нормальный подросток.

Он не мог зажать уши, ибо это каралось.

Сэм не знал, сколько времени провел в этой одиночке с мягкими стенами. Если он отказывался есть, его кормили насильно. Если не спал, то получал дозу снотворного препарата с пищей, и тогда несколько ночей выпадали из сознания, радуя его черным, провальным сном без сновидений и теней.

Сначала он бунтовал, а потом смирился.

Он научился игнорировать голос, делая вид, что слушает его. Научился механически, машинально выполнять предписанные процедуры: есть, мыться, отвечать на вопросы, не кидаться на стены, не шарахаться от рожденных собственным сознанием призраков, а также от людей, когда те изредка заходили к нему с очередными дурацкими анкетами и осмотрами.

Так протекало его лечение, пока кто-то, совершенно недоступный восприятию Сэма, но обладавший властью над его судьбой, не решил про себя, что данный подросток уже не будет бить палкой по голове своих ближних.

Теперь ему предстояло вкусить иной стороны бытия.

Однажды утром неприметная на фоне бежевых стен, обитая все тем же мягким материалом дверь отворилась, и его навсегда вывели из

маленькой квадратной комнаты, передав в руки представителям спецучреждения 56/33.

…

— Встать, говнюк!

Резкий удар в лицо заставляет голову онеметь.

Пятно крови расплывается на одежде.

— Встать, я сказал!

Он, всхлипывая, поднимается с пола.

— Руки по швам. Подбородок прямо! Смотреть мне в глаза, курсант.

…

Выстрел… Перекат… Выстрел…

— У тебя больше нет прошлого. У тебя, возможно, будет будущее. Твое настоящее это прилежная учеба. Сейчас ты все еще жрешь государственный хлеб, курсант, и ты должен любить того, кто тебя кормит. Кто делает из подонков настоящих мужчин?!

…Быть настоящим мужчиной, в понимании краснорожего инструктора, совсем просто: нужно лишь выполнять все, что от тебя требуют, с точностью автомата.

Забыть, кем ты был раньше, не сметь даже думать о том, кем ты станешь, и любить, самозабвенно любить руку, тебя кормящую.

Трудная наука, учитывая, что на фоне этого преподавалась не только снайперская стрельба, но и философия, бальные танцы, правила этикета.

В какой-то момент Сэм понял: если он не освоит эту трудную науку выживания, то его сломают. Он понимал это, потому что уже дважды прошел через ломку сознания, сначала после глобального сбоя городской компьютерной сети, а потом в больнице, когда доброжелательный голос терпеливо разъяснял ему, как Сэм убил металлическим прутом собственную сестру.

Эти люди действительно верили, что одно это же государство может сначала подсадить малолетних детишек на виртуалку, а потом покарать их за неадекватность восприятия реального мира. Они действительно думали, что имеют право и должны лечить его. Ему по-настоящему давали шанс стать новым человеком: каким-то там винтиком в огромном механизме самоуправления независимой планеты, а грубость перековки отмороженного подростка-убийцы в уравновешенного, циничного убийцу в законе не смущала его наставников.

Что ж, в какой-то момент у него хватило ума понять это и начать играть именно по тем правилам, которые ему предлагала жизнь,

Он закончил спецучреждение 56/33 с наивысшими показателями и

тем самым купил себе свободу.

Никто не догадывался о том, что у новоиспеченного агента Федеральной службы безопасности Семена Крайнева, получившего созвучный своему имени агентурный псевдоним Сэм, под черепной коробкой сохранились не только воспоминания о прошлом, но и весь букет независимых, вполне осознанных чувств к. той системе, которая вырастила и воспитала его.

Он не сломался. Он всего лишь спрятался под непробиваемой, идеальной маскировкой тупорылого служаки. Он хотел вернуться туда, где растеклось по улицам бедных кварталов его больное, окровавленное детство, и он действительно вернулся туда…

* * *

— Сэм бежал? — спросила Лиза, выслушав лаконичный рассказ Лайта.

— Мы с ним бежали вместе, — усмехнулся ее бывший телохранитель. — Погибли на первом серьезном задании, вместе с инструктором, который пестовал нас все эти годы. Сгорели при взрыве емкости с горючим.

— А на самом деле?

Лайт пожал плечами:

— Нас действительно хотели убить. Та операция была скверно спланирована, и емкость подорвали не мы, мы лишь воспользовались ситуацией, чтобы исчезнуть, сойти со сцены. Нас обучали этому.

— А потом Сэм открыл «Старое Железо»?

— Да. Надо же было как-то жить. Полгода, конечно, пришлось отлеживаться на дне, а потом вернулись в Александрийск, в свой квартал, а там нищета, беспредел, пацаны по подворотням, наркотики… Стали понемногу входить в реальность, примечать, что к чему, потом Сэму пришла идея о клубе, ну и закрутилось понемногу.

Некоторое время они молчали. Затем Лайт искоса посмотрел на Лизу и вдруг спросил:

— У тебя правда стоит усилитель мускулатуры?

Лиза кивнула:

— Сервоприводы.

— Значит, ты могла тогда на крыше прикончить меня голыми руками?

Лиза неприязненно посмотрела на него, а затем ответила:

— Могла, наверное… Я в тот момент не очень отдавала себе отчет в том какими возможностями обладает мое тело. Но почему ты

спрашиваешь? Ты думаешь, что я… Лайт искоса посмотрел на нее.

— Так, проверяю одну догадку, — произнес он и тут же перевел разговор на другую тему. — Куда мы едем? — Он с преувеличенным вниманием впился взглядом в зеленоватый экран курсографа.

Лиза молча достала карту, которую распечатал для нее компьютер спасательной капсулы, и указала на разветвленную систему каких-то неясных, расплывчатых, изломанных под прямыми углами линий.

— Видишь?

— Ну?

— Я думаю, что эти линии отражают систему подземных коммуникаций.

— Бункер?

Лиза пожала плечами:

— Не знаю. Может, канализация, а может, и военный бункер. Нам ведь ничего не известно про эту колонию.

— А почему ты решила, что там безопасно?

— Я ничего не решала. И я не знаю, безопасно ли там. Но нам нужна передышка.

— А потом? — не унимался Лайт. Он по каким-то внутренним соображениям внезапно признал первенство Лизы и расспрашивал ее, будто продолжал выполнять инструкции Сэма, оставаясь ее послушным телохранителем.

— Нам с тобой нужна передышка… Нужно осмотреться, понять, где мы оказались, переждать несколько дней… Возможно, что не все так плохо и нам удастся отыскать здесь союзников.

Лайт скептически покачал головой.

— Я бы не надеялся на выживших колонистов, — после некоторого раздумья произнес он. — Вряд ли они уцелели за пятьдесят лет чужого господства.

— Я надеюсь не на колонистов, — возразила Лиза. — Где-то тут должны быть еще такие же, как я, — добавила она после небольшой паузы.

— Парни из твоего взвода? — мгновенно сообразил Лайт.

— Да. Если они сделали такое со мной, то наверняка могли и с другими.

Лайт с сомнением покачал головой.

— Думаешь, они будут на нашей стороне?

— Ты задаешь вопросы, на которые я сама хотела бы услышать ответ, — резко отозвалась ему Лиза. — Прежде всего нам нужна информация. Нужна, как…

Она осеклась, не закончив начатой фразы. На тактическом мониторе, пространство которого делила надвое тонкая курсовая нить, обозначавшая дорогу, внезапно появился перекресток, но ее заставила похолодеть и замолчать не перпендикулярная лини какого-то препятствия, а две злобные алые точки внезапно вспыхнувшие на пересечении их курсам этой невесть откуда взявшейся преградой.

Лиза кинула взгляд на экран обзора.

Черт!..

В полукилометре от них, на насыпи, по гребням которой бежала дорога, возвышалась наспех сооруженная баррикада из двух тупоносых бронемашин. За ней суетливо сновали хорошо узнаваемые контуры инсектов.

— Сворачивай! Бери ручное управление и сворачивай! — заорал Лайт, хватая рычаги управления орудийными комплексами БМК.

* * *

Первые разрывы легли далеко позади их машины.

Артиллеристы из инсектов были, мягко говоря, никудышные. Лиза подозревала, что они просто оказались не в состоянии реально освоить технику, которая, как ни крути, предназначалась для человеческих рук и мозгов.

Она резко увела БМК с дороги, заставив боевую машину подпрыгнуть на ухабе и приземлиться по ту сторону заросшей редким кустарником дренажной канавы.

Сзади, опровергая ее мысль о несостоятельности инсектов, в ясное полуденное небо уже летели куски старого дорожного покрытия. Снаряды молотили по многострадальному полотну древнего автобана, оставляя в асфальте глубокие, истекающие дымом воронки точно на том месте, где несколько секунд назад еще находилась их бронемашина.

Ее маневр оказался удачным, а главное — своевременным.

Проломив кустарник, машина вылетела на ухабистое поле, задев при этом накренившуюся бетонную, опору старой линии электропередач. От удара БМК развернуло, и Лиза едва справилась с взбесившимся управлением.

Глухо рявкнуло башенное орудие. Сбоку раздалась невнятная ругань Лайта, и одновременно с этим Лиза поняла, что слышит резкий зубовный скрежет металла, который доносился из внутренних отсеков.

— Что случилось, Лайт?! — выкрикнула она, стараясь удерживать БМК на прежнем курсе с таким расчетом, чтобы проскочить мимо

баррикады и подняться на дорогу уже за спиной инсектов.

— Эскалатор! — Лайт бесполезно стучал по клавишам пульта. — Заклинило эскалатор при смене боекомплекта! Наше башенное орудие сдохло!

Лиза мгновенно оценила ситуацию.

Плохо, но пока не смертельно…

Смертельно стало спустя пару секунд, когда тупой нос машины пробил еще одну стену кустов, обрамляющих по периметру старое, давно превратившееся в целину придорожное поле.

Инсектов можно было обвинять в чем угодно, но только не в глупости. Они идеально выбрали место для блокпоста, потому что объехать их оказалось попросту невозможно: справа и слева от насыпи возвышалась крутая бетонная стена, поверх которой также шла старая дорога, перпендикулярная той, вдоль которой они пытались прорваться. Очевидно, это была дамба, предохранявшая поля от наводнений.

Лиза едва успела развернуть БМК, чтобы бронемашина не врезалась в неожиданное препятствие. Лайт начал отстегивать ремни, но Лиза жестом остановила его.

— Сиди! Я выведу машину на залп носовых орудий!

Лайт, стиснув зубы, кивнул. У них просто не оставалось иного выбора. Сложность заключалась в том, что носовые орудия, заглубленные в броню, могли поворачиваться лишь градусов на тридцать, и, чтобы произвести из них прицельный залп, нужно было выскочить назад, к дорожному полотну.

Лиза развернула БМК на ухабистом поле и повела машину назад.

Разрывы, которые до этого гнались за ними по пятам, теперь уже плясали со всех сторон.

БМК кинуло на левый борт, звонко ударили полоснувшие по броне осколки. Одно из колес вдруг застучало, передавая на корпус ритмичную вибрацию, — очевидно, литую покрышку просто размочалило близким разрывом.

Проскочив чуть дальше пролома в стене придорожного кустарника, Лиза вновь развернула БМК.

Лайт попытался навести орудия на цель, но необходимый угол был все еще слишком велик.

— Правее! — в запале закричал он. — Держи ближе к дороге!..

Лиза как смогла постаралась выполнить его приказ.

Многотонная бронемашина проломила жидкую стену кустарника и вновь выскочила на самый край дренажной канавы, тянувшейся вдоль

оплывшей насыпи. Из-под огромных ребристых колес летели комья вывороченной земли. На миг Лизе показалось, что они сейчас перевернутся, но тяжелая машина просто продавила податливую почву, заставив целый пласт земли оползти в канаву, а огромные передние колеса уже зацепились за край дорожного покрытия, задирая нос БМК к лазурным небесам…

Она что есть силы утопила акселератор. Корма бронемашины окуталась белесым облаком, и БМК, ревя на пониженной передаче, тяжело вскарабкалась на дорогу.

Видимо, Лиза в какой-то момент потеряла ориентацию, потому что два грязно-серых крыла железобетонной дамбы, по гребню которой действительно шла дорога, и баррикада из тесно прижатых друг к другу бронемашин на перекрестке — все это возникло в каких-то тридцати метрах от того места, где им удалось вернуться на насыпь…

Дистанция оказалась слишком короткой.

— Не стреляй! — закричала Лиза, намереваясь вновь развернуться, но Лайт уже сжал гашетки залпового огня.

Ей показалось, что мир вдруг укутали ватой…

БМК подбросило в воздух, когда четыре пятидесятимиллиметровых орудия с ревом разрядились в противника, выплюнув по пять снарядов каждое. Белый свет внезапно померк, на несколько секунд наступили черно-оранжевые сумерки, голова Лизы мотнулась из стороны в сторону, когда ударная волна юзом проволокла их машину по исковерканному дорожному покрытию и бросила, заставив пронзительно взвизгнуть перегруженные амортизаторы.

На пульте управления огнем злобно вспыхнули кровавые сигналы, предупреждающие о полной смене боекомплекта, но это уже не играло никакой роли.

— Ты псих… — выдавила Лиза.

Лайт тряхнул головой, уставившись на погасшие мониторы. Внешние камеры, похоже, сбило. Он рванул регуляторы, управляющие наклоном бронированных жалюзи, закрывавших смотровой триплекс, но их тоже заклинило. Тогда он откинул расположенный над головой люк и высунулся в него.

На месте баррикады истекала дымом огромная воронка. Обе бронемашины, покореженные и горящие, валялись под откосами железобетонной дамбы. Вокруг стояла неправдоподобная, ватная тишина.

— Давай, трогай понемногу, мы должны перескочить эту воронку! — он возбужденно плюхнулся назад в кресло и, блеснув на Лизу глазами,

добавил: — Как мы их причесали, а?

Лиза завела заглохший двигатель. Ее навигационный экран не пострадал. Осколки от близкого взрыва пощадили два видеодатчика из четырех, и потому ей не пришлось повторять маневры Лайта.

Бронемашина тронулась с места, медленно сползла в воронку, затем выкарабкалась с другой стороны и резко пошла вперед, набирая скорость.

* * *

За дамбой плескалось подернутое рябью свинцово-серое мелководье. Очевидно, это было не постоянное озеро или водохранилище, а всего лишь следствие весеннего паводка и проливных дождей, потому что во многих местах над водной поверхностью возвышались узловатые стволы деревьев, увенчанные зеленеющими кронами.

Лиза выжимала, из бронемашины все возможное, опасаясь, что повреждения, полученные в скоротечном бою, вскоре заставят их остановиться. Под днищем что-то отчетливо скрежетало, но биение колеса прекратилось, наверное, размочаленную резину попросту сорвало с обода.

До указанных на карте запутанных контуров, обозначавших странные коммуникации, оставалось еще километров десять-пятнадцать, когда Лайт, наблюдавший за местностью, заметил впереди растущую вверх и вширь полоску какого-то монолитного препятствия.

— Что за черт… — в сердцах выругался он. — Неужели еще одна дамба?

Лиза не ответила. Все ее внимание было поглощено управлением.

Опустившись в свое кресло, Лайт принялся манипулировать с резервными датчиками навигационной системы. Добившись наконец включения резервных видеокамер и сносного изображения на своих мониторах, он некоторое время разглядывал приближающийся монолит, а затем внезапно присвистнул:

— Знаешь, что это такое?

— Ну?

— Это цоколь!

— Не поняла… — Лиза, почувствовав волнение в его голосе, все же позволила себе взглянуть на увеличенное изображение препятствия. Впереди действительно возвышалась монолитная наклонная стена высотой метров сто, не меньше, и шириной в несколько километров. На ее наклонной поверхности у самой земли угадывались зевы множества входов, в один из которых плавно вливалась их дорога.

— Это цокольный этаж мегаполиса! — возбужденно пояснил Лайт. —

Смотри-ка, они даже успели построить половину первого жилого яруса!

Действительно, в туманной дымке испарений, которые поднимались от перенасыщенной влагой почвы, на плоском оснований исполинского цоколя угадывались иззубренные контуры первого жилого уровня города-гиганта.

Это был зародыш неудавшегося поселения. Лиза знала, что в свое время каждый колониальный транспорт, покидавший пределы Солнечной системы, нёс на борту оборудование и строительные материалы для постройки такого вот автоматизированного цоколя, который одновременно являлся и крепостью для первых поселенцев, осваивающих пространство новых миров. Конечно, далеко не все пассажиры колониальных транспортов использовали привезенные с собой материалы по их прямому назначению, как это планировалось на Земле, но все же многие современные города начинались именно с таких фундаментальных построек, заложенных на месте посадки колониальных транспортов прошлого.

Этот, скорее всего, был давно заброшен, как и остальные, менее масштабные поселения планеты, но тем не менее система его внутренних коммуникаций, протянувшаяся на десятки километров, могла послужить им идеальным убежищем.

Лайт смотрел на приближающуюся наклонную стену и думал о том же самом.

— Там нас никакой черт не сыщет! — возбужденно заявил он.

— В том случае, если на входе нас не ждет засада… — мрачно поправила его Лиза.

Глава 11

Колония Воргейз. Район цокольного этажа мегаполиса

Ее прогноз, к счастью, не оправдался. Вопреки справедливым опасениям, они без препятствий доехали до самого основания циклопической стены цоколя, имевшей сто метров высоты и вздымавшейся к небесам с небольшим положительным уклоном.

Старая дорога вливалась внутрь через распахнутые ворота.

— Как ты думаешь, он пуст? — спросила Лиза, оглядываясь по сторонам. Она притормозила БМК перед черным провалом, ведущим внутрь недостроенного мегаполиса.

Вопрос был риторическим. Откуда Лайт мог знать, обитаем ли сегодня этот долгострой, но тем не менее он ответил:

— Свято место пусто не бывает.

Лиза кивнула, соглашаясь. Она понимала, о чем говорит Лайт. Если тут нет людей, то в циклопическом сооружении, пронизанном сложной системой внутренних коммуникаций, обязательно поселился, кто-нибудь другой — дикие звери, например. Гигантский цоколь был слишком соблазнительным местом обитания, чтобы пустовать.

— Ладно… — Она включила фары и поисковый прожектор. — Сейчас посмотрим.

Тяжелая шестнадцатиколесная машина плавно тронулась с места. Лиза уже вполне освоилась с управлением и, несмотря на скрежет, который по-прежнему доносился из-под днища машины, чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы рискнуть углубиться на ней в мрачные недра цоколя. А вот Лайт, похоже, занервничал. Бортовое вооружение БМК было слишком мощным для узких тоннелей, и он, вполне понимая это, склонился над консолью управления огнем.

Бесполезное теперь башенное, орудие несколько раз взвизгнуло приводом, разворачиваясь стволами к корме машины.

Два спаренных носовых орудия, заглубленные в броню, были снабжены системой компьютерного наведения на цель. Их снаряды, начиненные таугермином, в теснине замкнутого пространства могли привести к непредсказуемому результату, и поэтому Лайт, который лишь смутно представлял себе возможности древней боевой машины, сейчас сосредоточенно просматривал варианты, которые предлагал ему бортовой компьютер.

Наконец, ознакомившись с возможностями системы, он коснулся нескольких сенсоров.

В кабину пробился ноющий звук сервомоторов. Что-то защелкало, потом раздался неприятный скрежет металла, который, впрочем, быстро прекратился опять сменившись заунывным повизгиванием сервомоторной подвески.

— Что ты там делаешь? — не отрываясь от управления, спросила Лиза.

Лайт удовлетворенно откинулся в кресле.

— Сменил тип бортового вооружения, — ответил он. — Убрал носовые орудия, теперь вместо них крупнокалиберные двадцатимиллиметровые пулеметы.

Он коснулся еще одного сенсора, и два тонких красных пятнышка заплясали на приближающейся серой стене цоколя.

— Система высокоточного лазерного наведения, — прокомментировал Лайт. — Эта малышка не так глупа, как мне показалось вначале. — Он похлопал ладонью по консоли кибернетической системы БМК. — Она сама умеет стрелять. Нужно было лишь разобраться в системе команд…

Лиза не ответила, лишь кивнула. Они как раз въезжали в сумеречное пространство, простирающееся за исполинским, наполовину открытым створом ворот.

Открывшийся их взглядам тоннель был мрачен и темен.

Запустение уже давно коснулось этого места, осенив его печатью забвения. Под колесами БМК хрустел и шуршал мусор, изредка с громким звоном из-под них отскакивала какая-нибудь насквозь проржавевшая металлическая деталь. Следов недавней человеческой деятельности они не заметили. Всюду в свете фар можно было наблюдать лишь печальные признаки полного обветшания и упадка.

— Ну-ка, притормози… — внезапно потребовал Лайт, когда они углубились метров на пятьдесят в недра цокольного этажа.

Лиза остановила машину. На расположенных перед ней экранах четко просматривались освещенные фарами стены закругляющегося кверху тоннеля и участок пола метров на тридцать вперед.

Она поняла, что привлекло внимание Лайта.

Оба сидели в гробовой тишине, созерцая картины бушевавшего тут много лет назад боя.

Стены тоннеля были сплошь покрыты выщербинами от пуль и осколков, куски отбитой облицовки обнажали металлический каркас ребер

жесткости, с потолка свисали обрывки перебитых кабелей. Кое-где на стенах виднелись рыжие пятна и потеки — не то от сочившейся из лопнувших труб воды, не то от пролитой тут когда-то крови.

— Н-да… — Лайт коснулся сенсора на панели управления огнем и повернулся к Лизе. — Пошли, посмотрим, эта крошка нас прикроет в случае чего.

Лиза молча отстегнула страховочные ремни.

Ей вдруг стало жутко от гробовой тишины, которая царила меж мертвых, изуродованных стен.

Лайт легко спрыгнул с лобового ската брони БМК. Под его ногами что-то неприятно хрустнуло. Он наклонился, подобрал какой-то фрагмент из обильно разбросанного под ногами праха, поднес его к фарам и покачал головой, подзывая Лизу:

— Смотри, хитин… Опять инсекты!..

В его голосе звучала плохо скрытая ненависть. Похоже, что в голове Лайта ситуация уже достаточно прояснилась, и многие факты находили теперь свое место на полочках его сознания.

Лиза не спешила присоединиться к его мнению.

Присев на корточки, она принялась скрупулезно исследовать освещенный фарами участок пола.

Здесь действительно было на что посмотреть, и волосы на голове начинали медленно шевелиться пока глаза прочитывали, а разум осознавал значение залегающего на глубину более метра «культурного слоя».

Колеса БМК глубоко продавили скопившийся прах, обнажая его слоистую структуру. При более внимательном рассмотрении содержимого слежавшихся пластов становилось понятно, что много лет, назад здесь, в относительно тесном пространстве тоннеля, погибли, попав под кинжальный огонь, несколько десятков, а может быть, даже и сотен существ, пытавшихся проникнуть в недра цоколя.

Она видела разбросанные повсюду, расколотые пулями или же просто раздавленные фрагменты хитиновых панцирей… страшные, нечеловеческие черепа смотрели на нее своими огромными пустыми глазницами, и казалось, что тут действительно лежат одни инсекты, но это было обманчивое впечатление. Стоило присмотреться повнимательней, чтобы увидеть все разнообразие страшных фрагментов перемешанных в агонии тел…

Лайт тоже заметил это.

— Ни черта не понимаю. А это еще что?! — Он протянул руку к поблескивающему предмету, торчащему из-под праха. С усилием потянув

за него, он заставил зашевелиться спрессованные останки инсектов, которые вспучились и захрустели, выпуская в свет фар верхнюю половину тускло поблескивающего человеческого скелета.

Лиза вдруг почувствовала, что не может дышать.

Сервоприводный эндоостов был перерублен пополам. Нижняя его часть отсутствовала — Лайт вытащил из-под праха лишь оскаленный череп, две руки и часть позвоночного столба с обломанными ребрами и треснувшей ключицей.

Затылочная часть черепа была сплющена. Наверное, по нему проехал танк или бронемашина.

Осмотрев находку, Лайт вытащил из остатков черепной коробки маленький серый кристалл.

— Дерьмо…

Он присел на корточки, глядя на изуродованный сервоприводной скелет. Стало ясно, что однозначные эмоции у Лайта кончились. Он был бледен и выглядел подавленно.

Лиза не стала ничего говорить. Она молча отошла в сторону, подобрала валявшуюся тут же импульсную винтовку с разбитым пластиковым прикладом и, пользуясь ею, как примитивным орудием, принялась раскапывать кучу истлевшего праха.

Наверху в основном попадались останки инсектов, но глубже она наткнулась еще на один сервоприводной механизм, совершенно непохожий на человеческий эндоостов. Он больше смахивал на металлического паука с поджатыми в агонии конечностями. Рядом она увидела совсем уж странный скелет и осторожно оголила его, разбросав по сторонам другие останки.

— Лайт, иди сюда… Сзади раздались шаги.

— Ну?

— Смотри.

Он наклонился.

Два одинаковых черепа, похожие на останки земноводных рептилий, покоились на длинных позвоночных столбах. Две шеи этого существа имели не менее метра в длину и у основания срастались вместе.

— Кто это, Фрайг раздери? — Изумление и замешательство Лайта прямо доказывали, что он никогда не видел подобных существ.

— Это скелет логрианина, — чувствуя, что дрожит, ответила Лиза.

— Интернациональный отряд? — Лайт хотел по привычке сплюнуть, но удержался. — Человеческий клон на эндоостове, куча инсектов, двухголовый логрианин…

— Да… — ответила Лиза. — И все рабы вот этого… — Она внезапно с силой ударила по одному из черепов логрианина. Он с хрустом раскололся, и они опять увидели серый, невзрачный кристалл, прилепившийся изнутри к затылочной части черепной коробки.

— Похоже, те, кто вставлял эти кристаллы, не считались с потерями… — Лайт выпрямился, озираясь по сторонам.

— Потери их не волнуют. Имея соответствующую аппаратуру и достаточное количество мини-компьютеров, они легко восполняют любые потери клонированием новых тел.

— Я не понимаю… — Лайт посмотрел на кристаллы, потом перевел взгляд на Лизу. — Если здесь рабы, то кто хозяин?

— Я не знаю. — Лиза выпрямилась. — Но надеюсь узнать, — добавила она, с мрачным видом оглядываясь вокруг.

* * *

Тоннель вел прямо, все глубже и глубже в недра цокольного этажа. Через каждые четыреста-пятьсот метров на их пути встречались перекрестки, но Лиза ни разу не попыталась свернуть ни на одном из них, лишь скользила взглядом по указующим стрелкам и расположенным под сводами тоннеля вывескам, на которых в свете фар ярко проступали буквы интеранглийского, складываясь в знакомые и незнакомые термины.

— Послушай, Лайт, — внезапно обратилась она к своему спутнику, — ты знаком с принципами возникновения таких городов?

— Не очень. — Он покрутил головой, стараясь прочесть ближайшие указатели. — А что тебя интересует?

Лиза остановила бронемашину.

— Насколько я понимаю, этот город должен быть полностью автоматизирован, ведь так? Самодостаточный комплекс?

— Ну да, наверное… В, его основе, насколько я помню школьный курс, должны лежать модули колониального транспорта.

— А почему города строились на месте посадки? — озираясь по сторонам, спросила Лиза.

— Наверное, из-за термоядерной двигательной установки, — предположил Лайт. — Ее ведь не станешь таскать с места на место. Где приземлились, там она и остается. Двигательные секции у старых кораблей, по-моему, при посадке сжигают все осадочные породы до скального основания материковой плиты, — припомнил он.

— Получается остекленевшая масса, очень прочная после остывания, — чем не фундамент для города? Лучше не придумаешь.

Слушай, а к чему ты клонишь?

— Как ты считаешь, реактор города еще дышит?

Лайт зачем-то посмотрел по сторонам, окинув взглядом мрачные провалы боковых тоннелей.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Если колония погибла полвека назад, то, наверное, еще работает. Это зависит от имевшихся запасов активного вещества, ну и от функциональности кибернетических систем соответственно…

— Вот про них я как раз и думаю. Посмотри. — Лиза кивнула в сторону указателя тоннельной развязки. — Обрати внимание на левый поворот…

Лайт посмотрел в указанном направлении.

— «Воргейз-центр», — прочитал он надпись на указателе. — Ну и что?

— Колониальный транспорт, опустившийся на эту планету, назывался «Воргейз», — пояснила Лиза. — Если эта стрелка не ведет к музею освоения планеты, то, значит…

— Компьютерный центр города? Построенный на базе кибернетических модулей колониального транспорта?

— Думаю, что да. Вряд ли они успели развиться настолько, чтобы думать об исторических музеях.

— Слушай, это надо проверить! Компьютерный центр колонии… — Лайт одобрительно посмотрел на Лизу. — Это было бы здорово!

Минут через десять они миновали еще две развязки транспортных тоннелей и, следуя указателям, выехали на простор внушительного зала.

— Вот он. — Лиза повернула фароискатель, и бледный конус света облизнул псевдофасад здания, на котором четко выделялась надпись:

«Воргейз. Центр компьютерного управления и технологий».

Колония Воргейз. Нулевой уровень цокольного этажа. Центр компьютерных технологий. Двое суток спустя

— Лайт, подойди сюда! Ты мне нужен!

Голос Лизы доносился из глубин центрального зала компьютерного комплекса, который представлял собой настоящий лабиринт, образованный множеством разделенных прозрачными перегородками терминалов.

Лайт встал и пошел, ориентируясь на ее голос. После двух суток

напряженной, изматывающей работы он чувствовал себя прескверно. Глаза болели, будто в них насыпали песка. Зверски хотелось спать.

— Ты где? — Он остановился у полумертвой консоли, сиротливо светившейся несколькими сигналами аварийного резерва питания.

Услышав ответ, Лайт повернул направо, прошел мимо прозрачной стены, на которой темными линиями были нанесены очертания материков, затянутые в сетку меридианов и параллелей, пока наконец не увидел Лизу, сидящую в кресле оператора за внушительным подковообразным пультом.

Она обернулась к Лайту:

— Иди быстрее. Похоже, у меня кое-что получилось.

Он присел на подлокотник ее кресла, заинтересованно глядя на метровые полотнища мониторов, расположенные прямо над приборными панелями.

— Это пост метеорологического наблюдения, — пояснила Лиза, поочередно касаясь подсвеченных изнутри псевдокнопок с нанесенными на них текстоглифами древнего компьютерного языка. — Кажется, мне удалось запустить атмосферный метеозонд.

Лайт устало помассировал покрасневшие веки.

— Сейчас устанавливается связь, — произнесла Лиза, указав на центральный экран. — Если параболические антенны смогут сориентироваться на навигационный спутник, то мы получим устойчивую картинку.

— Отлично… — Лайт протянул руку и взял чашку с остывшим кофе. Поморщившись, он сделал глоток и потянулся за сигаретами.

Лиза напряженно ожидала появления сигнала связи.

Двое суток они с Лайтом безвылазно провели в компьютерном комплексе, пытаясь, не без успеха реанимировать древнюю сеть цоколя.

Частично это им удалось в первый же день, и теперь, после просмотра сохранившихся данных, они оба начали представлять, что же именно произошло тут пятьдесят четыре планетных года назад.

Лиза никогда не задумывалась, что может погубить успешно развивающийся мир? Теперь она знала один из частных ответов на данный вопрос.

Чрезмерная компьютеризация — вот где таилась слабина, скрытая ловушка, незримая до поры угроза. Потомки первых колонистов, прилетевших на «Воргейзе», развивались на удивление ровно, динамично, не только не утратив привезенных с Земли технологий, но и существенно преумножив их. Огромную роль, конечно, сыграла терпимая к людям исконная биосфера планеты, не потребовавшая от первых поселенцев

титанических усилий к выживанию, как это порою случалось на иных мирах. Они успешно, справились с закладкой фундамента цоколя, окружив его поясом сельскохозяйственных угодий. Их потомки последовали по уже проторенному пути, опять-таки сумев избежать роковых ошибок иных поселений. Они продолжали жить тесным анклавом, не теряя общественных связей, используя в полной мере положительный потенциал коллективного труда. Очевидно, что тут сказывалось наследие земного уклада жизни, ведь первые колонисты были выходцами именно из городов-муравейников перенаселенной прародины. Просматривая сохранившиеся данные, Лиза и Лайт с удивлением обнаружили, что эти люди сумели выделить весь положительный потенциал, заложенный в принципе самодостаточного города-мегаполиса, и успешно воспользовались им. Они взяли все лучшее и развили этот бесценный опыт, превратив невзрачный и утилитарный на первый взгляд цоколь в процветающий город с семисоттысячным населением.

Колония развивалась не путем примитивизации регресса, когда тысячи жаждущих свободы колонистов углублялись в неосвоенные просторы чуждой биосферы, гибли и вырождались в борьбе с ней, а путем спокойных, планомерных коллективных усилий по освоению небольшого участка материка в районе посадки колониального транспорта. Это был великолепный опыт. Они не только построили цоколь, но и запустили производство компьютеризированных сельскохозяйственных машин, которые освободили большую часть населения от забот о хлебе насущном. Спустя несколько веков роботов на планете оказалось едва ли не больше, чем людей, а сама колония расцвела, начиная понемногу вытягивать щупальца освоения от центра, где продолжалось строительство города, к периферии материка. За это время люди уже основательно изучили местную биосферу, и нужно сказать, что не чурались ее. Исконная природа планеты, во многом схожая с земной, стала не только источником благосостояния, но и серьезным предметом для исследований. Люди не стремились коренным образом изменить ландшафты, повернуть реки, а дамба, которая протянулась на несколько сот километров, являлась скорее исключением, чем правилом, в освоении территориальных пространств планеты. К моменту катастрофы большая часть населения колонии по-прежнему жила в цоколе, занимаясь строительством первого высотного яруса растущего мегаполиса, а внешние форпосты медленно, но неуклонно развивающейся цивилизации были представлены отдельными поселками, удаленными к окраине материка, но все так же связанными с центром заранее продуманной инфраструктурой дорог и централизованным

управлением.

Этими особенностями развития, очевидно, и воспользовались пришельцы.

Компьютеры колонии не сохранили никакой полезной информации о роковом периоде первых дне агрессии по простой причине: все электронные машины просто погибли. Удар, нанесенный с орбит по огромной площади материка, был экологически безвреден и нес гибель исключительно кибернетическим системам. Любые электронные схемы, которые работали в момент чудовищного электромагнитного удара, были безнадежно испорчены.

Для процветающей машинной цивилизации, члены которой компактно проживали в одном месте и напрямую зависели от бесперебойной работы огромного электронно-механического комплекса, это явилось настоящим апокалипсисом.

Действительно, если задуматься над реальным положением вещей, то несложно понять, что во многих ситуациях совершенно не нужна война зловещий призрак геноцида вполне может возникать за ширмой катастрофы, рокового стечения непредвиденных обстоятельств.

Представив психологию современного человека можно понять и то, что основы цивилизации закладываются в нас вместе с первыми осознанными шагами. Человек так привыкает к своему технократическому окружению, что уже с трудом способен существовать вне его. Искусственная оболочка комфорта сама по себе не является злом, но трудно вообразить последствия ее внезапного, безвозвратного исчезновения.

Мы начинаем злиться, раздражаться, когда происходит частная авария на подстанции и в квартире внезапно на какое-то время гаснет свет. А если представить, что он погас навсегда, вслед за ним отключилась подача воды, умолкли средства связи, исчезло тепло, остановились жизненно важные производства?

Так ли прочны связующие нас узы взаимной доброжелательности? Все ли выдержат мгновенный и болезненный откат в состояние каменного века? Что будут стоить мрачные коробки комфортабельных помещений, когда в них иссякнут те блага, которые так же естественны и привычны для нас, как потребность дышать?

Нетрудно представить, каковы были вехи той катастрофы…

Недоумение сменилось беспокойством, беспокойство — паникой, затем пришло болезненное осознание потери источников энергии, утраты привычной связи и… тысячи людей, находящихся рядом в тесных и

темных замкнутых пространствах, вдруг оказались разделены, разобщены, они почему-то перестали понимать друг друга, будто терпение было исчерпано в смехотворно короткий срок…

Наблюдая за хронологией аварийных включений отдельных элементов Сети, Лиза поняла, что энергоснабжение цоколя удалось частично восстановить лишь спустя месяц напряженных работ, но к тому моменту грянула иная, гораздо более серьезная катастрофа — весенний паводок затопил окрестности, сложная система шлюзов, расположенных в дамбе, бездействовала, и результатом стала эпидемия, ведь целый месяц людям пришлось пользоваться водой, которая не проходила через систему очистных сооружений города, что мгновенно и беспощадно привело к массовым заболеваниям.

Дальше ситуация усугублялась в геометрической прогрессии. Все происходило с точностью до наоборот, — машины, реанимированные титаническими усилиями специалистов, начали оживать, а сами люди, оказавшиеся на поверку беззащитными и уязвимыми, гибли в это же самое время от волн эпидемий и возникших в конце концов смертельных противоречий внутри общества.

Инсекты появились в окрестностях цоколя спустя три месяца после лавинообразной катастрофы, унесшей сотни тысяч жизней. Немногие работавшие к тому моменту резервные линии управления и коммуникации запечатлели на своих носителях сцены противостояния остатков человеческой цивилизации с невесть откуда взявшимися насекомообразными существами, но это были лишь отдельные вспышки сопротивления, не более.

Через год цоколь окончательно опустел, как, впрочем, и вся планета. Вот уже пять с лишним десятилетий он возвышался над затопленными полями серой, угрюмой, постепенно ветшающей и разрушающейся громадой, а его частично реанимированная компьютерная система едва справлялась с поддержанием функций термоядерного реактора, расположенного в самом сердце без времени погибшего мегаполиса.

Такова была в общих чертах удручающая новейшая история планеты. История, которую Лизе и Лайту удалось восстановить по отдельным, обрывочным фрагментам записей, уцелевшим на носителях информации.

История, не проливавшая свет на истинную природу и намерения тех, кто осенил колонию своим зловещим присутствием и явился первоисточником погубившей ее катастрофы.

* * *

— Есть устойчивый сигнал по первому каналу! Голос Лайта вырвал сознание Лизы из задумчивого оцепенений. Она вскинула голову, жадно впившись взглядом в просветлевший экран.

Метеозонд, связь с которым удалось установить через древний навигационный спутник, двигался на высоте одного километра, под слоем клубящихся дождевых облаков, придерживаясь седьмого меридиана. Такой курс был сознательно заложен в блок его автоматического пилотирования. Следуя ему, зонд должен был пересечь материк, пролететь над островной частью суши и осветить участок площади второго, меньшего по размерам материка, расположенного в более умеренной климатической зоне.

Сейчас аппарат находился в трехстах километрах от точки старта и двигался к извилистой береговой линии, за которой, по данным картографических программ, начиналась цепь островов — целый архипелаг, протянувшийся на несколько сот километров.

Видеокамеры зонда были нацелены строго вниз. На суммирующие дисплеи компьютерного центра в этот момент поступало множество данных, получаемых от его приборов, но Лизу и Лайта интересовало в основном видеоизображение.

Первым, что бросилось в глаза при взгляде, с высоты птичьего полета, — была инфраструктура дорог колонии. Серые, хорошо заметные скоростные магистрали протянулись среди зелени лесных массивов и влажного блеска вездесущей воды, убегая к побережью океана прямыми, как стрела, лентами.

— По ним кто-то движется! — внезапно воскликнул Лайт, указав на едва приметные точки. — Ты можешь увеличить кадр?

Лиза кивнула, внутренне похолодев от дурного предчувствия. Запись видеоинформации велась на жесткие носители терминалов, и потому получить Увеличенные стоп-кадры, обработанные до желаемой степени разрешения, не составляло особого труда. Она быстро справилась с этой задачей, запустив соответствующую программу покадровой обработки изображения, и уже через минуту на резервном мониторе они смогли увидеть новый, более крупный и четкий видеоряд.

Страшное слайд-шоу развернулось в контрастном объеме резервного монитора.

По дорогам от побережья в сторону цоколя двигалось несколько колонн бронетехники.

— Это по нашу душу… — угрюмо заключил Лайт, щелкнув по укрупненному изображению бронемашин. Вся техника была сугубо человеческой. Оставалось непонятным, использовали ли пришельцы

обнаруженный в ходе оккупации арсенал или же сумели за полвека своего господства наладить производство десантных машин, скопировав их с образца?

«Впрочем, какая разница?» — подумала Лиза, машинально подсчитывая количество машин в колоннах.

В каждой из них оказалось от десяти до пятнадцати единиц. Всего колонн было пять. Если учитывать, что каждая БМК имела десантный отсек, вмещающий штатный взвод из двадцати пяти пехотинцев, то получалось, что к цоколю сейчас приближалась маленькая армия.

— У нас часа три… — заключил Лайт, просмотрев данные о скорости движения колонн. — Вовремя ты запустила зонд…

Лиза не ответила. Она продолжала напряженно следить за видеоизображением.

— Важно знать, каким путем они попали на материк.

— Думаешь, их база на островах?

— Полагаю, что так. Иначе почему они движутся от побережья?

Через некоторое время стало понятно, каким образом бронетехника была переправлена на материк. Каждая из пяти ведущих к побережью дорог оканчивалась портовыми терминалами, расположенными в удобных природных бухтах. Очевидно, колонисты не пренебрегали дарами океанских глубин, у них было развито рыболовство, о чем свидетельствовали суда, похожие на огромные плоскодонные баржи, предназначенные для плавания на небольшом удалении от берега. Впрочем, для связи с островами и рыбной ловли в спокойных водах широких проливов ничего иного и не требовалось.

Пока они, похолодев, рассматривали колонны бронетехники, запущенный Лизой зонд пересек простор водной глади и теперь приближался к цепочке островов, которые имели весьма своеобразный рельеф. Острова вздымались из океанских глубин, словно спины уснувших левиафанов. Их берега были обрывистыми и неприступными, — пенный прибой с шумом бился об отвесные скалы высотой от ста до двухсот и более метров. Чуть выше обрывистый берег переходил в покатый, покрытый бархатистой зеленью склон, который неизменно венчался голым каменистым плоскогорьем со скудной растительностью.

Первые два острова, похожие друг на друга, как близнецы-братья, не принесли никаких открытий, но зато третий превзошел все дурные ожидания.

Обрывистая линия неприступных прибрежных скал этого участка суши в двух местах была разорвана бухтами. Ничего похожего на отлогий

берег или искусственные портовые сооружения не просматривалось. Лишь два залива, вдающиеся в скальный массив, разнообразили рельеф прибрежных скал.

Лиза переключила несколько режимов сканирования.

Лайт невнятно выругался, взглянув на изменившееся изображение.

Внутри скал эхолокация обнаружила огромные вымытые миллионолетней работой океанских вод естественные полости в виде трех огромных пещер, целой системы гротов, связанных между собой наклонными тоннелями — следствием разрушительной работы грунтовых и дождевых вод.

— Вот она, их база… — Лайт с жадностью подался к экрану, как раз в тот момент, когда метеозонд проплывал над плоской горой, венчавшей этот изваянный природой титанический бункер.

Лиза переключила масштаб изображения и едва не вскрикнула от неожиданности.

В центре естественной каменной плоскости словно огромный изваянный из металла жук, стоял космический корабль исполинских размеров.

Из-за высоты, с которой велась видеосъемка, казалось, что это действительно фантастическое насекомое с несколькими выступающими за пределы панциря головами-башнями, пролетавшее над океаном и опустившееся отдохнуть на сером плато из дикого, выветренного камня.

Лиза непроизвольно потянулась к переключателям терминала и увеличила разрешение, укрупняя кадр. Смутная, почти неосознанная тревога, рожденная в каком-то позабытом уголке памяти, охватила ее.

Она не могла отделаться от чувства, что когда-то уже видела подобный контур не то на изображениях в электронных справочниках, не то в реальности… она не могла припомнить этого в точности…

Это было как наваждение. Она все более укрупняла картинку, не обращая внимания на нечленораздельные комментарии Лайта, пока наконец не вспомнила…

В глаза бросились принятые с высоты за некие головы покатые башни четырех плазмоизлучателей, и внутри нее все оборвалось, сжавшись в комок.

Она не ошиблась. Это был человеческий корабль.

На его покатом борту при максимально возможном увеличении читалась полустертая воздействием космических частиц надпись:

«ЗВЕЗДНЫЙ ПЕС»

* * *

Лайт долго, угрюмо смотрел на экран.

В компьютерном центре повисла гнетущая тишина. У метеозонда закончилось горючее, и он, не получив команды на возвращение, медленно снижался к свинцово-серой, волнующейся поверхности океанских глубин. Его бортовой компьютер все еще старался выправить положение, планируя на коротких, не предназначенных для подобного маневра крыльях, но это уже являлось тщетной попыткой электронного мозга машины.

Через минуту поверхность океана слилась под брюхом метеозонда в стремительные полосы, и выработавший свой ресурс аппарат рухнул в воду.

Центральный монитор на секунду подернулся рябью помех, а затем на его потемневшем фоне угрожающе замигало короткое сообщение системы:

ERROR!..

Лайт искоса посмотрел на Лизу. Она сидела, будто окаменев, и смотрела на неприятно моргающую Красную надпись.

«Вляпались мы по самую макушку… Интересно, о чем она сейчас думает?»

В последние полчаса Лиза вела себя более чем странно. Создавалось впечатление, что она по уши увязла в какой-то проблеме, но не особенно спешила делиться с ним.

Лайт опять покосился на нее, потом на экран, где на сером фоне дорожного покрытия продолжали двигаться едва различимые стальные змейки вытянувшихся в цепочки боевых машин.

Глаза Лизы неотрывно следили за ними, губы беззвучно шевелились, будто она взвешивала что-то в уме, просчитывая все «за» и «против».

«С ума она сошла, что ли?..» — подумал Лайт, стараясь отогнать посетившую его крамольную мысль относительно намерений его спутницы.

— Ну, что, может быть, выйдем, подняв лапки, а? — неприязненно спросил он, пытаясь таким образом напомнить о своем присутствии, а заодно немного разозлить ее, чтобы стала поразговорчивее.

— Не юродствуй… — Лиза с трудом оторвала взгляд от потемневшего экрана. — Давай думать, как мы можем их остановить, — стараясь сохранить спокойствие, предложила она.

Ее кажущаяся невозмутимость произвела прямо противоположный эффект.

Точно… Она рехнулась!

— О чем это ты?! — внезапно взорвался Лайт, когда ему стал окончательно ясен ход ее мыслей. — Ты хочешь преподнести мне сказку о том, как двое крутых коммандос разнесут к черту механизированное соединение, а затем победным маршем проследуют на базу врагов человечества? — Он не удержался и сплюнул на пол. — Брось. В последний раз я видел подобную галиматью в детстве по сферовизору.

Лиза на миг ощутила тоскливую беспомощность.

Она понимала правоту его слов. Их было двое. Всего лишь двое против неизвестного количества противников, оккупировавших целую планету.

Но у нее тоже имелось свое, уже сформировавшееся мнение на этот счет.

— Может быть, уйдем в гору, построим там шалаш и будем мирно жить? — с тихой яростью в голосе спросила она. — Я рожу тебе детишек, а, Лайт?

Он поперхнулся на полуслове. Издевка, прозвучавшая в словах Лизы, не сразу дошла до его сознания.

— Ну, хватит… — насупился он.

— Вот именно — хватит. Из каждого тупика есть выход. Нас еще не схватили за горло, верно?

— Я не понимаю тебя! — Лайт казался раздраженным вне всякой меры. Он стал совершенно непохож на того уравновешенного светловолосого молчуна, к которому Лиза уже начала привыкать. — Даже не думай об этом! — резко предупредил он, сделав рукой непонятный жест, будто пытался отогнать от себя некий витающий в воздухе призрак злого духа.

— Лайт, ты еще не понял, что тут происходит на самом деле? — Она откинулась на спинку кресла, напряженно глядя ему в глаза. — Разве та информация, которую мы получили, не наталкивает тебя на целый ряд далеко идущих выводов?

— Стоп, стоп, стоп!.. — Он протестующе поднял обе руки. — Я не хочу делать никаких выводов! Меня заботит лишь одно — успели эти колченогие ублюдки вырастить новое тело Сэма или нет! Интуиция мне подсказывает, что — да! Значит, мы летим на этот остров, забираем его и чухаем отсюда!

— Нет.

— Да! Наша яхта спрятана недалеко от поселка… — внезапно сообщил он и тут же пояснил: — Мы с Сэмом так резво погнались за тобой, а инсекты за нами, что, думаю, она по-прежнему на своем месте!

Лиза выслушала его и опять отрицательно покачала головой.

Лайт побагровел.

— Ты что, серьезно надеешься справиться с ними? — Он кивнул в сторону экрана, на котором застыли укрупненные снимки пяти колонн двигавшейся к городу бронетехники. — Ну, хорошо, допустим, мы сможем дать им бой, пользуясь преимуществами этой огромной бетонной коробки, но что дальше? — Его взгляд остановился на бледном лице Лизы. — Да, я всегда жаждал умереть за человечество, — опять взорвался он. — Еще один труп в этих мертвых стенах. Отлично! — Лайт демонстративно пожал плечами. — Нас с Сэмом именно для того и муштровали целых пять лет, чтобы мы с честью сдохли во имя каких-то там принципов, которых, на поверку, как раз и не существует!..

Глаза Лизы сузились. Имея свой взгляд на жизнь и смерть, она вздрогнула всем телом от его злых, хлестких фраз, в которых прозвучали термины, которые были когда-то близки и понятны Лейтенанту Стриммер…

Собственно, однажды она уже умерла за них…

— Очень хорошо, что ты вспомнил об этом, Лайт. — Лиза была близка к тому, чтобы тоже сорваться, наорать на него, но удержалась в последнюю секунду. — Хорошо, что ты вспомнил про честь и профессионализм. — Ее тон внезапно смягчился, потому что в этот миг к ней внезапно пришло понимание катастрофической разницы между ее собственной психологией и образом мышления Лайта.

Пропасть между ними на самом деле была чудовищно велика. Лиза росла и воспитывалась в обществе, объединенном Конфедерацией Солнц, в политике которой присутствовала именно общечеловеческая идея, утраченная и оболганная впоследствии. Она была офицером Конфедерации и давала присягу, но не на верность какой-то отдельно взятой планете, а всему сообществу миров. Лайт же вырос в период абсолютного развала всех ценностей, в мире, где прочно утвердилась власть денег, где, по сути, царил обыкновенный беспредел, скверно завуалированный под суверенитет планетной демократии.

— О чем мы с тобой спорим, Лайт? — устало спросила она, поправляя упавшую на глаза прядь волос.

— О безнадежности глупой попытки заткнуть собой ту дыру, что образовалась в так называемой «человеческой обороне» в результате оккупации планеты этими ксеноморфами, — ответил он. — Я дал тебе обещание помочь вызволить Сэма, поскольку ты утверждала, что он будет спасен этими тварями, но я не подписывался под дурацкой попыткой

воевать со всей планетой ради каких-то там идей. Пойми, мы подохнем тут, а человечество и не почешется!..

— Согласна. Что ты предлагаешь? Уйти из-под их удара? Скрыться? Переждать?

— Я не вижу шансов, — угрюмо стоял на своем Лайт.

— Ты прав. Их нет. И не будет, если мы с тобой не начнем шевелить мозгами. Корабль, на котором вы прилетели, действительно уцелел?

— Да, — подтвердил Лайт. — Отличная яхта, правда арендованная, но это к делу не относится.

Она задумалась, будто не услышав его последних слов.

— Мне многое непонятно… — наконец призналась Лиза, — но в общих чертах я вижу ситуацию такой. — Она повернулась вместе с; креслом, чтобы оказаться лицом к лицу с Лайтом. — Поправь меня, если я в чем-нибудь ошибусь, ладно?

Он кивнул, еще не понимая, к чему она клонит.

— Полвека назад некий корабль, заметь — человеческого происхождения, вышел на орбиту Воргейза. Не устанавливая никаких контактов с колонией, его экипаж собирал разведданные о местной цивилизации. Затем, после предварительной подготовки, они нанесли с орбиты экологически чистый электромагнитный удар, а сами совершили посадку на третий остров в цепи архипелага.

Она вопросительно посмотрела на Лайта.

— Ну? — Он все еще не улавливал общего направления ее мыслей.

— Спустя три месяца, по данным восстановленных электронных систем слежения цоколя, в окрестностях пораженного эпидемией города появились первые инсекты. Они не предпринимали никаких попыток вступить в контакт или помочь людям, напротив, их действия были похожи на планомерную зачистку. Когда цоколь полностью обезлюдел, они ушли, даже не попытавшись захватить или уничтожить реанимированные электронные системы. Создается впечатление, что компьютеры и управляемые ими агрегаты городского жизнеобеспечения инсектов не интересовали. Единственное, чем воспользовались захватчики, — это оружием и средствами наземного передвижения.

Лайт машинально кивнул. Логичное изложение событий из уст Лизы невольно захватило его воображение. Однако он до сих пор не мог или же просто не хотел понимать основную логику ее рассуждений.

Заметив, как согласный кивок Лайта тут же сменился настороженным взглядом, Лиза вздохнула:

— Лайт, ты твердо уверен, что ничего не должен ни людям вообще, ни

Кассии в частности? Ты плевал на весь мир, и у тебя есть лишь один друг — Сэм?

— Абсолютно правильно. Если бы я относился к людям как-то иначе, то давно сгнил бы где-нибудь, либо в психушке, либо в тюрьме, либо под забором, — резко и неприязненно ответил он. — Общество мало что сделало для меня. Впрочем, и для тебя тоже.

Лиза молча проглотила его последнее замечание.

Прав ли был Лайт?

Избирая в юности свою карьеру, отдавала ли она себе отчет в том, что мир людей слишком сложен и многолик, чтобы быть однозначно поделенным на понятия добра и зла, черного и белого? Умирая дождливым днем на куче окровавленного щебня, думала ли она о тех людях, которые наверняка развлекались в момент гибели ее взвода в ночных клубах, проматывая с дорогими проститутками нечестно нажитые деньги? Она внезапно вспомнила Дорри и подумала, что тот, наверное, сидит сейчас покачиваясь на своем стуле, а рядом с ним этот тщедушный паренек — кажется, его звали Хьюган, — облизывая влажные губы, старательно отрезает бритвочкой порцию «нюха» от корявого брикета, чтобы сунуть ее малолетней парочке, томящейся у входа, в обмен на замусоленную кредитку?

— Лайт… они не создали ни единого поселения, — произнесла Лиза в напряженной тишине. — Давай перестанем мыслить, как дилетанты. Совершивший посадку корабль не нес на своем борту ни армии, ни. колонистов. Они уничтожили колонию не по ошибке и не ради жизненного пространства этой планеты.

— К чему ты постоянно клонишь?

— Катастрофа Воргейза — это тщательно продуманная акция. Удар нанесен в самое уязвимое место. Он безжалостен и циничен. Инсекты, появившиеся спустя три месяца, не прилетели на корабле, — они выращены уже тут. Ты понимаешь, что это значит?

Лайт продолжал упрямо, угрюмо молчать.

— Мы уже пятьдесят лет находимся в состоянии войны с иной расой, которая до сих пор никак не обнаружила себя, — безжалостно произнесла Лиза, не дождавшись его ответа. — Гибель Воргейза можно списать на природную геомагнитную катастрофу, все остальное — на инсектов и логриан, хотя две эти расы настолько чужды друг другу, что их синтез смешон и невозможен. Если мы сейчас вырвем Сэма и найдем способ смыться отсюда, они улетят. Бросят все к черту и улетят, начнут с нуля в ином месте, уничтожат еще одну затерянную колонию и в конце концов

добьются своей цели — столкнут лбами расколотое человечество, инициируют при помощи пятой колонны Третью Галактическую войну и будут спокойненько наблюдать, как мы истребляем друг друга, не зная, кто они на самом деле, не подозревая даже о существовании этой расы!..

Лайт слушал ее, понурив голову.

— Чего ты хочешь, в конце концов? — спустя какое-то время не выдержал он, зло сверкнув на Лизу глазами.

Она недоверчиво, с обидой посмотрела на него.

— Неужели ты и вправду ничего не понял? — Заметив, что он продолжает сверлить ее упрямым взглядом, Лиза поджала губы. — Пока я могла списать все на неизвестную высокоразвитую общину инсектов, я, так же как ты, думала лишь о Сэме и о том, как вырваться отсюда. Но потом я поняла: инсекты такие же марионетки, какой была я, а их истинные хозяева, кукловоды, стараются не оставить ни единого следа, ни одной зацепки — смотри, они прилетели на человеческом корабле, дождались, пока население колонии перегрызет друг другу глотки и практически вымрет от повальной эпидемии. Даже оружием и наземной техникой они пользуются нашими. Приведи сюда экспертов, когда истинные вдохновители и виновники смоются, и они, при самом придирчивом разбирательстве, во всем обвинят насекомых и логриан. — Лиза поймала его взгляд. — Лайт, у нас есть один-единственный шанс. Они не знают, кто мы и сколько нас. Они не рассчитывают на серьезное сопротивление. Мы должны взять их за горло одним ударом, но для этого, нужно заварить кашу тут, в цоколе!

— Зачем? — нахмурился он.

— Подумай, где сосредоточены основные силы противника?

— На острове. Скажу больше: тут, в ангарах, найдется пара исправных вертолетов, чтобы доставить нас туда.

— Вертолеты я тоже видела, когда просматривала отчет системы по уцелевшему оборудованию. Но подумай, нам и шага там не дадут ступить без боя.

— Ты хочешь заварить бучу здесь, чтобы оттянуть оттуда основные силы?

— Ну наконец-то…

— А если они смоются?

— Не сразу, — покачала головой Лиза. — Кто бы там ни сидел на этом острове, но они проделали титаническую работу и не захотят так просто потерять ее плоды. Пока у них будет надежда на благополучный исход, они не перестанут гнать инсектов на штурм цоколя.

— А мы с тобой будем держать всю эту свору? Чем, позволь спросить? Матом?

— В нашем распоряжении компьютерная сеть города.

— Системы жизнеобеспечения… — презрительно фыркнул Лайт.

— Смотря как их использовать, — уклонилась от прямого ответа Лиза. — Ты же виртуальщик! Неужели ты не сможешь управлять ими особенным способом? Смотри, — она выразительно указала на две полнообъемные управляющие сферы, установленные в разных концах зала, — это модули виртуальной реальности, которые используются для ручного управления городскими системами!

Лайт хмурился все больше, тяжело раздумывая над ее последней фразой.

— Хорошо… Допустим… — Он поднял взгляд на Лизу. — Что ты ставишь конечной задачей?

— Перемолоть в стенах цоколя как можно больше вражеских сил и в критический момент уйти отсюда. Мы высадимся на остров, когда оттуда будут вычерпаны основные силы противника. — Заметив, что он продолжает скептически хмуриться, Лиза добавила: — Лайт, мы люди. Это наш город. И мы…

Лайт укоризненно покачал головой, заставив ее. замолчать на полуслове.

— Ты из меня точно сделала психа, — произнес он, подойдя к сфере виртуального контроля, которая была установлена неподалеку от терминала метеорологического наблюдения. — Хватит с меня морали и чести. Давай будем думать конкретнее, раз уж решили драться…

Глава 12

Колония Воргейз. Цокольный этаж мегаполиса. Два часа спустя

Лайт был прав, — это смахивало на обыкновенное помешательство. Могли ли два человека остановить продвижение двухтысячного механизированного отряда?

Лиза не обсуждала вероятностей. Их дальнейшие прения окончились достаточно быстро и состояли всего из нескольких фраз:

— Я не хочу отпускать тебя одну! Это же самоубийство!

Лиза с вызовом посмотрела на него.

— Ответь, у кого из нас больше шансов быть убитым?

Его лицо в полумраке компьютерного зала казалось серым. Уступив в большом, он не хотел соглашаться с ней в малом. Отсиживаться здесь, в то время когда она будет находиться под огнем, казалось ему неправильным, по крайней мере именно так утверждали его внутренние понятия о справедливости.

— Пуля не выбирает. У тебя всего лишь кости искусственные, а не шкура!

— Это бессмысленный спор. — Лиза устало массировала покрасневшие глаза с припухшими веками. — Я прошла подготовку десантных подразделений и знаю, что такое бой.

— А я? Я что, не проходил этой чертовой подготовки? — возмутился он.

— Тебя готовили на киллера, Лайт, и не надо отрицать это, — мягко остановила Лиза его протест. — К тому же военная подготовка не имеет сейчас существенного значения в распределении ролей. Ты виртуальщик, а я нет. Значит, тебе место тут, а мне там. Вопрос исчерпан?

Он посмотрел на нее и безнадежно махнул рукой. Лиза покосилась на хронометр.

— Так, у нас с тобой остается всего два часа. Нужно успеть наметить маршрут. — Она обернулась к Лайту. — Ты двое суток копался в городской Сети. Что ты скажешь о возможностях обороны цоколя?

Выслушав ее, Лайт молча отошел к основному терминалу местной Сети. Похоже, что в этот миг он окончательно смирился и с безумным планом Лизы, и с распределением ролей.

— Мест для засады сколько угодно, — ответил он на ее вопрос. — Главное — затянуть их внутрь и вести по определенному маршруту.

Боевого снаряжения я тут не обнаружил, да, похоже, его и не было, я имею в виду действующего, а то, которое хранилось на консервационных складах, уже давно подчистили инсекты.

— Удивляюсь одному, — произнесла Лиза, рассматривая схему коммуникаций цоколя, которую Лайт прогонял по огромному тактическому монитору, — почему колонисты не воспользовались механизмами города, когда обороняли его?

— Сеть была еще мертва, — предположил Лайт. — Ты же должна понимать, что через три месяца после катастрофы работали лишь некоторые резервные блоки.

— Хочешь сказать, что компьютерная система города продолжала самовосстанавливаться уже после того, как погиб последний человек?

— Естественно, — ответил ей Лайт. — Пока может двигаться хоть один исполнительный механизм, управляющие программы будут побуждать его к производству необходимого ремонта. Это одно из основных условий самоподдержания подобных систем. Процесс происходил бы в любом случае. Это как лавина: сначала оживает один терминал, потом два, четыре, и так далее….

— Здорово… Ладно, восхищаться будем потом. Давай наметим маршрут и пути отхода. Было бы идеально, если б нам удалось запустить двигатели вертолета дистанционной командой.

— Я сейчас проверю такую возможность.

Два отпущенных им часа пролетели незаметно.

Пора было. уходить, но Лиза на миг задержалась у открытого люка виртуальной сферы, внутри которой уже устраивался Лайт.

Он посмотрел на нее сквозь бахрому свисающих с потолка, но не подключенных пока креплений и оптико-волоконных интерфейсов.

— Знаешь, ты заразила меня своей уверенностью, — внезапно признался он, отодвигая рукой завесу из кабелей. — Я хочу, чтобы у нас получилось.

— У нас получится, Лайт… — Лиза внезапно нагнулась, быстро поцеловала его в щеку и, уже не оглядываясь, пошла к выходу из зала.

* * *

Это было всего пятнадцать минут назад, но уже успело превратиться в далекое прошлое.

Лиза, присев за выступом бетонного основания ворот, смотрела, как медленно и неуклонно приближаются к городу серо-зеленые, камуфлированные коробочки БМК.

Инсектов было так много вовсе не потому, что они боялись людей. Просто для эффективного прочесывания цоколя с его запутанной системой внутренних коммуникаций требовалось именно такое количество бойцов. Лиза не видела в их действиях ничего панического или выходящего из ряда вон. Обычная операция по зачистке.

Им с Лайтом предстояло внести свои коррективы в планы насекомоподобных существ, и такая попытка, в понимании неуклонно пробуждающегося сознания лейтенанта Стриммер, не имела ничего общего с безумием.

Чем ближе подходила роковая минута, тем острее она вспоминала себя. Это походило на бесконечное падение в бездонный колодец с матово-черными стенами, из которых выдавливались отдельные фрагменты ее прошлой жизни. Видимо, из-за чрезмерного морального напряжения в мозгу рушились некие искусственно возведенные барьеры.

И чем больше она вспоминала, тем беспокойнее и одновременно увереннее ждала.

В эти минуты затянувшегося напряженного ожидания главным ее врагом стал бессознательный внутренний страх. Полностью успокоиться, отрешиться от ненужных сейчас мыслей не удавалось. Очнувшимся сознанием кадрового офицера она понимала, что два опытных, подготовленных бойца в состоянии не просто сдержать массу наступающего в невыгодной позиции противника, но и довести его до состояния панического изнеможения… а в душе все равно ползал подленький червячок сомнения, страха…

Его нельзя было полностью подавить в себе. Человек, лишенный страха за собственную жизнь, — это уже не боец, а безумец. Но они с Лайтом не имели сейчас права ошибиться, дать слабину хотя бы в малом, и не потому, что считали себя профессионалами, нет, не поэтому… Просто они стояли на земле, принадлежавшей людям, политой человеческим потом и кровью, и не было причин для позорного, гибельного бегства перед той безликой силой, которая пыталась неуловимо изменить ход отдельных людских судеб, чтобы те, в свою очередь, оказали заранее рассчитанное, роковое влияние на весь ход истории человечества…

Лиза еще не вполне отдавала себе отчет в том, что начинается война. Она не могла заставить свой едва очнувшийся разум подчиниться неотвратимой глобальности назревающих событий, — нет, она действительно не питала иллюзий относительно всего человечества, многоликого, как бог Янус. Личные счеты столкнули ее здесь и сейчас с непонятной разумной и циничной силой, названия которой она пока не

знала. Но в душе Лиза ощущала свою правоту, хотя и не догадывалась, что этот бой, которого она в принципе могла бы и избежать, страшная игра со смертью во имя немногих дорогих и понятных ей людей на самом деле станет первой реальной схваткой той войны, что развернется в пространстве обитаемых миров спустя совсем небольшой отрезок времени и станет, по сути, испытанием на прочность для всей человеческой цивилизации…

Но даже если бы Лиза и понимала глобальность надвигающихся событий, она вряд ли бы изменила принятое сегодня решение…

…Взглянув на цифры, которые постоянно менялись на крошечном дисплее дальномера, примотанного обычной изоляционной лентой к пластиковому прикладу «ИМ-12», она приподняла ствол импульсной винтовки так, чтобы короткое, толстое жерло подствольного гранатомета было направлено в небеса под определенным углом, уперла приклад в бетонный пол тоннеля и нажала на спуск.

Первая граната с шелестом ушла вверх, взлетев по крутой дуге, как раз в тот момент, когда головные бронемашины остановились метрах в трехстах от наклонной стены цоколя и инсекты полезли из открывшихся десантных люков БМК.

Взрыв рванул метрах в сорока от суетившихся насекомоподобных существ.

Недолет…

Первый — пристрелочный. Мысленный расчет поправки, едва приметный наклон ствола, цилиндрическая, холодящая ладонь рубашка гранаты, скользнувшая по запястью в жерло подствольника, — все эти мысли: ощущения заняли лишь доли секунд и…

Пять последовавших один за другим хлопков слились в странный звук, будто кто-то невидимый, вытянув губы трубочкой, пытается пускать ртом пузыри, — это «ИМ-12» освободилась от пяти гранат.

Взвившись в воздух по баллистической траектории, они упали в самой гуще высаживавшихся из бронемашин инсектов. Вспышки разрывов легли, с интервалом в доли секунды, смертельный танец огня и дыма метнулся меж бронированных бортов, осколки взвыли звонко и радостно, собирая обильную жатву и уходя на излет с заунывным пением, но Лиза не могла вполне осознать жуткую картину убийственного попадания, — она перекатилась по бетонному полу тоннеля к заранее намеченному укрытию, расположенному метров на двадцать глубже, чем первая позиция, и вжалась в стену, скрывшись за полуметровым выступом железобетонного ребра жесткости.

Как выяснилось — вовремя.

Ответный залп башенных орудий БМК заставил вздрогнуть и застонать массивные ворота, выполненные из не подверженного коррозии алюминиевого сплава. Укрепленная в бетонных стенах рама не выдержала и с оглушительным лязгом отошла со своего места, переламываясь посередине под весом просевшего створа, тоннель мгновенно заволокло дымом и мелкой белесой бетонной пылью, в клубах которой продолжали сверкать ярко-оранжевые вспышки разрывов.

Жаркая, удушливая взрывная волна валом пронеслась в глубь тоннеля, поднимая с пола мелкий мусор. Где-то в глубинах цоколя надсадно взвыл автоматически включившийся вентилятор, а впереди вдруг перестало грохотать, лишь последней тяжкой конвульсией обрушилась на искалеченный бетонный пол выбитая из креплений массивная металлическая плита.

Внезапно наступила оглушительная тишина.

В обстрелянном проеме продолжала клубиться густая белесая пыль. После оглушительного грохота разрывов и ноющего присвиста уходивших рикошетом в глубь тоннеля осколков было невообразимо странно слышать и свое собственное дыхание, и потрескивание осыпающейся с потолка бетонной крошки, и тихий, вкрадчивый звук шагов…

Темные, пригибающиеся силуэты возникли в изуродованном устье тоннеля. Они, один за другим, выныривали из густых клубов пыли, тут же превращаясь в насекомоподобных воинов.

Один… Два… Четыре… Шесть… Двенадцать…

Лиза дождалась, пока смутные тени полностью заполнят собой проем.

Первая ее очередь, несмотря на почти бесшумную работу интегрального затвора импульсной винтовки, все же показалась оглушительной, — это пули, расходясь смертельным веером, с отчетливым хрустом полоснули по хитину, сразу откинув силуэты назад. Одни падали навзничь, иные начинали верещать и дергаться, корчась в бетонной пыли, несколько выстрелов из «АРГ-8» трескуче грохнули в ответ, но Лиза, не обращая внимания на шальные пули, выбивавшие фонтанчики бетонной крошки из пола и стен, уже, пригибаясь, меняла позицию, опять отходя на заранее предусмотренный рубеж.

— Лайт, ты готов? — сбившись с дыхания, она произнесла эту фразу хрипло, отрывисто, одновременно меняя опустевший магазин.

— Я готов, — пришел немедленный ответ, и этот голос в коммуникаторе показался сейчас Лизе самой сладкой музыкой, какую она когда-либо слышала. — Пехота втягивается в тоннель. БМК пока стоят.

Тебе стоит прилечь, думаю они сейчас станут чистить тоннель огнем!

Предупреждение было излишним. Лиза уже заняла укрытие, распластавшись на холодном бетонном полу перед узкой амбразурой. Этот импровизированный дот был не более чем отлитой на углу перекрестка комнатой, где раньше располагался компьютер, управлявший транспортным потоком. Его лазерные датчики Лиза заранее выбила из стены куском валявшейся тут же арматуры, и в результате на их месте образовалась узкая сквозная щель в бетонной стене.

— Они идут! — раздалось в коммуникаторе.

Лиза посмотрела на счетчик зарядов. Один полный магазин… Жаль расставаться с привычной «ИМ-12», но ее боекомплект исчерпан, а пополнить его в условиях древнего цоколя просто нечем. Она покосилась на две штурмовые «АРГ-8», заботливо уложенные на пол. Оружие старое, с допотопной системой примкнутого магазина, не такое удобное и бесшумное, как двенадцатый «импульс», но выбирать не приходилось…

— Внимание! Включаю первую схему технической продувки тоннелей. Ты в укрытии?

— Да, начинай!

Лиза скорее почувствовала, чем услышала, как за ее спиной в глубинах тоннеля что-то огромное вздрогнуло и пришло в движение, медленно, нехотя раскручивая свои исполинские лопасти. Высокочастотная дрожь вибрации, воспринимаемая лишь туго натянутыми нервами, пробежала по стенам, и вслед за ней наконец пришли звук и ветер.

В глубинах цоколя сейчас раскручивались исполинские вентиляторы,

По всей длине сумеречного тоннеля внезапно вспыхнули цепочки укрепленных под сводом красных аварийных ламп.

— Внимание! — прогудел мертвый машинный голос. — Начата техническая продувка тоннелей! Поступил сигнал от службы эпидемиологического контроля. В атмосфере города обнаружен опасный штамм вируса! Сейчас будет создано избыточное давление! Всем свободным от аварийных обязанностей лицам укрыться в отведенных убежищах! Повторяю…

Лиза воспринимала этот страшный загробный голос, дошедший до нее из глубины веков, скорее слухом, нежели разумом, потому что ее мозг был сосредоточен на явлениях более конкретных, чем трубный глас электронного архангела смерти.

Тусклый свет аварийных ламп осветил тоннель, показав смутные на расстоянии силуэты наступающих инсектов, которые жались к стенам, перебегая от укрытия к укрытию. Их было много. Лиза отчетливо видела

лишь передовые группы, но дальше, метрах в ста от перекрестка, по полу катилась вялая, медленно переползающая масса. Они более не шли в полный рост, а ползли. Отряд, втянувшийся в тоннель, насчитывал сотни три бойцов. Лиза не знала, ведом ли инсектам страх, существует ли у них природный инстинкт самосохранения, но даже если и так, что толку? Смутная, шевелящаяся масса давила на психику, подсказывая на миг оцепеневшему разуму: тебе даже патронов на них не хватит… а ведь это едва ли четвертая часть всех подкатившихся к цоколю сил…

В смутном, зловещем свете аварийных ламп она поймала в прицел перебегающую вдоль стены группу и нажала на гашетку.

Короткий язычок голубоватой статики, пляшущий на срезе электромагнитного компенсатора, обозначил ее позицию, на миг осветив продолбленную в бетонной стене амбразуру.

Пули, обгоняя усиливающийся ветер, хлестнули вдоль тоннеля, заставив кувыркнуться и осесть на пол несколько тел.

Лиза повела стволом, щедро прошив пространство тугой очередью смертоносных жал, винтовка в ее руках преданно билась и дрожала, как живая, словно ее возбуждала картина вскакивающих и тут же падающих навзничь инсектов, а долгий свист рикошета казался жуткой, выворачивающей сознание музыкой разгорающегося боя.

Прореженная кинжальным огнем масса инсектов не выдержала, откатилась чуть назад, теряя при этом больше, чем в атаке. Остатки передовых отрядов рассосались по любым возможным укрытиям, обосновавшись за каждым выступом несущих конструкций, и в сторону огрызающейся огнем бетонной коробки полетели очереди ответного огня.

Пули защелкали вокруг амбразуры, покрывая бетон свежими оспинами.

Импульсная винтовка в руках Лизы в последний раз вздрогнула и стихла. Счетчик зарядов высветил зеленые нули.

Она бережно отложила «ИМ» в сторону и подтянула к себе «АРГ-8».

Снаружи продолжал бесноваться, перекатываясь трескучими волнами, автоматический огонь.

Пули щедро осыпали стены старого центра управления, но только одна или две рикошетом влетели в узкую амбразуру, звонко ударив по мертвым компьютерным консолям.

Лиза, сжавшись в комок на холодном полу, ждала новой атаки.

Наконец шквал автоматического огня стих. Она подалась к амбразуре. Темные силуэты инсектов вновь оторвались от стен, выползли из-за укрытий и пригибаясь, кинулись вперед.

Их порыв оказался слишком медлительным. Усиливающийся ветер, напор которого контролировал Лайт, исключал мгновенный рывок, создавая для Лизы идеальные, чуть ли не учебные условия стрельбы.

«АРГ» задрожал в ее руках. Магазин оружия был снаряжен как положено: каждый третий заряд — разрывной, и пространство тоннеля тут же наполнилось раскаленной метелью мельчайших металлических частиц, от которых негде укрыться, — сила их кинетической энергии уродовала стальные опоры и сбивала выступающие углы бетонных конструкций.

Лиза стреляла короткими, экономными, прицельными очередями, выпуская по три-четыре патрона.

Первый магазин показался ей чуть ли не бесконечным, — она все била и била, уже начиная свыкаться с этим адом, с кувыркающимися телами, вспышками ответного огня и визгливым рикошетом, когда внезапно ее очередь прорезала тоннель двумя росчерками — последние три патрона в магазине были трассирующими. Эти два сигналили ей о том, что остался еще один патрон, который уже в стволе. Она резко сменила магазин, вновь припала к амбразуре, но успела лишь раз огрызнуться по прущим из дымного сумрака фигурам, как ее внимание отвлек Лайт:

— Лиза, приготовься. В тоннель пошли БМК!

Черт, они все-таки купились на это! Купились!..

— Сколько у меня времени?

— Минута сорок секунд! Слушай таймер…

Лайт ошибся. Времени оказалось меньше. Пять боевых машин космодесанта втянулись в тоннель, наполнив его ревом двигателей. Башня передней БМК повернулась, и спаренное пятидесятимиллиметровое орудие зашлось злобной скороговоркой, разрядившись поверх голов распластавшихся на полу инсектов.

Лизе показалось, что бетонный пол вырвали у нее из-под ног.

Свет в тоннеле внезапно померк, и теперь мрак резали лишь столбы поисковых прожекторов да ослепительные, частые вспышки работавших по бункеру башенных орудий БМК. Сумрак превратился в ад, бетон в щебень, надежды и планы — в ничто.

Она на четвереньках добралась до выхода из укрытия, как раз в тот момент, когда один снаряд разворотил амбразуру, превратив ее в уродливую, дымящуюся дыру, а второй влетел следом, разорвавшись внутри помещения.

Смешанная с осколками взрывная волна выкинула, ее вон, вытолкнув из дверного проема, словно пробку. Лиза, кувыркаясь, пролетела несколько метров, потом ее с силой ударило о стену тоннеля. Она осталась лежать на

полу, беспомощная, изломанная, окровавленная…

…Лайт видел все, от начала и до конца.

Его зрению не могли повредить ни тьма, ни отрывистые вспышки выстрелов, ни ослепительные сполохи разрывов. Разбросанные там и тут по всем тоннелям и помещениям видеодатчики компьютерной системы цоколя были снабжены сенсорами теплового видения, и сейчас сознание Лайта, погруженное в виртуальные глубины города, очутилось среди плещущихся вокруг сюрреалистических теней, перемещающихся в густом зеленоватом сиропе.

Увидев, как Лизу вышвырнуло взрывной волной из расколовшегося на несколько уродливых кусков укрытия, он мгновенным усилием воли выключил вентиляторы, зная, что им потребуется еще секунд двадцать, чтобы остановить инерцию вращения, но были ли у нее эти двадцать секунд, и вообще, жива ли она, его безумная подруга, заразившая и Лайта собственной уверенностью в правоте и необходимости бросить вызов этой темной копошащейся массе вооруженных насекомоподобных существ?

Лайт не знал этого. Твердо он понял лишь одно, — если она погибла, то…

Головная бронемашина уже разворачивалась на перекрестке; из-за прикрытия ее брони вдоль тоннеля полоснуло несколько очередей, которые никак не могли повредить скорчившейся на полу Лизе, но Лайт отчетливо понял, — если в ближайшие несколько секунд он не предпримет что-либо, то кто-нибудь из этих колченогих тварей бросится вперед, и тогда ей уже не избежать контрольного выстрела.

Его разум, привычный к виртуальному пространству, мгновенно сориентировался в кажущемся хаосе силовых коммуникаций. Доли секунды потребовались Лайту, чтобы выделить необходимую линию, его мысль была сейчас волеизъявлением самого города, он ощущал себя равным богу и в то же время оставался уязвим, как человек, снедаемый страхом и беспокойством.

Группа инсектов действительно выскочила из-за прикрытия брони, намереваясь рывком преодолеть перекресток и залечь в устье тоннельной развязки, но Лайт уже был готов к такому обороту событий.

Он хладнокровно выждал, пока они перебегут через размеченное указующими полосами пространство, и только тогда отдал мысленный приказ аварийной системе пожаротушения.

Мощная многотонная плита герметичной переборки с грохотом и лязгом обрушилась с потолка, наглухо перегородив тоннель, в котором лежало тело Лизы.

…Она со стоном пошевелилась.

Перед глазами плавал кровавый туман боли. Тело было мокрым и дрожало от необъяснимого холода.

Со стоном приподнявшись на локтях, Лиза огляделась вокруг.

В изуродованном взрывами тоннеле опять горел тусклый, красноватый аварийный свет. Сверху с потолка на нее низвергались тонкие, колючие струйки воды. Она не сразу поняла, что это работает система автоматического пожаротушения. Последние секунды перед потерей сознания так ярко отпечатались в памяти, что первым ее порывом опять был бой, слепо нашарив приклад «АРГ-8», она дернула оружие к себе и только в этот миг заметила, что тоннель в нескольких метрах от нее перегорожен соскользнувшей сверху плитой, а из-под нее торчит перерубленное пополам тело инсекта, — задняя его часть осталась там, за преградой, а голова и передние конечности тут…

— Жива? — раздался в коммуникаторе голос Лайта.

— Жива… — машинально ответила Лиза, что есть сил пытаясь побороть подкатившую к горлу тошноту от контузии. Все же ей не удалось этого сделать, и внутренности словно вывернулись наизнанку. Пока она сотрясалась в конвульсиях, бронежилет внезапно сполз с нее и, стукнув об пол, распластался на нем рваной, изуродованной массой.

Совладав наконец с дурнотой, она взглянула на него и поняла, что со спины бронежилет весь порван в клочья и нашпигован осколками, перерубившими даже магнитные крепления.

— Ты не ранена? — с тревогой спросил Лайт.

— Нет… вроде бы… — Лиза со стоном выпрямилась, прислушиваясь к ощущениям своего тела. Подняв руку, она провела тыльной стороной ладони по щеке. Кровь. Наверное, царапина…

— Где они?

— Пошли параллельным тоннелем. Двигаются в нужную сторону, но я теперь не знаю, как их повернуть. Аварийные переборки там не работают, как назло обрыв в цепях питания.

— Далеко они опередили меня?

— Нет, метров на двести. Двигаются очень осторожно. Пробивают огнем каждый боковой проход.

— Ничего… — Она сделала неуверенный шаг на одеревеневших ногах, но вроде бы движение оказалось не таким болезненным, как Лиза ожидала. — Я поверну их. Сколько до основного перекрестка?

— Пятьсот метров.

— Я постараюсь успеть.

— Давай. У меня все готово, чтобы захлопнуть ловушку. Кстати, я запустил разведчика, и он показывает, что транспортные корабли уже отошли от терминалов к острову. Может быть, тебе не стоит дальше рисковать?

— Нет, Лайт, нам нужно держать их в напряжении. Второго шанса не будет. Мы должны все сделать наверняка.

— Хорошо… Удачи тебе…

* * *

Впереди мелькал свет прожекторов.

Бронемашины шли параллельным тоннелем, пытаясь обойти внезапно вставшее на их пути препятствие. Замысел Лизы и Лайта уже был выполнен более чем наполовину, — нанеся ощутимые потери инсектам, они сумели сымитировать плотное сопротивление, превратив операцию по прочесыванию пустого города в настоящий кровавый штурм.

Корабли, о которых упоминал Лайт, двигались к островной базе за подкреплением.

Лиза строила свой план именно на этом. Она надеялась, что им удастся втянуть в город как можно больше сил противника, обнажив таким образом оборону острова, сделав его более уязвимым. В подобном расчете крылся свой здравый смысл. Осознав, что инсекты не появились тут, прилетев из другого мира на транспортных кораблях, Лиза вполне логично предположила, что и они, и логриане, и те страшные гибриды, которые атаковали их взвод, все являются продуктом местного клонирования. На корабле, который явился первоисточником постигшей колонию катастрофы, прилетело всего несколько существ, это уже становилось очевидным. Они действовали по некой схеме, видимо, уже не раз и не дна опробованной при оккупации чужих миров. Если здраво взглянуть на расклад сил и обратить внимание на действующих лиц сегодняшней драмы, то становилось понятно, на чьих мирах отрабатывалась методика бескровного захвата планет.

Инсекты и логриане — вот существа, составлявшие основу регулярных войск захватчиков. Инсекты выполняли роль пушечного мяса, и это не противоречило их психологии муравейника, а логриане осуществляли более интеллектуальные функции, скорее всего, являлись техниками.

Цель агрессии в этот мир, учитывая то, что за пятьдесят лет его никто не заселил в качестве колонии, становилась ясна как божий день.

Они готовились к столкновению с людьми и желали иметь в составе

своих войск соответственно людей. Пока что имела место затянувшаяся во времени первая стадия агрессии — уничтожение единичной колонии, импорт технологий, изучение техники и особенностей биологического строения человека. Параллельно этому в населенные миры внедрялись эмиссары пятой колонны для сбора разведданных и вероятного осуществления диверсий.

Метеорологический зонд, запущенный Лизой, дал ей ответ на три очень важных вопроса.

Во-первых, естественные пещеры на острове не имели прикрытия эффективными, мобильными средствами противовоздушной обороны.

Во-вторых, захватчики чувствовали себя совершенно спокойно.

И в-третьих, ни на одном из материков она не могла обнаружить признаков сельскохозяйственной и промышленной деятельности.

Как известно, любую армию необходимо содержать и кормить, неважно, набрана она из числа существ, обладающих собственной волей, или же искусственно выращенных и зомбированных в процессе роста. Любой организм требует пищи, а техника — ухода и ремонта.

Из отсутствия возделанных сельскохозяйственных угодий и работающей промышленной базы Лиза сделала очевидный вывод, — врагов мало. Не более трех-четырех тысяч особей. Техники и того меньше. Боезапас ограничен. Не зная истинной психологии тех, кто заправлял акцией вторжения, ни Лиза, ни Лайт не могли толково объяснить себе причин такого положения вещей, но оно казалось очевидным.

Именно исходя из этих посылок Лиза убедила Лайта, что, создав серьезный очаг напряженности на материке, они оттянут с острова практически все имеющиеся там в наличии силы.

Их враги, не зная, с кем имеют дело, уже привыкшие к отсутствию проблем, постараются завершить все одним массированным ударом, не считаясь с потерями. Вероятнее всего, они не думали о самореанимировавшейся компьютерной сети цоколя как о реальной силе, а тем более как о противнике, иначе давно бы вычистили цоколь не только от людей, но и от всех электронных систем самоподдержания жизни.

Был еще один, последний вопрос, который не могла не задавать себе Лиза: где расположены эти, вычисленные эмпирическим путем миры инсектов и логриан, попавшие под удар неизвестной расы?

Ответ, как казалось, опять напрашивался сам собой: по имеющимся историческим свидетельствам, и инсекты, и логриане, не сумев ни остановить, ни пережить миграцию Предтеч, происходившую три миллиона лет назад, сами мигрировали в соседнюю Галактику.

Только там могли сохраниться высокоразвитые очаги их цивилизаций, и именно там они были порабощены неизвестной расой.

Теперь сфера жизненных интересов этой цивилизации вышла за пределы родного звездного сообщества, и, по неизвестным пока причинам, они обратили свой взор сюда, в нашу родную Галактику, на историческую родину инсектов, логриан и людей.

Все постепенно вставало на свои места, обретая логику и смысл, но однозначность этих выводов еще предстояло доказать…

* * *

Выскочив на перекресток, Лиза поняла, что, несмотря на пять минут, проведенных в беспамятстве, ей все же удалось опередить медленно наступающего противника.

Оставалось последнее и, наверное, самое трудное — повернуть наступающие силы инсектов к заводу по переработке отходов жизнедеятельности, расположенному на нулевом уровне цоколя, в полукилометре от этого перекрестка.

Если ей удастся это сделать, то тем, кто засел на острове, придется серьезно задуматься об отправке сюда подкреплений.

Вспышки выстрелов, прошивающих боковые пешеходные проходы, двигались к очередному перекрестку, становясь все явственнее, отчетливей, будто в красноватом сумраке аварийного освещения по тоннелям цоколя ползла изрыгающая огонь металлическая змея.

Сжимая в вспотевших ладонях приклад «АРГ-8», Лиза затаилась за мощной опорой, поддерживающей свод шести тоннелей, вливающихся с разных сторон в эту развязку транспортных артерий уровня.

Прошло секунд сорок томительного, тревожного ожидания, прежде чем перед нею из жерла тоннеля показался скат лобовой брони головной БМК.

Лиза не стала рисковать, подпуская машину ближе. Она уже лишилась бронежилета и не хотела получить шальную пулю или осколок. Главное — обозначить себя, показать, что жива. Иначе они потеряют цель и успокоятся, рассредоточившись для прочесывания…

Она дала короткую очередь, отбежала в сторону, еще раз огрызнулась огнем и тут же юркнула в тоннель, в то время как на просторе транспортной развязки щербатую поверхность опоры уже грызли частые разрывы.

Оказавшись в нужном тоннеле, Лиза не стала полагаться на приборы обнаружения БМК, а принялась отступать в глубь транспортной артерии,

постоянно огрызаясь короткими очередями в сторону бронемашин и высыпавшей из-за них пехоты.

Наконец эта рокочущая масса неуклюже развернулась в ее сторону и медленно поползла вперед, неуклонно надвигаясь на обнаруживший себя источник назойливого сопротивления.

Вот первая бронемашина вползла в тоннель, и Лиза, предчувствуя выстрел, побежала, уже не оглядываясь и не пытаясь поддразнить их очередью.

Тоннель был коротким и оканчивался массивными, гостеприимно распахнутыми воротами толщиной в пятьдесят сантиметров, за которыми расстилалось сумеречное пространство пустого цеха, ровное, как асфальтированная площадь.

Рокот БМК накатывался, он становился все громче, явственнее. Вот уже первый прожекторный луч лизнул по распахнутым воротам, осветив растянувшуюся во всю стену предупреждающую надпись:

«Внимание! Вход в приемник термоядерного конвектора отходов только в специальных защитных костюмах!»

Рядом были нанесены три символа, известные каждому ребенку в любом из обитаемых миров.

Один из них обозначал угрозу радиации, другой химического заражения, а третий высокие, несовместимые с понятием «жизнь» температуры.

Лиза дала последнюю, уже неэкономную очередь в сторону приближающихся бронемашин и юркнула в боковой проход, стремясь как можно быстрее уйти из опасной зоны. Лайт честно предупредил, ее, что после полувека полного забвения он не может отвечать за адекватную работу термоядерных установок утилизации.

Лиза бежала что есть сил, а за ее спиной в глубинах огромного приемника зашевелились активированные Лайтом сумеречные тени. Это были механизмы, обслуживающие конвектор.

Зафиксировав их движение, головная БМК увеличила скорость и, вырвавшись на простор огромного зала, произвела несколько выстрелов.

Движение не прекратилось. Бронемашина продвинулась еще метров на двадцать вперед, чтобы освободить проход для техники и пехоты.

Инсекты вливались в зал мелкими группами по десять-пятнадцать особей и тут же занимали выгодные, по их представлению, позиции. Головная машина продолжала вести прицельный одиночный огонь по снующим вокруг сервоприводным механизмам, а за их спинами на перекрестке транспортных артерий уже пришла в движение огромная,

многотонная плита, перегораживающая путь к отступлению.

Ловушка захлопнулась.

Массивные ворота цеха также начали смыкаться, а на пульте управления, притулившемся под самым потолком зала, в крохотной экранированной свинцом кабинке, зажглось несколько злобных, предупреждающих сигналов.

Глава 13

Колония Воргейз. Где-то над островами

Небольшой гражданский вертолет описывал широкую дугу в пасмурном небе, немного кренясь при этом на один борт.

Шум вертолетных лопастей смешивался с рокотом прибоя и шелестом зарядившего после полудня дождя, который барабанил по волнующейся поверхности океана.

Лайт, устроившись в кресле пилота, напряженно созерцал на окружавших его экранах, как укрупняется, обрастая подробностями, неприступный рельеф третьего острова, который вздымался из пучин океана отвесными стенами вылизанных прибоем скал.

Взгляд Лайта то и дело беспокойно соскальзывал на прорисованный компьютером грозный силуэт космического корабля, возвышавшегося над плоской вершиной венчающей остров столовой горы.

— Не понимаю… — наконец произнес он, повернув голову к Лизе. — Может быть, мы что-то упускаем из виду? Почему у них нет системы противовоздушной обороны?

Лиза поймала его взгляд и ободряюще улыбнулась.

Она как раз закончила соединять два магазина к «АРГ-8», делая это древним как мир способом — просто перемотав их куском липкой изоляционной ленты. Между магазинами, чтобы обеспечить зазор, она вставила толстую пластиковую пластину.

— Оборона есть… — успокоила она Лайта, присоединяя боекомплект и пробуя на вес, сильно ли изменилась центровка оружия. — И противовоздушная, и противокосмическая, — добавила она, указав на контур космического корабля.

— Этот монстр, что ли?

— А как ты думал. Тебе разве незнаком его контур?

Лайт откровенно пожал плечами. Откуда он мог знать обводы корпусов множества существующих в Галактике типов кораблей, тем более что этот, судя по всему, был неимоверно старым.

— Это малый конвойный крейсер, — пояснила ему Лиза. — Состоял на вооружении Земного Альянса в конце Первой Галактической. — Конечно, кто-то основательно потрудился над ним после войны, но этот «кто-то» был довольно нагл… — произнесла она, отчеркнув ногтем одну из выступающих над корпусом покатых башен. — Это плазмогенератор. Их

даже не удосужились как следует замаскировать, хотя применение данного типа оружия, так же как аннигиляторов «Свет», запрещено межпланетными конвенциями, принятыми сразу после поражения Земного Альянса. Думаю, что этот корабль долгое время пиратствовал на галактических гиперсферных трассах, пока каким-то образом не перекочевал в руки нынешних хозяев. Вот откуда они узнали о людях… — мрачно заключила она. — Я зря думала, что им удалось допросить навигационный блок «Орфея». — На черты Лизы набежала тень. — Нет… теперь я окончательно уверилась, что «Орфей» погиб… Скорее всего, он был сбит из этих самых плазмогенераторов.

— Мощное оружие? — осторожно поинтересовался Лайт, который был знаком с подобными системами лишь понаслышке.

Лиза пожала плечами:

— Можешь себе представить солнечный протуберанец?

— Ну да. Это выброс раскаленной плазмы, проще, поток ионизированного газа со звездными температурами.

— Вот так он и работает. Думаю, что в дополнение к генераторам плазмы на борту корабля есть и лазерные батареи, но ни одно, ни второе в данную минуту нам не грозит. Иди впритирку со скалами, и все будет в порядке. Его батареи предназначены для открытого пространства, на земле они бесполезны.

— Думаешь, все будет так просто? — усомнился Лайт.

— Нет, — откровенно признала Лиза. — Но они нас не ждут, а это важное преимущество.

В ее словах заключалась правда. Вертолет скользил очень низко, почти над самыми гребнями волн, приближаясь к острову со стороны открытого океана, а не от материка. Они специально сделали крюк в несколько сот километров, чтобы совершить этот маневр. К тому же внимание хозяев островной базы сейчас наверняка приковано к древнему цоколю, где пробудившиеся кибернетические системы перемалывали вторую карательную экспедицию, посланную туда после гибели первой.

Лайт покосился в сторону суши.

Пасмурное небо над материком то и дело подсвечивали заметные даже днем вспышки. Представив, что творится сейчас в самом цоколе, Лайт мысленно содрогнулся, подумав, что разбуженная и перепрофилированная им мощь древних систем теперь вряд ли оставит там камень на камне…

— Приготовься… — вырвал его из минутной задумчивости голос Лизы. — Садимся, как договорились. Проскакиваем поближе к кораблю, минируем его опоры и сразу же прочь, вниз… О вертолете можешь не

заботиться. Если возьмем остров — все наше. Если нет, то возвращаться будет некому.

Лайт покачал головой:

— Умеешь ты утешить…

* * *

Остров приближался.

Теперь громада его скал была видна невооруженным глазом. Пенный прибой бессильно бился у их подножия, с грохотом ударяя в неприступные серые стены.

Вертолет еще некоторое время летел над самой поверхностью воды, и лишь когда до отвесных скал оставались считанные метры, машина притормозила горизонтальный полет и, подчиняясь воле пилота, начала подниматься вертикально вверх, двигаясь параллельно выветренным скальным уступам.

Мимо кабины проносилась серая, влажная и слоистая отвесная стена.

Лайт крепко держал штурвал ручного управления. Лиза отстегнула страховочные ремни и, не вставая с кресла, ногой оттолкнула дверь кабины. Та послушно отъехала вбок, открывая проем, в который ворвался холодный ветер, напоенный брызгами дождя.

В этот миг кабина вертолета наконец поднялась над срезом скал. Лайт тут же заработал управлением, заставив машину плавно накрениться, и повел ее над самой поверхностью горного плато, намереваясь посадить в тесный зазор между брюхом чудовищного, похожего на гору космического корабля и скалой, на которой тот стоял.

Лиза, у которой было больше возможностей оглядеться, заметила несколько серых, неотличимых от скал приземистых одноэтажных зданий, разбросанных по плато без какой-либо симметрии, а главное — систему укреплений…

Она все-таки существовала, эта проклятая цепь обороны! Лиза открыла огонь прямо из кабины, целясь в выскочившие из ближайшего к ним здания фигурки, которые, рассыпавшись по полю, падая и вскакивая, бежали к расположенным по периметру посадочной площадки частично вырытым в земле, а частично и выдолбленным в камне капонирам, в которых были установлены не менее древние, чем сам корабль, образчики планетарной техники.

Она стреляла, не останавливаясь ни на секунду. Вертолет стремительно несся над самой землей, а из его кабины, подрубая бегущие по полю фигуры, били короткие трескучие вспышки.

Машина пронеслась над посадочным полем и нырнула в зазор между скальным основанием и брюхом исполинского корабля.

Лиза спрыгнула с подножки и побежала к ближайшей из семи телескопических опор, но не успела преодолеть и трети расстояния, как плотный автоматический огонь, идущий со стороны виденных с высоты укрытий, заставил ее распластаться на шероховатом камне.

Рядом плюхнулся Лайт. Откатившись в сторону, он дал несколько очередей и, повернув голову, проорал:

— У тебя хватит взрывчатки?!

— Да! — Лиза сменила магазин и тоже огрызнулась очередью, понимая, что такой огонь бесполезен.

— Взрывай опоры, я попробую заткнуть эти капониры! — Не оставив ей ни секунды на возражения, Лайт вскочил и, петляя, побежал назад, к вертолету.

Лиза рывком откатилась на несколько метров, продолжая бить короткими очередями в сторону оживших укрытий. Она как могла прикрывала Лайта, а тот уже поравнялся с вертолетом, миновал его и, совершив последний бросок через открытое пространство, внезапно исчез из поля зрения Лизы.

В той стороне сверкнуло несколько вспышек, раскатисто ударила взрывная волна, запоздало треснула и тут же захлебнулась очередь из импульсного оружия, и Лиза внезапно поняла, что пули больше не щелкают о камень вокруг нее.

Вскочив, она метнулась к ближайшей телескопической опоре космического корабля, на ходу доставая из подсумка заранее заготовленные взрывные устройства.

Прикрепляя их, она огляделась по сторонам и поняла, что их план сработал, несмотря ни на что! На огромном пространстве естественного космодрома не было видно ни души. Их атаки действительно никто не ждал…

…Через минуту, прикрепляя последний заряд, Лиза вместо торжества ощутила глухую угрозу, будто. что-то сильно и болезненно давило на ее разум.

Тишина. Вокруг стояла гробовая, прямо-таки оглушительная тишина. Ни выстрелов, ни криков, лишь далеко у скал лениво рокотал прибой да тонко подвывал ледяной пронизывающий ветер…

— Лайт? — ее голос предательски дрогнул.

Ей ответила все та же зловещая тишина, расплескавшаяся и в коммуникаторе, и в реальном пространстве.

Щеки Лизы посерели, глаза внезапно выцвели.

— Лайт!!! — дико закричала она, бросаясь назад к тем капонирам, куда успели вползти выскочившие из здания инсекты.

* * *

Нога Лизы оскользнулась в липкой грязи.

Упав на раскисший бруствер, она боком съехала по оплывшей стене разбитого взрывами гранат капонира и несколько секунд лежала на дне неглубокого укрытия, не шевелясь, не находя в себе сил открыть глаза.

Бесконечный дождь, опять зарядивший с хмурых небес, нудно барабанил по мокрым скалам, порывистый ветер играл обрывками маскировочной сети, расстилал струйки сизого дыма по обгорелой броне взорванного самоходного орудия…

«Зачем я пришла в этот мир?.. Кого я пыталась судить?.. Зачем повела на смерть доверившегося мне человека?.. Я ведь даже не могу считаться такой, как он… Кто я, живущая лишь обрывками своих воспоминании, своей горечью, ненавистью к существам, меня убившим, а затем заново создавшим, как я могла толкнуть его на смерть?!»

Открыв глаза, Лиза увидела неестественно вывернутую руку.

Будь она человеком — да, нашлись бы и силы, и оправдания поступкам, и мотивация ненависти, потому что знала бы тогда: один неверный шаг — и ляжешь рядом в эту же грязь, на радость островным падальщикам, что уже кружили в сером небе под низкими, плачущими дождем тучами.

Но разве могла она умереть?

Лиза не понимала, что постоянно находится в плену расхожего мнения, рожденного обывателями, зачастую слишком далекими от понимания сути, чтобы быть справедливыми.

Она могла умереть, но призрак сервоприводной машины, сто раз усвоенный по стереотипам видеофильмов, слишком прочно сидел в ее сознании, будто он шел за ней по пятам, как тень.

Встав на колени, Лиза в немом оцепенении смотрела на изодранное осколками тело Лайта, не замечая собственных слез, которые, смешиваясь с дождем, струились по щекам. Она еще не потеряла этой горькой, спасительной способности плакать.

Рядом валялось несколько тел инсектов, такие же порванные, кровоточащие, без признаков жизни, а Лизе внезапно представилось, как их сородичи придут следом, подберут тела и реинкарнируют их, модернизируют по собственным понятиям совершенства и снова пустят в

дело… в страшное дело войны, не испытывая при этом ничего: ни угрызений совести, ни каких бы то ни было этических неудобств…

Нет… Тысячу, миллион раз — нет!.. Она на собственной шкуре прочувствовала, какова эта дарованная вторично жизнь.

Она протянула руку, чтобы приподнять тело Лайта, унести его прочь. Лиза просто обезумела от этой потери. Мир в одну секунду перестал существовать для нее, словно в душе переполнилась чаша страданий и там все затопила чернота полного безразличия, отвращения к окружающему. Пытаясь приподнять его голову, Лиза коснулась дрожащими, мокрыми от дождя пальцами шеи Лайта и вдруг почувствовала едва ощутимо трепещущую жилку — внезапный знак того, что изорванное осколками тело все еще живо!..

Ее мгновенно обдало жаром. Все тело Лайта кровоточило, но в нем, вопреки всему, до сих пор теплилась тоненькая ниточка едва приметного пульса, а Лизе и не нужно было в этот момент ничего большего!..

Ее безумие ширилось, грозя полностью, поглотить все остатки здравого смысла.

Вместо того чтобы подорвать корабль и прорываться вниз в естественные бункеры, следуя тому плану, который они поклялись выполнить во что бы то ни стало, она, взвалив на себя безвольно обмякшее тело Лайта, пошатываясь, машинально передвигая ноги, медленно пошла в сторону распахнутых дверей приземистого здания, откуда несколько минут назад выскочили инсекты.

Лиза чувствовала себя бесконечно усталой…

На самом ли деле она надеялась на этот крохотный огонек жизни, еще не угасший в его израненном близким разрывом теле? Наверное, нет… Более того, она почему-то подумала, что и ее теперь, наверное, точно убьют, словно Лайт оставался последней связующей ниточкой, которая тянулась от ее сознания во внешний мир, к этому злому, емкому и несправедливому понятию «жизнь».

На миг ей даже захотелось, чтобы так все и произошло.

Остановившись на пороге здания, она повернула голову и, нашарив рукой устройство дистанционного управления, сжала бугорок сенсорного детонатора.

Скалы содрогнулись в ощутимой конвульсии, когда взрывы подрубили опоры огромного космического корабля, отбирая у этого исполина шанс взлететь.

Вслед за взрывами раздался ужасающий удар и оглушительный лязг — это древняя скала приняла на себя сотни тысяч тонн лишившегося

опоры металла.

Лизу больно ударило плечом о косяк двери. Взрывная волна втолкнула ее внутрь приземистого здания, но она устояла на ногах.

Перед ней простирался короткий унылый коридор с несколькими невзрачными, никак не помеченными дверями.

Вокруг было тихо и пусто, лишь откуда-то снизу, изнутри здания продолжал доноситься басовитый рокот — это отзвук падения космического корабля бродил по пронизывающим скалы отверстиям и гротам.

* * *

Дальнейшие события начали сливаться для Лизы в нескончаемый, монотонный кошмар.

Первая из дверей на поверку оказалась лифтом.

Она вошла внутрь и, не задумываясь, коснулась самой нижней кнопки.

Двери автоматически закрылись, и кабина с ощутимым ускорением начала стремительное падение вниз.

Когда она остановилась, Лиза одновременно с движением открывающихся дверей вскинула одной рукой «АРГ-8» и выпустила длинную очередь.

Ей ответил глухой стук падающих тел.

Перешагнув порог лифта, она увидела инсекта и двухголового логрианина, корчащихся в расползающейся по стылому каменному полу луже крови.

Она впервые видела воочию двухголовое существо, но так сильно было ее горе, так оглушительна внезапно навалившаяся усталость от нескончаемых смертей, что она просто перешагнула через умирающих ксеноморфов и внезапно оказалась в просторном зале, который заполняли установленные тесными, параллельными рядами камеры биологической реконструкции.

Эти аппараты, разработанные еще в далекой древности, в разное время служили разным целям. В них с равным успехом можно было выращивать как брикеты пищевых протеинов, так и полнокровные существа, — аппарат был сконструирован с гениальной универсальностью. Его функциональные возможности зависели лишь от состава исходной биомассы и тех программ, которые присутствовали в данный момент на компьютерных носителях. В силу этических соображений крышки этих агрегатов, в отличие от криогенных камер, изготавливались из

непрозрачного материала, но Лиза и без того догадывалась об их истинном содержимом.

Она шла по проходу меж ними, пошатываясь под тяжестью своего страшного, окровавленного груза, пока наконец не увидела свободный цилиндр с откинутой вверх крышкой.

Осторожно опустив в него тело Лайта, она дождалась пока сработает автоматическая система диагностики. Заметив, как зонд-анализаторы со всех сторон впились в тело, она протянула руку к встроенному пульту управления, резким движением перекинув одну из клавиш из положения «автомат» в позицию «ручное».

Пальцы Лизы на секунду застыли, пока разум выковыривал из глубин памяти полузабытые сведения о подобных системах.

Нахмурясь, она долго смотрела на пульт, потом коснулась нескольких сенсоров. Агрегат послушно среагировал на прикосновение ее пальцев. На дисплее зажглись вполне понятные, осмысленные строки сообщений на интеранглийском.

Вздох облегчения вырвался из груди Лизы, когда она наконец добилась двух сообщений системы:

«Поддержание жизни».
«Запрет изменений».

Внутри аппарата что-то защелкало. Тело Лайта конвульсивно дернулось, когда ему в шею впилось несколько зонд-инъекторов.

Часть индикационных сигналов на пульте тут же сменилась с красных на желтые, а один даже приобрел веселый, изумрудный оттенок.

У Лизы внезапно защипало в носу. Ей вдруг захотелось плакать, но она лишь закусила губу.

Пора было идти.

Единственное, что она не смогла заставить себя сделать, — это закрыть непрозрачную, тяжелую крышку похожего на гроб прибора. Оставлять ее открытой противоречило инструкциям, но, внимательно посмотрев на сигналы пульта и сообщения системы, Лиза поняла, что автоматике в данном случае все равно, опущена крышка или нет.

Она так и не решилась ее опустить.

Вместо этого она а последний раз взглянула на мертвенно бледное лицо Лайта и пошла прочь, к видневшемуся в противоположном конце зала освещенному проходу.

Ее руки судорожно сжимали импульсную винтовку.

В глазах Лизы стыл лютый холод.

Она хотела видеть хозяев этого места.

* * *

Опять потянулся нескончаемый лабиринт коридоров.

Дважды она натыкалась на инсектов, и оба раза эти встречи кончались плачевно для насекомоподобных существ.

Пройдя очередным коридором, Лиза внезапно увидела распростертые на полу тела и поняла, что совершила полный круг по лабиринту пещер и переходов.

Так можно было блуждать до бесконечности. Она вдруг запоздало подумала о том, что нужно было не убивать насекомых, а заставить их говорить, ведь, насколько было известно, они являлись природными телепатами, и люди без предубеждений достаточно просто общались, с ними на уровне мысленных сигналов.

Она вновь тронулась в путь, так и не заглянув в тот зал, где осталась камера биологической реконструкции с телом Лайта. Откровенно говоря, Лиза просто побоялась взглянуть на него еще раз. Сделать для него что-то большее она уже не могла, но знала, что не вынесет вида его мертвого тела, если автоматика камеры по какой-то причине оказалась бессильной перед тяжестью его ранения.

В прошлый раз она сворачивала в каждый правый коридор, теперь решила пойти по левым.

Долго блуждать по катакомбам ей не пришлось, — Лиза успела всего дважды свернуть в избранном направлении, когда увидела в конце очередного каменного тоннеля фигуру инсекта.

Тот стоял у входа в какой-то зал, напряженно вглядываясь в глубины помещения.

Очевидно, он по чьему-то приказу пытался отыскать незваных гостей, вторгшихся в систему подземных коммуникаций.

Лиза осторожно прокралась по коридору, стараясь ступать легко и бесшумно. Инсект стоял, не меняя своей напряженной позы, его усики, расположенные поверх ороговевших жвал, медленно шевелились, но все внимание этого существа было направлено в полутемные глубины огромной пещеры.

Когда до него осталось всего несколько метров, инсект, вероятно, что-то почуял и начал поворачиваться, но Лиза стремительно бросилась вперед, впечатав приклад импульсной винтовки в его загривок.

Она услышала неприятный хруст и с досадой подумала, что,

наверное, не рассчитала сил и прибила его.

Перевернув тело, она откинула прочь его оружие и придавила грудь инсекта коленом. Ствол своей импульсной винтовки она сунула ему в жвалы и застыла в ожидании.

Прошло около минуты, прежде чем тело под ней вяло зашевелилось. Лиза усилила давление на грудь, почувствовав, что тварь очнулась и теперь испуганно смотрит на нее своими огромными, сегментированными глазами.

«Ты меня слышишь? Понимаешь?» — отчетливо, с угрозой подумала она, не отрывая взгляда от жутких, нечеловеческих глаз.

Инсект под ней дернулся, будто его шарахнуло током.

«Слышу. Понимаю», — Его ответная мысль, несмотря на четкость формулировки, была проникнута всепоглощающим ужасом.

«Веди. К своим хозяевам, — помыслила Лиза, чуть ослабив давление коленом на грудь. — Один шаг в сторону — убью».

* * *

Это оказалось совсем рядом с тем залом, где Лиза оставила Лайта. Ей на секунду даже стало обидно, — могла бы найти и сама, без помощи трясущегося насекомого.

Она открыла дверь и наконец увидела ЕГО.

Нельзя сказать, чтобы существо было чудовищным или отвратительным, — скорее оно казалось странным, и вот эта странность, сумма неправильности черт и деталей при вполне человеческом строении тела, делала его отталкивающим, непонятным и опасным.

Оно повернулось на шум, и Лиза поняла, что перед ней гуманоид, скорее всего, мужчина (неистребима оказалась эта машинальная привычка разума разделять всех и вся по вторичным половым признакам). Его кожа отливала голубизной, как бывает у закоченевшего на морозе трупа. Глаза были большими, чуть раскосыми в углах, улыбка вполне напоминала человеческую, вот только лиловые губы придавали ей жутковатый, отталкивающий оттенок. Нос показался Лизе наиболее чуждой человеку частью в строении его лица. Он был широким и вдавленным, будто у уродца с генетической деформацией.

Заметив Лизу, которая застыла в дверях, полностью загородив единственный выход, гуманоид испугался лишь в первый момент, — она не могла пропустить чисто человеческое выражение смятения и страха, промелькнувшее в его миндалевидных глазах, но спустя секунду, машинально отступив в глубь комнаты, он взглянул на нее скорее с

любопытством, чем с ужасом.

Лиза удержалась от душившего ее желания сделать шаг вперед и что есть силы врезать в эту синюшную маску, так, чтобы остервенело почувствовать боль в костяшках своих пальцев, услышать, как будут с хрустом проламываться его кости…

Вместо этого она схватила за уступ плечевых хитиновых пластин копошившегося сбоку от нее инсекта и рывком швырнула его в комнату управления, так что насекомое кубарем улетело под ноги своему голубокожему хозяину.

«Будешь переводить», — мысленно приказала она скорчившемуся на полу инсекту.

Как выяснилось, гуманоид отчетливо понял и ее жест, и ту мысль, что мгновенно ретранслировал ему инсект.

Он чисто человеческим жестом скрестил руки на груди, оперся спиной о пульт и спросил:

— Что тебе нужно?

Лиза, как могла, старалась обуздать ненависть, внезапно затопившую все ее существо.

— Я пришла сказать, что вы проиграли, — ответила она, взглядом указав на импульсную винтовку в своих руках. — Опоры космического корабля взорваны, и он не сможет взлететь на планетарной тяге. Ваши войска завязли в цоколе и сейчас гибнут там. Игра закончена.

Сложно сказать, имелся ли в лексиконе этих существ термин «самообладание», но ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Меня зовут Лоит, — услышала она переведенную инсектом мысль. — Я огорчу тебя, человек, сказав, что не могу проиграть в принципе? — с явной, ироничной издевкой спросил он.

— Это слова, — резко ответила ему Лиза. — Тебе некуда деваться. Ты умрешь.

Лоит пристально посмотрел на нее, и Лизе на миг показалось, что в его глазах с узкими, вертикальными, словно у кошки, зрачками мелькнула насмешка.

— Я бы мог еще больше огорчить тебя, человек, — промыслил он. — Но мне откровенно жаль тех трудов, которые вложены в эту планету и в весь план в целом. Давай попробуем понять друг друга и договориться, — внезапно предложил он. — Думаю, что твоя дикая свирепость имеет под собой почву невежества, как бывает у любой нижестоящей биологической формы.

Лиза молча проглотила прозвучавшие в его словах-мыслях

намеренные оскорбления. Хотя, кто знает, — может, он действительно считает себя выше всех остальных существ?

— Для начала, чтобы у тебя не осталось иллюзий относительно своего физического превосходства, я сообщу тебе об одной особенности, которой владею. — Он улыбнулся, и эта мимика заставила Лизу сжаться. — Я бессмертен. Ты можешь убить это тело, но я вновь очнусь, в похожей биологической оболочке, за миллионы световых лет отсюда, и буду знать, что моя миссия здесь окончилась неудачей. Знаешь, чем обернется для твоей расы моя мнимая смерть?

Лизе стоило невероятных внутренних усилий сохранить видимость спокойствия в возникшей ситуации.

— Смерть этого тела и мое знание о ней обернется для твоей расы войной и полным уничтожением.

— Почему? — Лиза заставила себя задать этот вопрос.

— Я отвечу, — охотно согласился он. — И даже более того, сделаю тебе одно предложение. Но для начала я должен кое-что пояснить, иначе между нами не наступит окончательного понимания относительно того, кто здесь действительный хозяин положения, а кто мнимый. Ты согласна?

Лиза поняла, что поддаться сейчас душившим ее эмоциям было бы величайшей глупостью. Он хочет говорить? Пусть будет так.

Она кивнула.

Голубокожий гуманоид сделал едва уловимый пасс руками, и воздух между ним и Лизой вдруг начал сгущаться, не потеряв при этом своей прозрачности, просто в нем проступила чернота, в которой ярко блестели искорки звезд.

— Можешь не напрягать свою зрительную память, человек. Ты не в состоянии определить положение данного участка Вселенной, даже если и сумеешь запомнить конфигурацию звезд. Перед тобой сектор Хараммина, место, где много миллионов лет назад моя раса вышла в космос, покинув границы своей планетарной колыбели.

Лиза, внимательно слушая возникающие в ее голове слова-образы, продолжала напряженно разглядывать трехмерную модель космоса. Несомненно, ей демонстрировался характерный участок рассеянного скопления звезд, примером которого в нашей Галактике могли стать Плеяды. Что ж… послушаем дальше…

— Моя раса в течение одной тысячи лет заселила весь сектор Хараммина, колонизировав пять с половиной тысяч звездных систем. — Он посмотрел на Лизу сквозь прозрачную черноту космической модели, очевидно, надеясь увидеть на ее лице смятение чувств, рожденное страхом

перед цивилизацией, способной совершить такой рывок в освоении космоса за ничтожно малые сроки, но Лиза, к его удивлению и досаде, оставалась спокойна. На то имелось несколько причин: во-первых, ее душа уже очерствела, в ней умерло все способное трепетать, удивляться или же испытывать страх, а во-вторых, она видела перед своими глазами скопление звезд, где расстояния между искорками серебристого огня порой не превышали одного-двух световых лет. Она думала в этот миг не о величии неизвестной ей расы, а о том, что если бы колыбель человечества — Земля — находилась не на задворках Галактики, в одном из ее спиральных рукавов, где расстояние между звездами измерялось десятками, а порой и сотнями световых лет, то эффективность человеческой экспансии могла бы быть намного выше сегодняшней.

— Допустим, — ответила она. — Все это впечатляет, но я пока что не вижу причин падать ниц.

Он кивнул, продолжая пристально смотреть на нее, и продолжил:

— Около трех миллионов лет назад по вашему летосчислению в сектор Хараммина одновременно вторглись две армады космических кораблей, принадлежавших двум разным цивилизациям. Это были беженцы из какого-то затерянного уголка Вселенной. Они называли себя инсектами и логрианами. Как выяснилось позже, их миграция была вынужденной — они просто спасались бегством, пытаясь ускользнуть от нашествия странных форм пространственной жизни.

Он снова сделал движение руками, и панорама космоса исчезла.

— Наша раса к тому времени обрела могущество и стабильность, и ее не могла поколебать такая мелочь, как столкновение с армадами чужих кораблей, — продолжил он. — К моменту вторжения мы уже владели вечностью, и у нас было объявлено о первой Квоте Бессмертных. Объясню, что это такое…

Лоит говорил без жестикуляции и эмоций, его речь лилась плавно, монотонно, но Лиза не знала, бесстрастен ли он сам или же такое впечатление создает мысленный перевод его слов скорчившимся на полу инсектом?

— Квота Бессмертных — это число особей, которые могут обрести вечность. По нашим законам, любой Хараммин может войти в Квоту, в число избранных, если он заслужил это. Принцип нашей демократии и политики, как внешней, так и внутренней, предельно прост: мы постигли строение мира, овладели им и признаем, что он устроен не вполне совершенно. В наших силах изменить его, и мы делаем это. Каждый может проявить себя, сделать что-то важное, общественно полезное, и тогда он

входит в Квоту, обретая бессмертие — реальную власть над материей и духом.

Он несколько секунд помолчал, а затем, не дождавшись какой-либо реакции от Лизы, продолжил:

— Когда в границах наших миров появились сонмища инсектов и логриан, мы могли покончить с ними одним ударом и спокойно существовать дальше, но, несмотря на то, что они вторглись к нам без предварительных контактов, без разрешения и у нас не было свободного жизненного пространства для миллиардов вновь прибывших особей, цивилизация Хараммина не стала их уничтожать. Мы проигнорировали пограничные конфликты, не стали развязывать масштабную войну. Более того, разобравшись в бедственном положении двух мигрирующих рас, мы предоставили им часть своих технологий и предложили вступить в Квоту Бессмертных на равных с нами правах. Для их расселения и устранения самой причины конфликта мы научили вновь прибывших строить огромные искусственные сооружения вокруг звезд, которые вы, люди, называете Сферами Дайсона. Мы предоставили им самые совершенные компьютерные технологии, основанные на микрокристаллах. Мы проявили великодушие и честь. Теперь, спустя бездну времени, у обеих принятых в наше сообщество рас есть свои Квоты Бессмертных.

Он замолчал, и Лиза поняла, что Лоит ждет ее реакции.

— Если вы так добры и гуманны, то почему вторглись сюда, как захватчики, уничтожив колонию? Почему вы действуете скрытно, исподтишка, а не установите дипломатические отношения с человечеством?

Голубокожий не стал уходить от прямого ответа.

— Некоторое время назад сектор Хараммина посетил странный, с нашей точки зрения, космический корабль, — ответил он. — На нем прилетело всего одно живое существо, да и то на поверку оказалось не человеком а… — он замялся, видимо, стараясь вспомнить отсутствующий в, лексиконе термин, — ага, вспомнил, — «киборг». У него был такой же искусственный скелет, как и у тебя, а в его голове мы нашли разъем, предназначенный для подключения микрочипа. Он называл себя человеком. Говорил, что его зовут Джон Митчел Сент-Иво. Он якобы возглавлял какую-то человеческую корпорацию со странным названием «Галактические киберсистемы», а потом, когда его корпорация была уничтожена, он решил путешествовать. Но суть не в нем, а в образе его действий и в той информации, что удалось почерпнуть! Он приземлился в мире, где обитали инсекты. Он не вступил в контакт с Бессмертными, не

объявил о своем прилете, а занялся тем, что он называл «исследованиями». На самом деле он и его спутник, о котором мне неприятно упоминать, потому что он был настоящим чудовищем — огромной шагающей машиной, внутри которой жил отделенный от тела человеческий мозг… — При этих словах голубокожий позволил себе впервые потерять контроль над собственным телом, которое передернулось, видимо, от патологического отвращения к описанной им конструкции. — Так вот, — овладев своими чувствами, продолжил Лоит спустя несколько секунд, — они каким-то образом нашли путь к умам тех инсектов, что находятся на низшей ступени социального развития. Они повели себя абсолютно варварским образом, смущая их и заставив бунтовать против нас. За это они были уничтожены, а к нам в руки попал космический корабль, в навигационном блоке которого хранились координаты многих человеческих миров. Мы ужаснулись действиям этого киборга, а еще более нас поразил сам факт существования столь извращенной смеси живого с неживым, которую нам продемонстрировал его спутник, бывший, по его собственному утверждению, погибшей человеческой особью, у которой в результате операции удалось спасти лишь мозг.

Лиза продолжала молчать. Лоит перевел взгляд с ее лица на импульсную винтовку, которую она сжимала побелевшими пальцами, и решил продолжить:

— Пользуясь полученными данными, мы установили наблюдение за новой для нас цивилизацией и снова пришли в ужас. Наши наблюдатели увидели существ экспансивных, злых, нетерпимых даже друг к другу. Ваша ксенофобия развита до такой степени, что существа с одного мира могут ненавидеть и истреблять существ с другой планеты только потому, что у тех иной пигмент кожных покровов или форма черепа, отличная от исходного образца. Вы постоянно ведете борьбу, истребляя либо друг друга, либо окружающую вас среду, но отвратительнее всего оказался ваш путь технического богоподражания.

— Что значит «богоподражание»? — спросила Лиза, пытаясь удержать себя в рамках хотя бы до тех пор, пока голубокожий не опомнился и не перестал сыпать информацией.

— Это значит, что вы взяли на себя слишком большую смелость в создании искусственных организмов. Во всех сферах бытия вы воображаете себя равными мифическим богам-создателям, и нужно признать, что преуспели в извращении сущности всего живого…

— И вы решили нас уничтожить?

— Нет. Моей целью было не уничтожение! — Тут в его словах

впервые прорвались эмоции. — Я пытался понять вас и создать благоприятную почву хотя бы в одном, отдельном взятом мире, для того чтобы появиться там и предложить людям иметь свою, человеческую Квоту Бессмертных!

Лиза передернула плечами.

— А как быть со мной? — внезапно спросила она.

— А разве ты не понимаешь, что ты и тебе подобные должны были стать впоследствии первыми членами Квоты?

«Вот даже как?» — неприязненно подумала Лиза, внутренне понимая, как много людей может быть куплено на подобный посул.

Наверное, в этот миг она наконец начала осознавать истинную сущность противостоящих им существ.

Они не были добрыми или злыми, справедливыми или пристрастными — нет. Они были рациональными.

Личное бессмертие, если принять на веру постулат о его существовании, наверное, поставило их над чувствами. Их души износились, ими прожито и пережито столько, что наступила крайняя фаза равнодушного, рационального цинизма. Они, как строгие, но желающие добра родители, как грамотные администраторы, кроят доступный участок Вселенной по своим критериям справедливости, полагая, что ни в каком деле нельзя обойтись без жертв и потерь со стороны материала…

Они не убивают, а всего лишь устраняют досадные препятствия и стареют они не телом, а разумом. Этот Лоит, очевидно, пережил на своем веку так много, что уничтожение целой человеческой колонии уже не кажется ему чем-то чудовищным. Приоритеты смещаются, и наступает истинное прозрение, — чудовищной ошибкой, с их точки зрения, будет как раз не уничтожить людей.

Для них это было всего лишь нудное, давно уже наскучившее движение вперед. Возможно, в основе их действий когда-то лежало действительное желание нести стабильность и процветание младшим расам, но за три миллиона лет бессмертные, сами того не заметив, перешагнули через незримую черту, за которой для них наступила смерть, но не физическая, а моральная.

Лиза подняла взгляд на голубокожее существо.

Оказавшись припертым к стене, он, не церемонясь, предложил ей стать номером первым в человеческой Квоте Бессмертных, и Лиза отчетливо понимала почему.

Ее мозг был сильнее управляющего генератора импульсов. Он просто блокировал его, и это испугало голубокожего бога до тошноты. Он понял,

что не сможет управлять людьми. Никогда. И именно поэтому с такой готовностью лгал о себе, о своей расе и предлагал ей сделку, надеясь здесь на корню купить единственного из людей, стоявшего на пороге понимания истинной сути происходящего.

Единственный вопрос, который смущал и беспокоил Лизу, — имела ли она право решать за всю цивилизацию? Ведь, по его словам, выходило, что она своими действиями может отнять у людей Вечность?

Лиза подумала об этом и тут же мысленно отмела такой довод. Человеческие технологии биологической реконструкции вкупе со взрывообразным развитием сети Интерстар и так уже не раз подводили отдельных исследователей к этому мнимому, пресловутому бессмертию личности, которое на самом деле вело лишь к полной утрате души. Но она не могла не отметить, что Лоит, как опытный коммивояжер, прекрасно знал, чем торгует, и хорошо понимал, как следует преподнести свой товар, который на поверку — всего лишь сытое, снисходительное самодовольство для избранных, плавно переходящее сначала в скуку, а затем и в моральную смерть.

Да, несомненно, некоторые, даже можно сказать — многие люди захотели бы пополнить собой Квоту Бессмертных.

Более того, Лоит знал, что большинство людей примут шанс на обретение бессмертия как щедрый дар.

Цивилизация попросту растворится, сгинет в чуждой культуре, восприняв ее как неизбежную плату за Вечность. Вечность, которая не нужна мертвым рабам, ибо на данном этапе людям предлагается не бессмертие, а не лимитированное во времени рабство с призрачной надеждой на будущий пересмотр статуса.

— Знаешь, в чем ваша главная ошибка, Лоит? — спросила она, взглянув на голубокожего гуманоида.

— В чем? — насторожился он, и Лиза действительно уловила этот страх.

— Во лжи. Я не знаю, кем был этот встретившийся на вашем пути Джон Митчел и его шагающий робот с человеческим мозгом вместо процессора, — возможно, он и на самом деле тот самый, таинственно исчезнувший глава «Галактических киберсистем», но не в этом суть. Ты лжешь относительно главного, а я знаю правду.

— И какова она?

Лиза усмехнулась.

— Правда в том, что и логриане, и инсекты пришли отсюда из нашей Галактики. Не вы научили их строить Сферы Дайсона и мощнейшие мини-

компьютеры. Нет. Они умели это делать задолго до своего вынужденного бегства, и доказательство тому — множество известных артефактов, оставшихся после них в границах освоенного нами космоса. Между прочим, главный из артефактов до сих пор обитаем. Это самая первая, построенная инсектами Сфера Дайсона.

Лиза заметила, что Лоит непроизвольно попятился, и добавила:

— Думаю, что вы просто поработили их. Вы отсняли их достижения, уничтожили саму память о их былом величии и держите до сих пор на положений рабов. И нам предначертана такая же, если не худшая участь, неважно, соглашусь я сейчас с твоей ложью или нет. Подозреваю, что вам недоступен ни гиперпривод, ни универсальность наших компьютерных систем. Взглянув на нас, вы увидели себя, какими могли бы стать, если бы развивались сами, а не присваивали плоды чужого опыта развития. Скажу больше, ты подозревал, что инсекты и логриане пришли отсюда. Не мог не подозревать и не задавать себе вопроса: если в пределах вашего Хараммина появился один человек, способный разобраться в ситуации и напомнить инсектам, что они не всегда являлись вашими рабами, то почему не смогут явиться другие? — Лиза горько усмехнулась. — Мы равны вам по силе, а в чем-то и превосходим вас и потому заранее приговорены. Не было в ваших планах никакой Квоты Бессмертных для Человечества. Максимум, что нам уготовано, — это геноцид. Вы уже впитали, как жадная губка, некоторые наши технологии, не гнушаясь тем самым богоподражанием, которым попрекаете людей. Вы сначала убили, а затем вновь создали и зомбировали меня, забыл?

Несколько минут Лоит молчал. Инсект, по-прежнему скорчившийся на полу у его ног, даже ни разу не пошевелился за все это время.

Глядя на него, невозможно было не испытывать горечь и страх от мысли, что именно такая участь была уготована людям, несмотря на все сказки о бессмертии, прозвучавшие только что в этих стенах.

Наконец Лоит поднял голову, посмотрел ей в глаза и внезапно спросил:

— Что же ты теперь намереваешься сделать, человеческий воин? Я уже сказал, что моя смерть не принесет вам спасения. Я не могу умереть. Убийством ты заберешь лишь ничтожную часть моего опыта, еще не транслированного на носители Хараммина, но это не спасет твою расу.

— Я не собираюсь тебя убивать, голубокожий, — ответила ему Лиза. — Хочу, но не стану. Иначе ты действительно забудешь все, что здесь видел. Нет…

— Она твердо посмотрела на него. — Я не желаю, чтобы ты забыл

это. Пусть память и страх послужат тебе уроком.

Лоит выпрямился, глядя на нее, но лишь спустя миг Лиза сумела понять, что на самом деле он смотрел поверх ее плеча, куда-то в глубь полутемного коридора.

Она поняла это слишком поздно, — когда отчетливо грянул выстрел, и синеватое лицо-маска вдруг исказилось судорогой боли. Голову Лоита откинуло назад чудовищным ударом, а из его покатого лба фонтаном ударила кровь — такая же яркая, алая, как и у людей.

Царапая пальцами по поверхности пульта, Бессмертный, хрипя, ополз на пол. Его тело сотрясали конвульсии, а на лиловых губах застыла жуткая усмешка.

В последний миг перед смертью ему казалось, что он победил.

Лиза резко обернулась.

В проходе, держась одной рукой за стену, стоял Лайт.

Кровь капала с его порванной осколками одежды на серый пол коридора. Несколько секунд он сверлил Лизу мутным от боли взглядом, а потом вдруг прошептал, отрывисто и сипло:

— Пошли… Я нашел… Сэма…

Лиза бросилась, чтобы поддержать его, потому что силы покинули Лайта, и он начал медленно сползать по стене, оставляя за собой влажный, кровавый след.

Она успела подхватить его — ее руки совершали какие-то нужные, машинальные движения, а в голове гулким, горячим набатом бились два слова, которые должны были предопределить ее личное субъективное будущее…

Первым словом было имя — Сэм, которое, вырвавшись из уст Лайта, сработало как болезненный выключатель, щелкнувший в ее душе.

Вторым же был емкий, придуманный людьми, но так и не познанный ими до конца термин «война».

Война за выживание человечества как биологического вида.

Она уже началась, но пока об этом знали только трое — она, стонущий на ее руках, израненный Лайт да еще ускользнувший из этой реальности голубокожий гуманоид…

Эпилог

Отзвукам далеких событий иногда удается вырваться из глубин аномалии пространства-времени, и тогда чей-то голос, возможно, принадлежащий человеку, давно погибшему, или же, наоборот, ныне здравствующему и уже позабывшему о том или ином отправленном сообщении, вдруг оживает серией импульсов и начинает звучать в приемопередающих контурах станций Гиперсферной Частоты.

Вот как сейчас, например:

— Говорит лейтенант военно-космических сил Конфедерации Солнц Лиза Стриммер…

Шорох вездесущих помех на миг глушит пришедший из глубин пространства голос.

— …Всем, кто меня слышит… Планетным правительствам… Борт 618… Картографический крейсер «Орфей» гуманитарной миссии Совета Безопасности… Нами обнаружено… уничтоженное поселение на планете…

Треск помех нарастает, но голос уже услышан, руки операторов тянутся к панелям управления, отдавая команду автоматическим системам, чтобы выделили этот голос, очистили его.

— Повторяю координаты… Вероятный источник агрессии — рассеянное скопление wd-325834 в составе галактики Туманность Андромеды. — Благодаря включившимся фильтрам помех голос крепнет, обретая тембр и глубину: — Продолжаем миссию разведки, пользуясь захваченным конвойным крейсером. Прошу транслировать это сообщение по всем доступным каналам передачи данных…

Снова треск помех, и опять этот же голос вырывается из них, настойчивый, повторяющийся, как молитва о всеобщем спасении:

— …говорит лейтенант военно-космических сил Конфедерации Солнц. Повторяю, нами обнаружена уничтоженная колония на планете YR-207 по универсальному каталогу. Отчет о вторжении в колонию будет передаваться цифровым кодом Конфедерации каждые планетарные сутки в течение универсального года на этой же гиперсферной частоте.

Операторы слушают этот голос, и их реакция очень различна — от тщательно подавляемой тревоги во взглядах до откровенных саркастических усмешек, но…

Последние слова далекого абонента заставляют вздрогнуть их всех

без исключения:

— …Опасность не преувеличена. Это война.